

Война и мир

Л. Н. Толстой

ВОЙНА И МИР

Основное содержание

Том первый

Часть первая

В июле 1805 года Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Федоровны, принимала гостей. Первым хозяйка встречала «важного и чиновного» князя Василия. Он был «в придворном, шитом мундире, в чулках, в башмаках и звездах, с светлым выражением плоского лица». Говорил князь «на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, но и думали наши деды, и с теми тихими, покровительственными интонациями, которые свойственны состарившемуся в свете и при дворе значительному человеку». «Князь Василий говорил всегда лениво, как актер говорит роль старой пьесы. Анна Павловна Шерер, напротив, несмотря на свои сорок лет, была преисполнена оживления и порывов.

Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением, и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Анны Павловны, хотя и не шла к ее отжившим чертам, выражала, как у избалованных детей, постоянное сознание своего милого недостатка, от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться.

В середине разговора про политические действия Анна Павловна разгорячилась. - ...Нашему доброму и чудному государю предстоит величайшая роль в мире, и он так добродетелен и хорош, что Бог не оставит его, и он исполнит свое призвание задавить гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея».

Искусно перейдя от проблем государственных к личным, Анна Павловна заговорила с князем Василием о его сыне Анатоле:

«- Знаете, я недовольна вашим меньшим сыном. Между нами будет сказано (лицо ее приняло грустное выражение), о нем говорили у ее величества и жалеют вас... Князь Василий поморщился.

- Что ж мне делать? - сказал он наконец. - Вы знаете, я сделал для их воспитания все, что может отец, и оба вышли *des imbeciles* [дурни (франц.)]. Ипполит, по крайней мере, покойный дурак, а Анатолий - беспокойный...

Анна Павловна задумалась.

- Вы никогда не думали о том, чтобы женить вашего блудного сына Анатоля... у меня есть одна *petite personne*, которая очень несчастлива с отцом, *une parente a nous*, *une*

princesse [девушка... наша родственница, княжна (франц.)] Волконская... Отец очень богат и скуп. Он живет в деревне. Знаете, этот известный князь Болконский, отставленный еще при покойном императоре и прозванный прусским королем. Он очень умный человек, но со странностями и тяжелый...

- Ecoutez, chere Annette [Послушайте, милая Анет (франц.)], - сказал князь, взяв вдруг свою собеседницу за руку и пригибая ее почему-то книзу. - Arrangez-moi cette affaire et je suis votre вернейший раб а tout jamais [Устройте мне это дело, и я навсегда ваш (франц.)]... Она хорошей фамилии и богата. Все, что мне нужно... Гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Приехала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастам и характерам, но одинаковые по обществу, в каком все жили; приехала дочь князя Василия, красавица Элен, заехавшая за отцом, чтобы с ним вместе ехать на праздник посланника. Она была в шифре и бальном платье. Приехала и известная, как la femme la plus seduisante de Petersbourg [самая обворожительная женщина в Петербурге (франц.)], молодая, маленькая княгиня Волконская, прошлую зиму вышедшая замуж и теперь не выезжавшая в большой свет по причине своей беременности, но ездившая еще на небольшие вечера. Приехал князь Ипполит, сын князя Василия, с Мортемаром, которого он представил; приехал и аббат Морио и многие другие... Молодая княгиня Волконская приехала с работой в шитом золотом бархатном мешке. Ее хорошенькая, с чуть черневшимися усиками верхняя губка была коротка по зубам, но тем милее она открывалась и тем милее вытягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Как это бывает у вполне привлекательных женщин, недостаток ее - короткость губы и полуоткрытый рот - казались ее особенною, собственно ее красотой...

Вскоре после маленькой княгини вошел массивный, толстый молодой человек с стриженою головой, в очках, светлых панталонах по тогдашней моде, с высоким жабо и в коричневом фраке. Этот толстый молодой человек был незаконный сын знаменитого екатерининского вельможи, графа Безухова, умиравшего теперь в Москве. Он нигде не служил еще, только что приехал из-за границы, где он воспитывался, и был первый раз в обществе. Анна Павловна приветствовала его поклоном, относящимся к людям самой низшей иерархии в ее салоне. Но, несмотря на это низшее по своему сорту приветствие, при виде вошедшего Пьера в лице Анны Павловны изобразилось беспокойство и страх, подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и несвойственного месту. Хотя действительно Пьер был несколько больше других мужчин в комнате, но этот страх мог относиться только к тому умному и вместе робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной... Страх Анны Павловны был не напрасен, потому что Пьер, не дослушав речи тетушки о здоровье его величества, отошел от нее». Затем «Пьер сделал обратную неучтивость... теперь он остановил своим разговором» Анну Павловну, «которой нужно было от него уйти». Однако «отделавшись от молодого человека, не умеющего жить», она «возвратилась к своим занятиям хозяйки дома».

«Как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, - так и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину... Вечер Анны Павловны был пущен. Веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели...

Княжна Элен улыбалась; она поднялась с той же неизменяющейся улыбкой вполне красивой женщины, с которою вошла в гостиную. Слегка шумя своею бальной робой, убранною плющом и мохом, и блестя белизной плеч, глянцем волос и бриллиантов, она прошла между расступившимися мужчинами и прямо, не глядя ни на кого, но всем улыбаясь и как бы любезно предоставляя каждому право любоваться красотой своего стана, полных плеч, очень открытой, по тогдашней моде, груди и спины, и как будто внося с собою блеск бала, подошла к Анне Павловне. Элен была так хороша, что не только не было в ней заметно и тени кокетства, но, напротив, ей как будто совестно было за свою несомненную и слишком сильно и победительно действующую красоту. Она как будто желала и не могла умалить действие своей красоты...

Le charmant Hippolyte [Милый Ипполит (франц.)] поражал своим необыкновенным сходством с сестрою-красавицею и еще более тем, что, несмотря на сходство, он был поразительно дурен собой. Черты его лица были те же, как и у сестры, но у той все освещалось жизнерадостной, самодовольной, молодой улыбкой и необычайной, античной красотой тела; у брата, напротив, то же лицо было отуманено идиотизмом и неизменно выражало самоуверенную брюзгливость, а тело было худощаво и слабо. Глаза, нос, рот - все сжималось как будто в одну неопределенную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественное положение... В гостиную вошло новое лицо. Новое лицо это был молодой князь Андрей Болконский, муж маленькой княгини. Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами. Все в его фигуре, начиная от усталого, скучающего взгляда до тихого мерного шага, представляло самую резкую противоположность с его маленькою оживленною женой. Ему, видимо, все бывшие в гостиной были знакомы, но уж надоело ему так, что и смотреть на них, и слушать их ему было очень скучно. Из всех же прискучивших ему лиц лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело. С гримасой, портившею его красивое лицо, он отвернулся от нее. Пьер, со времени входа князя Андрея в гостиную, не спускавший с него радостных, дружелюбных глаз, подошел к нему и взял его за руку. Князь Андрей, не оглядываясь, сморщил лицо в гримасу, выражающую досаду на того, кто трогает его за руку, но, увидав улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно-доброй и приятной улыбкой».

Когда князь Василий со своей дочерью Элен уже покидали салон Анны Павловны Шерер, в передней их догнала пожилая дама. Она «носила имя княгини Друбецкой, одной из лучших фамилий России, но она была бедна, давно вышла из света и утратила прежние связи. Она приехала теперь, чтобы выхлопотать определение в гвардию своему единственному сыну. Только затем, чтобы увидеть князя Василия, она назвалась и приехала на вечер к Анне Павловне... Влияние в свете есть капитал, который надо беречь, чтоб он не исчез. Князь Василий знал это, и, раз сообразив, что ежели бы он стал просить за всех, кто его просит, то вскоре ему нельзя было бы просить за себя, он редко употреблял это влияние. В деле княгини Друбецкой он почувствовал, однако... что-то вроде укора совести. Она напомнила ему правду: первыми шагами своими в службе он был обязан ее отцу...»

- Chere [Дорогая (франц.)] Анна Михайловна, - сказал он с своею всегдашнею фамильярностью и скукой в голосе. - Для меня почти невозможно сделать то, что вы хотите; но чтобы доказать вам, как я люблю вас и чту память покойного отца вашего, я сделаю невозможное: сын ваш будет переведен в гвардию, вот вам моя рука». Вечер между тем продолжался. Разговор среди гостей шел о Бонапарте. Виконт утверждал, что «интригой, насилием, изгнаниями, казнями общество... хорошее общество, французское, навсегда будет уничтожено». Пьер рьяно отстаивал превосходство Наполеона, утверждая его величие.

«- Да, ежели бы он, взяв власть, не пользуясь ею для убийства, отдал бы ее законному королю, - сказал виконт, - тогда бы я назвал его великим человеком. - Он бы не мог этого сделать. Народ отдал ему власть только затем, чтоб он избавил его от Бурбонов, и потому, что народ видел в нем великого человека. Революция была великое дело, - продолжал мсье Пьер...»

- Революция и цареубийство великое дело?... - повторила Анна Павловна. В первую минуту выходки Пьера Анна Павловна ужаснулась, несмотря на свою привычку к свету... и когда убедилась, что замять этих речей уже нельзя, она собралась с силами и, присоединившись к виконту, напала на оратора... Мсье Пьер не знал, кому отвечать, оглянул всех и улыбнулся. Улыбка у него была не такая, как у других людей, сливающаяся с неулыбкой. У него, напротив, когда приходила улыбка, то вдруг, мгновенно исчезало серьезное и даже несколько угрюмое лицо и являлось другое - детское, доброе, даже глуповатое и как бы просящее прощения». Князю Андрею удалось «смягчить неловкость речи Пьера».

«Поблагодарив Анну Павловну... гости стали расходиться. Пьер был неуклюж. Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками, он, как говорится, не умел войти в салон и еще менее умел из него выйти, то есть перед выходом сказать что-нибудь особенно приятное».

Прощаясь с Пьером, Анна Павловна высказала надежду, что он переменит свои мнения. В ответ молодой человек «показал всем еще раз свою улыбку, которая ничего не говорила, разве только вот что: «Мнения мнениями, а вы видите, какой я добрый и славный малый». И все и Анна Павловна невольно почувствовали это». После светского раута Пьер поехал, как и обещал, к князю Андрею. Хозяин дома на правах старого друга расспрашивал молодого человека о его будущей карьере. «Пьер с десятилетнего возраста был послан с гувернером-аббатом за границу, где он

пробыл до двадцатилетнего возраста. Когда он вернулся в Москву, отец отпустил аббата и сказал молодому человеку: «Теперь ты поезжай в Петербург, осмотришь и выберишь. Я на все согласен. Вот тебе письмо к князю Васильку, и вот тебе деньги. Пиши обо всем, я тебе во всем помогаю». Пьер уже три месяца выбирал карьеру и ничего не делал».

Сам князь Андрей собирался идти на войну, объясняя это тем, что та жизнь, которую он ведет здесь, не для него. Решение князя, столь огорчившее его жену, послужило поводом для их ссоры, невольным свидетелем которой стал Пьер. «- Вот как все мужчины эгоисты; все, все эгоисты! Сам из-за своих прихотей, Бог знает зачем, бросает меня, запирает в деревню одну. - С отцом и сестрой, не забудь,- тихо сказал князь Андрей. - Все равно одна, без моих друзей... И хочет, чтоб я не боялась. Тон ее уже был ворчливый, губка поднялась, придавая лицу не радостное, а зверское, беличье выражение. Она замолчала, как будто находя неприличным говорить при Пьере про свою беременность, тогда как в этом и состояла сущность дела».

Размолвка Андрея с женой стала поводом для откровенной беседы друзей. «- Никогда, никогда не женись, мой друг... пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог. Женись стариком, никуда не годным... А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого. Все истратится по мелочам... Моя жена... одна из тех редких женщин, с которой можно быть покойным за свою честь; но, Боже мой, чего бы я не дал теперь, чтобы не быть женатым! Это я тебе одному и первому говорю, потому что я люблю тебя... Ты говоришь, Бонапарте и его карьера, - сказал он, хотя Пьер и не говорил про Бонапарте. - Ты говоришь, Бонапарте; но Бонапарте, когда он работал, шаг за шагом шел к своей цели, он был свободен, у него ничего не было, кроме его цели, - и он достиг ее... Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество - вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти... И это глупое общество, без которого не может жить моя жена, и эти женщины... - Мне смешно, - сказал Пьер,- что вы себя, себя считаете неспособным, свою жизнь - испорченною жизнью. У вас все, все впереди...

Пьер считал князя Андрея образцом всех совершенств именно оттого, что князь Андрей в высшей степени соединял все те качества, которых не было у Пьера и которые ближе всего можно выразить понятием - силы воли... Князь Андрей добрыми глазами смотрел на него. Но во взгляде его, дружеском, ласковом, все-таки выражалось сознание своего превосходства.

- Ты мне дорог, особенно потому, что ты один живой человек среди всего нашего света... Ты везде будешь хорош, но одно: перестань ты ездить к этим Курагиным, вести эту жизнь. Так это не идет тебе: все эти кутежи, и гусарство, и все... - Знаете что! - сказал Пьер, как будто ему пришла неожиданно счастливая мысль, - серьезно, я давно это думал. С этою жизнью я ничего не могу ни решить, ни обдумать. Голова болит, денег нет. Нынче он меня звал, я не поеду. - Дай мне честное слово, что ты не будешь ездить? - Честное слово!...»

Во втором часу ночи Пьер вышел от своего друга с намерением ехать домой. Дорогой он думал об обществе, которое собирается у Анатоля Курагина.

«Хорошо бы было поехать к Курагину», - подумал он. Но тотчас же он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина. Но тотчас же, как это бывает с людьми, называемыми бесхарактерными, ему так страстно захотелось еще раз испытать эту столь знакомую ему беспутную жизнь, что он решился ехать». Войдя к Курагину, Пьер увидел, что «человек восемь молодых людей толпились озабоченно около открытого окна. Трое возились с молодым медведем, которого один таскал на цепи, пугая им другого». Анатолий налил Пьеру вина и сообщил, «что Долохов держит пари с англичанином Стивенсом, моряком, бывшим тут, в том, что он, Долохов, выпьет бутылку рома, сидя на окне третьего этажа с опущенными

ногами...

Долохов был человек среднего роста, курчавый и с светлыми голубыми глазами. Ему было лет двадцать пять. Он не носил усов, как и все пехотные офицеры, и рот его, самая поразительная черта его лица, был весь виден. Линии этого рта были замечательно тонко изогнуты. В середине верхняя губа энергически опускалась на крепкую нижнюю острым клином, и в углах образовывалось постоянно что-то вроде двух улыбок, по одной с каждой стороны; и все вместе, а особенно в соединении с твердым, наглым, умным взглядом, составляло впечатление такое, что нельзя было не заметить этого лица. Долохов был небогатый человек, без всяких связей. И несмотря на то, что Анатолий проживал десятки тысяч, Долохов жил-с ним и успел себя поставить так, что Анатолий и все знавшие их уважали Долохова больше, чем Анатолия. Долохов играл во все игры и почти всегда выигрывал. Сколько бы он ни пил, он никогда не терял ясности головы. И Курагин и Долохов в то время были знаменитостями в мире повес и кутил Петербурга».

Долохов выиграл пари, и пока англичанин рассчитывался с ним, Пьер вскочил на окно и крикнул, что готов сделать то же. С трудом его удалось отговорить от этой затеи.

«Князь Василий исполнил обещание, данное... княгине Друбецкой... Вскоре... Анна Михайловна вернулась в Москву, прямо к своим богатым родственникам Ростовым, у которых она стояла в Москве и у которых с детства воспитывался и годами жила ее обожаемый Боренька, только что переведенный в гвардейские прапорщики... У Ростовых были именинницы Натальи - мать и меньшая дочь. С утра не переставая подъезжали и отъезжали цуги, подвозившие поздравителей к большому, всей Москве известному дому графини Ростовой на Поварской... Графиня была женщина с восточным типом худого лица, лет сорока пяти, видимо, изнуренная детьми, которых у ней было двенадцать человек... Медлительность ее движений и говора, происходившая от слабости сил, придавала ей значительный вид,

внушавший

уважение...

Молодежь была в задних комнатах, не находя нужным участвовать в приеме визитов. Граф встречал и провожал гостей, приглашая всех к обеду...»

Приехала Марья Львовна Карагина с дочерью Жюли. «Разговор зашел о главной городской новости того времени - о болезни известного богача и красавца екатерининского времени старого графа Безухова и о его незаконном сыне Пьере, который так неприлично вел себя на вечере у Анны Павловны Шерер». Последнее злоключение Пьера состояло в том, что вместе с Долоховым и Курагиным они поехали к актрисам, взяв с собой медведя. «Прибежала полиция их унимать. Они

поймали квартального и привязали его спина спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нем». В результате «Долохов разжалован в солдаты», Безухов «выслан в Москву», а Курагин, благодаря хлопотам отца, вышел сухим из воды, хотя и был удален из Петербурга.

«Вдруг из соседней комнаты послышался бег к двери нескольких мужских и женских ног, грохот зацепленного и поваленного стула, и в комнату вбежала тринадцатилетняя девочка, запахнув что-то короткою кисейною юбкою, и остановилась посередине комнаты. Очевидно было, она нечаянно, с нерассчитанного бега, заскочила так далеко. В дверях в ту же минуту показались студент с малиновым воротником, гвардейский офицер, пятнадцатилетняя девочка и толстый румяный мальчик в детской курточке». Так появилась младшая именинница.

«Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, с своими детскими открытыми плечиками, выскочившими из корсажа от быстрого бега, с своими сбившимися назад черными кудрями, тоненькими оголенными руками и маленькими ножками в кружевных панталончиках и открытых башмачках, была в том милом возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка...

Между тем все это молодое поколение: Борис - офицер, сын княгини Анны Михайловны, Николай - студент, старший сын графа, Соня - пятнадцатилетняя племянница графа, и маленький Петруша - меньшей сын,- все разместились в гостиной и, видимо, старались удержать в границах приличия оживление и веселость, которыми еще дышала каждая их черта...

Два молодых человека, студент и офицер, друзья с детства, были одних лет и оба красивы, но не похожи друг на друга. Борис был высокий белокурый юноша с правильными тонкими чертами спокойного и красивого лица. Николай был невысокий курчавый молодой человек с открытым выражением лица...

Соня была тоненькая, миниатюрненькая брюнетка, с мягким, оттененным длинными ресницами взглядом, густою черною косою, два раза обвивавшею ее голову, и желтоватым оттенком кожи на лице и в особенности на обнаженных худощавых, но грациозных мускулистых руках и шее. Плавностью движений, мягкостью и гибкостью маленьких членов и несколько хитрою и сдержанной манерой она напоминала красивого, но еще не сформировавшегося котенка, который будет прелестною кошечкой».

Выйдя из гостиной, Наташа направилась к цветочной, где должна была встретиться с Борисом. Неожиданно она стала свидетельницей разговора Николая и Сони.

«- Соня! мне весь мир не нужен! Ты одна для меня все, - говорил Николай. - Я докажу тебе.

- Я не люблю, когда ты так говоришь.

- Ну, не буду, ну прости, Соня! - Он притянул ее к себе и поцеловал.

«Ах, как хорошо!» - подумала Наташа, и когда Соня с Николаем вышли из комнаты, она пошла за ними и вызвала к себе Бориса».

Наташа «с значительным и хитрым видом» предложила Борису поцеловать куклу, а затем ее.

«Борис покраснел... Она вдруг вскочила на кадку, так что стала выше его, обняла его обеими руками, так что тонкие голые ручки согнулись выше его шеи, и, откинув

движением головы волосы назад, поцеловала его в самые губы». В ответ Наташа услышала признание Бориса в любви. «- Да, влюблен, но, пожалуйста, не будем делать того, что сейчас... еще четыре года... Тогда я буду просить вашей руки... - Навсегда? - сказала девочка. - До самой смерти? И, взяв его под руку, она с счастливым лицом тихо пошла с ним рядом в диванную», где уже были Соня с Николаем. В диванную заглянула Вера, старшая дочь Ростовых. На правах взрослой она заметила, что все их секреты - «одни глупости». «- Ты этого никогда не поймешь,- сказала Наташа, обращаясь к Вере,- потому что ты никогда никого не любила; у тебя сердца нет... и твое первое удовольствие - делать неприятности другим. Ты кокетничай с Бергом сколько хочешь... Красивая Вера, производившая на всех такое раздражающее, неприятное действие, улыбнулась и, видимо, не затронутая тем, что ей было сказано, подошла к зеркалу и оправила шарф и прическу: глядя на свое красивое лицо, она стала, по-видимому, еще холоднее и спокойнее». Оставшись наедине с графиней Ростовой, Анна Михайловна Друбецкая посетовала на свое бедственное положение (не на что обмундировать сына) и высказала надежду на завещание графа Кирилла Владимировича Безухова. От Ростовых Анна Михайловна поехала в дом к умирающему графу, взяв с собой сына, который был крестником Безухова. Там они застали Пьера. Когда Пьер впервые появился в доме графа, то «был встречен, как мертвец или зачумленный», и потому ему было приятно общаться с Борисом, который уверил его, что они с матушкой не претендуют на наследство графа. После непродолжительного визита к умирающему старику Анна Михайловна вернулась в дом Ростовых. Ее ждала графиня, которая, краснея, передала ей деньги на шитье мундира Борису. «Анна Михайловна уж обнимала ее и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали они о том, что они дружны; и о том, что они добры; и о том, что они, подруги молодости, заняты таким низким предметом - деньгами; и о том, что молодость их прошла... Но слезы обеих были приятны». В доме Ростовых собирались гости. «Ждали Марью Дмитриевну Ахросимову, прозванную в обществе le terrible dragon [драгун], даму, знаменитую не богатством, не почестями, но прямою ума и откровенною простотою обращения. Марью Дмитриевну знала царская фамилия, знала вся Москва и весь Петербург, и оба города, удивляясь ей, втихомолку посмеивались над ее грубостью, рассказывали про нее анекдоты; тем не менее все без исключения уважали и боялись ее». Среди гостей был «поручик Берг, офицер Семеновского полка, с которым Борис ехал вместе в полк и которым Наташа дразнила Веру, старшую графиню, называя Берга ее женихом». Он рассказывал «о том, как переводом в гвардию он уже выиграл чин перед своими товарищами по корпусу, как в военное время ротного командира могут убить и он, оставшись старшим в роте, может очень легко быть ротным, и как в полку все любят его, и как его папенька им доволен... Все, что он рассказывал, было так мило, степенно, наивность молодого эгоизма его была так очевидна, что он обезоруживал своих слушателей... Пьер приехал перед самым обедом и неловко сидел посредине гостиной на первом

попавшемся кресле, загородив всем дорогу». После приезда Марьи Дмитриевны гостей пригласили к столу. За обедом Наташа повела себя неожиданно смело. «Лицо ее вдруг разгорелось, выражая отчаянную и веселую решимость. Она привстала, приглашая взглядом Пьера, сидевшего против нее, прислушаться, и обратилась к матери... - Мама! какое пирожное будет?»

Так же непосредственно и весело она разговаривала и с грозной Ахросимовой, и все гости смеялись «непостижимой смелости и ловкости этой девочки, умевшей и смевшей так обращаться с Марьей Дмитриевной».

После обеда «молодежь приготовилась к танцам». Наташа, «смеясь глазами и краснея», пригласила Пьера. «Пока расстанавливались пары и строили музыканты, Пьер сел с своей маленькой дамой. Наташа была совершенно счастлива: она танцевала с большим, с приехавшим из-за границы. Она сидела на виду у всех и разговаривала с ним, как большая. У нее в руке был веер, который ей дала подержать одна барышня. И, приняв самую светскую позу (Бог знает, где и когда она этому научилась), она, обмахиваясь веером и улыбаясь через веер, говорила с своим кавалером».

Гости Ростовых танцевали, а в доме Безухова приближалась трагическая развязка. Поскольку кончина графа была неминуема, в первую очередь волновало родственников завещание. Князь Василий убедил старшую из трех княжон, племянниц графа, живших у него в доме, обратиться к умирающему с просьбой о пересмотре завещания. Князь предполагал, что граф написал письмо государю с просьбой признать Пьера законным сыном. Это обстоятельство дало бы Пьеру право единолично владеть наследством. Княжна Катишь была уверена, что все - интриги Анны Михайловны, посещавшей графа Безухова прошлой зимой. Намерениям князя Василия и княжны Катерины Семеновны не суждено было исполниться. Приехавшая вместе с Пьером княгиня Анна Михайловна сумела своим упорством остановить их натиск.

В комнате графа Пьер полностью подчинился воле княгини Друбецкой: подошел к кровати умирающего отца, поцеловал его руку.

Наутро после смерти Безухова Анна Михайловна дала понять Пьеру, что граф обещал не забыть Бориса, и она надеется, что сын исполнит желание отца.

В доме Ростовых княгиня рассказала о трогательном свидании отца и сына и о неодобряемых ею поступках княжны и князя Василия.

«В Лысых Горах, имении князя Николая Андреевича Болконского, ожидали с каждым днем приезда молодого князя Андрея с княгиней... Генерал-аншеф князь Николай Андреевич, по прозванию в обществе le roi de Prusse [пруссский король (франц.)], с того времени, как при Павле был сослан в деревню, жил безвылазно в своих Лысых Горах с дочерью, княжной Марьей, и при ней компаньонкой, m-le Bourienne [мамзель Бурьен (франц.)]...

Он говорил, что есть только два источника людских пороков: праздность и суеверие, и что есть только две добродетели: деятельность и ум. Он сам занимался воспитанием своей дочери и, чтобы развить в ней обе главные добродетели, давал ей уроки алгебры и геометрии и распределял всю ее жизнь в беспрерывных занятиях. Сам он постоянно был занят то писанием своих мемуаров, то выкладками из высшей

математики, то точением табакерок на станке, то работой в саду и наблюдением над постройками, которые не прекращались в его имени. Так как главное условие для деятельности есть порядок, то и порядок в его образе жизни был доведен до последней степени точности... С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно требователен, и потому, не быв жестоким, он возбуждал к себе страх и почтительность, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек...

В день приезда молодых, утром, по обыкновению, княжна Марья в урочный час входила для утреннего приветствия в официантскую и со страхом крестилась и читала внутреннюю молитву». Князь «никогда не благословлял своих детей и только, подставив ей щетинистую, еще не бритую нынче щеку, сказал, строго и вместе с тем внимательно-нежно оглядев ее:

- Здорова?., ну, так садись!»

Отдав Марье пришедшее ей письмо от Жюли Карагиной, отец принялся за объяснение подобия треугольников.

«Княжна испуганно взглядывала на близко от нее блестящие глаза отца; красные пятна переливались по ее лицу, и видно было, что она ничего не понимает и так боится, что страх помешает ей понять все дальнейшие толкования отца, как бы ясны они ни были... Старик выходил из себя: с грохотом отодвигал и придвигал кресло, на котором сам сидел, делал усилия над собой, чтобы не разгорячиться, бранился, а иногда и швырял тетрадью».

Получив задание на следующий день, княжна удалилась в свою комнату. Она «была столь же беспорядочна, как отец ее порядочен. Она положила тетрадь геометрии и нетерпеливо распечатала письмо». Жюли писала о том, что вся Москва говорит о войне. Она сожалела об уходящем на фронт Николае Ростове, к которому испытывала теплые сердечные чувства. Сообщала она и главную новость - Пьер стал графом Безуховым и унаследовал от отца самое огромное состояние в России. В конце письма Жюли поведала о замысле устроить супружество Марьи с сыном князя Василия Анатолем.

Прочитав письмо, Марья сразу взялась за ответ. Она очень дружелюбно отозвалась о Пьере, которого «знала еще ребенком». Княжна сожалела, что столь молодому человеку предстоит пройти через множество искушений, неизбежных для богатых людей. Относительно замужества она писала, что жизнь надобно строить по великим правилам, «которые наш Божественный Спаситель оставил нам для нашего руководства здесь, на земле». Потому будущее супружество нужно воспринимать как «божественное установление, которому нужно подчиниться».

Вскоре приехал Андрей со своей женой. «Князь Андрей поцеловался с сестрою рука в руку... Княжна Марья повернулась к брату, и сквозь слезы любовный, теплый, кроткий взгляд ее прекрасных в ту минуту, больших лучистых глаз остановился на лице князя Андрея». За обедом старик Болконский резко отзывался о русских военных и государственных деятелях. Он утверждал, «что Бонапарте был ничтожный французика, имевший успех только потому, что не было Потемкиных и Суворовых противопоставить ему... И князь начал разбирать все ошибки, которые, по его понятиям, делал Бонапарте во всех своих войнах и даже государственных делах... Князь Андрей слушал, удерживаясь от возражений и невольно удивляясь,

как мог этот старый человек, сидя столько лет один безвыездно в деревне, в таких подробностях и с такою тонкостью знать и обсуждать все военные и политические обстоятельства Европы последних годов ».

На следующий день князь Андрей собирался уезжать. Лицо его «было очень задумчиво и нежно... Страшно ли ему было идти на войну, грустно ли бросить жену, - может быть, и то и другое, только, видимо, не желая, чтоб его видели в таком положении, услышав шаги в сенях, он... принял свое всегдашнее спокойное и непроницаемое выражение. Это были тяжелые шаги княжны Марьи». Она желала наедине поговорить с братом.

«- Andre, я тебя благословлю образом, и ты обещаешь мне, что никогда его не будешь снимать... Против твоей воли он спасет и помилует тебя и обратит тебя к себе, потому что в нем одном и истина и успокоение,- сказала она дрожащим от волнения голосом...

Из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света. Глаза эти освещали все болезненное, худое лицо и делали его прекрасным. Брат хотел взять образок, но она остановила его. Андрей понял, перекрестился и поцеловал образок. Лицо его в одно и то же время было нежно (он был тронут) и насмешливо».

Затем Марья заговорила о переменах, происшедших в нем, и о несправедливо холодном отношении к жене.

«Она хотела сказать что-то и не могла выговорить. Брат угадал: маленькая княгиня после обеда плакала, говорила, что предчувствует несчастные роды, боится их, и жаловалась на свою судьбу, на свекра и на мужа... Князю Андрею жалко стало сестру.

- Маша... ежели ты хочешь знать правду... хочешь знать, счастлив ли я? Нет. Счастлива она? Нет. Отчего это? Не знаю...

Князь Андрей был позван в кабинет к отцу, который с глазу на глаз хотел проститься с ним...

- Целуй сюда,- он показал щеку,- спасибо, спасибо!

- За что вы меня благодарите?

- За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего».

Андрей просил отца позаботиться о жене. В ответ отец сказал: « - О жене не заботься: что возможно сделать, то будет сделано. Теперь слушай: письмо Михаилу Иларионовичу отдай. Я пишу, чтоб он тебя в хорошие места употреблял и долго адъютантом не держал: скверная должность!.. Коли хорош будет, служи. Николая Андреевича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет... Ну, теперь прощай! - Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. - Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне старику, больно будет... - Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: - А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! - взвизгнул он... Старик замолчал.

- Еще я хотел просить вас, - продолжал князь Андрей, - ежели меня убьют и ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя, как я вам вчера говорил, чтоб он вырос у вас... пожалуйста».

Часть

вторая

«В конце октября 1805 года русские войска занимали села и города эрцгерцогства

Австрийского, и еще новые полки приходили из России и, отягощая постоем жителей, располагались у крепости Браунау. В Браунау была главная квартира главнокомандующего Кутузова.

11-го октября... один из... пехотных полков, ожидая смотра главнокомандующего, стоял в полумиле от города... В совете батальонных командиров было решено представить полк в па радной форме на том основании, что всегда лучше перекланяться, чем недокланяться. И солдаты, после тридцативерстного перехода, не смыкали глаз, всю ночь чинились, чистились».

Вскоре адъютант главного штаба прислал приказ, «что главнокомандующий желал видеть полк совершенно в том положении, в котором он шел - в шинелях, в чехлах и без всяких приготовлений... Полковой командир, сам подойдя к рядам, распорядился переодеванием опять в шинели» . На глаза ему попался Долохов, одетый не по уставу. Крик командира и оскорбительный тон его замечаний вызвали у разжалованного в солдаты офицера протест: «Я не обязан переносить оскорбления».

В назначенное время появился главнокомандующий со свитой. «Кутузов прошел по рядам, изредка останавливаясь и говоря по несколько ласковых слов офицерам, которых он знал по турецкой войне, а иногда и солдатам... Ближе всех за главнокомандующим шел красивый адъютант. Это был князь Болконский. Рядом с ним шел его товарищ Несвицкий, высокий штаб-офицер, чрезвычайно толстый, с добрым, улыбающимся, красивым лицом и влажными глазами...

- А, Тимохин! - сказал главнокомандующий, узнавая капитана с красным носом... В эту минуту обращения к нему главнокомандующего капитан вытянулся так, что казалось, посмотри на него главнокомандующий еще несколько времени, капитан не выдержал бы... По пухлому, изуродованному раной лицу Кутузова пробежала чуть заметная улыбка».

Подойдя к Долохову, главнокомандующий услышал: «- Прошу дать мне случай загладить мою вину и доказать мою преданность государю императору и России.

Кутузов отвернулся. На лице его промелькнула та же улыбка глаз, как и в то время, когда он отвернулся от капитана Тимохина».

После удачно прошедшего смотра солдаты делились впечатлениями.

«- Как же сказывали, что Кутузов кривой, об одном глазу?

- А то нет! Вовсе кривой.

- Не... брат, глазастей тебя, и сапоги и подвертки все оглядел...

- Как он, братец ты мой, глянет на ноги мне... ну! думаю...

- Песенники вперед! - послышался крик капитана...

Солдаты, в такт песни размахивая руками, шли просторным шагом, невольно попадая в ногу... Кутузов со свитой возвращался в город... и на его лице и на всех лицах его свиты выразилось удовольствие при звуках песни, при виде... весело и бойко идущих солдат роты. Во втором ряду с правого фланга, с которого коляска обгоняла роты, невольно бросался в глаза голубоглазый солдат, Долохов, который особенно бойко и грациозно шел в такт песни и глядел на лица проезжающих с таким выражением, как будто он жалел всех, кто не шел в это время с ротой.

Гусарский корнет из свиты Кутузова... подъехал к Долохову.

Гусарский корнет Жерков одно время в Петербурге принадлежал к тому буйному

обществу, которым руководил Долохов. За границей Жерков встретил Долохова солдатом, но не счел нужным узнать его. Теперь, после разговора Кутузова с разжалованным, он с радостью старого друга обратился к нему...

- Что ж, приходи к нам когда вечером, фараон заложишь...

- Нельзя. Зарок дал. Не пью и не играю, пока не произведут...

- Ты заходи, коли что нужно, все в штабе помогут...- сказал Жерков...

- Ты лучше не беспокойся. Мне что нужно, я просить не стану, сам возьму».

После смотра в Браунау в штабе Кутузова узнали «о разбитии австрийцев и о сдаче всей армии под Ульмом». Это означало, что «русские войска, до сих пор бывшие в бездействии, должны будут встретиться с неприятелем».

Князь Андрей, резко изменившийся за короткое время военной службы и испытывающий удовлетворение собой и окружающими, «понял всю трудность положения русских войск и живо вообразил себе то, что ожидает армию, и ту роль, которую он должен будет играть в ней. Невольно он испытывал волнуемое радостное чувство при мысли о посрамлении самонадеянной Австрии и о том, что через неделю, может быть, придется ему увидеть и принять участие в столкновении русских с французами, впервые после Суворова. Но он боялся гения Бонапарта, который мог оказаться сильнее всей храбрости русских войск, и вместе с тем не мог допустить позора для своего героя».

В штаб прибыли австрийские военачальники, и шутник Жерков позволил себе неуместные остроты в адрес союзников. Эта выходка корнета вызвала гнев Болконского.

«- Если вы, милостивый государь,- заговорил он пронзительно, с легким дрожанием нижней челюсти,- хотите быть шутком, то я вам в этом не могу воспрепятствовать; но объявляю вам, что если вы осмелитесь другой раз скоморошничать в моем присутствии, то я вас научу, как вести себя».

И, отходя в сторону вместе с Несвицким, добавил: «- Да ты пойми, что мы - или офицеры, которые служим своему царю и отечеству и радуемся общему успеху и печалимся об общей неудаче, или мы лакеи, которым дела нет до господского дела».

«Гусарский Павлоградский полк стоял в двух милях от Браунау. Эскадрон, в котором юнкером служил Николай Ростов, расположен был в немецкой деревне Зальценек. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, известному всей кавалерийской дивизии под именем Васьки Денисова, была отведена лучшая квартира в деревне. Юнкер Ростов, с тех самых пор, как догнал полк в Польше, жил вместе с эскадронным командиром.

8-го октября, в тот самый день, когда в главной квартире все было поднято на ноги известием о поражении Мака, в штабе эскадрона походная жизнь спокойно шла по-старому».

Денисов вернулся домой после очередного проигрыша в карты, отдал кошелек с оставшимися золотыми Ростову и попросил его пересчитать деньги и убрать их под подушку. В это время зашел поручик Телянин, офицер, которого по неизвестным причинам в полку не любили. Через некоторое время после его ухода Денисов не обнаружил своего кошелька. Ростов был уверен в том, что деньги украл поручик, и взялся это доказать. Он нашел Телянина в трактире, где тот расплачивался из кошелька Денисова. Поручику ничего не оставалось, как признаться в содеянном.

«- Граф!., не губите... молодого человека... вот эти несчастные... деньги, возьмите их...- Он бросил их на стол.- У меня отец-старик, мать!.. Ростов взял деньги... Но у двери он остановился и вернулся назад. - Боже мой,- сказал он со слезами на глазах,- как вы могли это сделать?.. Ежели вам ну жда, возьмите эти деньги.- Он швырнул ему кошелек и выбежал из трактира». Однако Ростов не был удовлетворен признанием Телянина. Граф сообщил о случившемся полковому командиру и был обвинен во лжи. Ростов, действуя по своим законам чести, вызвал командира на дуэль.

«- Я затем в гусары и пошел, думал, что здесь не нужно тонкостей, а он мне говорит, что я лгу... так пусть мне даст удовлетворение...»

Штаб-ротмистр пытался объяснить Николаю позицию офицеров полка.

«- Вы не хотите извиниться, а вы, батюшка, не только перед ним, а перед всем полком, перед всеми нами, вы кругом виноваты... Что теперь делать полковому командиру? Надо отдать под суд офицера и замарать весь полк? Из-за одного негодяя весь полк осрамить? Так, что ли, по-вашему? А по-нашему, не так...

23-го октября русские войска переходили реку Энс. Русские обозы, артиллерия и колонны войск в середине дня тянулись через город Энс, по сую и по ту сторону моста». Перейдя мост, гусары получили задание поджечь его. Выполняли они приказ под картечным огнем французов. «Ростов... остановился на мосту, не зная, что ему делать. Рубить (как он всегда воображал себе сражение) было некого... Он стоял и оглядывался, как вдруг затрещало по мосту, будто рассыпанные орехи, и один из гусар, ближе всех бывший от него, со стоном упал на перилы... «Господи Боже! Тот, кто там в этом небе, спаси, прости и защити меня!» - прошептал про себя Ростов...

«Все кончилось; но я трус, да, я трус»,- подумал Ростов».

«Преследуемая сотысячною французской армией под начальством Бонапарта, встречаемая враждебно расположенными жителями, не доверяя более своим союзникам, испытывая недостаток продовольствия... русская тридцатипятитысячная армия, под начальством Кутузова, поспешно отступала вниз по Дунаю... Австрийские войска... отделились теперь от русской армии, и Кутузов был предоставлен только своим слабым, истощенным силам. Защищать более Вену нельзя было и думать. Вместо наступательной... войны... почти недостижимая цель... состояла в том, чтобы, не погубив армии... соединиться с войсками, шедшими из России».

30 октября Кутузов с армией атаковал французскую дивизию Мортье и разбил ее. Болконский получил приказ ехать в Брюнн с известием о победе русских войск. Он остановился у знакомого ему по Петербургу дипломата Билибина. Посещение дипломатического приема, где князь встретил Ипполита Курагина, аудиенция у прусского императора Франца - все это словно вернуло Андрея в тягостный ему мир высшего света. Дополнили впечатления откровения Билибина о намерениях австрийцев.

«- Я чутьем слышу, что нас обманывают, я чутьем слышу сношения с Францией и проекты мира, тайного мира, отдельно заключенного».

Здесь, в Брюнне, Болконский узнал, что французы заняли Вену и двигаются дальше. «Известие это было горестно и вместе с тем приятно князю Андрею. Как только он узнал, что русская армия находится в таком безнадежном положении, ему пришлось в

голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армию из этого положения, что вот он, тот Тулон, который выведет его из рядов неизвестных офицеров и откроет ему путь к славе!»

Князь Болконский возвратился в армию. Кутузов готовил сражение, где решающую роль должен был сыграть отряд Багратиона. Андрей попросил главнокомандующего командировать его в этот отряд.

Первое, что сделал Болконский, прибыв к Багратиону, - отправился осматривать расположение войск. Среди офицеров он обратил внимание на штабс-капитана Тушина. В нем «было что-то особенное, совершенно не военное, несколько комическое, но чрезвычайно привлекательное... Объехав всю линию войск от правого до левого фланга, князь Андрей поднялся на ту батарею, с которой... все поле было видно... Прямо против батареи, на горизонте противоположного бугра, виднелась деревня Шенграбен... Линия французов была шире нашей, и ясно было, что французы легко могли обойти нас с обеих сторон. Сзади нашей позиции был крутой и глубокий овраг, по которому трудно было отступить артиллерии и коннице. Князь Андрей, облокотясь на пушку и достав бумажник, начертил для себя план расположения войск. В двух местах он карандашом поставил заметки, намереваясь сообщить их Багратиону... В это время в воздухе послышался свист; ближе, ближе, быстрее и слышнее, слышнее и быстрее, и ядро, как будто не договорив всего, что нужно было, с нечеловеческою силой взрывая брызги, шлепнулось в землю... Земля как будто ахнула от страшного удара...» Князь Андрей повернул лошадь и поскакал назад в Грунт отыскивать князя Багратиона...

«Началось! Вот оно!» - думал князь Андрей, чувствуя, как кровь чаще начинала приливать к его сердцу. «Но где же он? Как же выразится мой Тулон?! - думал он». Навстречу Болконскому ехали верховые во главе с Багратионом, они объезжали позиции. Наступил момент, когда «уже близко становились французы; уже князь Андрей, шедший рядом с Багратионом, ясно различал перевязи, красные эполеты, даже лица французов... Князь Багратион не давал нового приказания... Но в то же мгновение, как раздался первый выстрел, Багратион оглянулся и закричал: «Ура!»... Атака 6-го егерского обеспечила отступление правого фланга. В центре действие забытой батареи Тушина, успевшего зажечь Шенграбен, останавливало движение французов...

Эскадрон, где служил Ростов, только что успевший сесть на лошадей, был остановлен лицом к неприятелю... «Ну, попадись теперь кто бы ни был», - думал Ростов, вдавливая шпоры Грачику... Ростов поднял саблю, готовясь рубить, но... почувствовал, как во сне, что продолжает нестись с неестественною быстротой вперед и вместе с тем остается на месте... «Что же это? я не подвигаюсь? - Я упал, я убит...» - в одно мгновение спросил и ответил Ростов. Он был уже один посреди поля... «Нет, я ранен, и лошадь убита... Ну, вот и люди, - подумал он радостно, увидав несколько человек, бежавших к нему. - Они мне помогут!.. Что это за люди? - все думал Ростов, не веря своим глазам. - Неужели французы?.. Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все?» Ему вспомнилась любовь к нему его матери, семьи, друзей, и намерение неприятелей убить его показалось невозможным... Он схватил пистолет и, вместо того чтобы стрелять из него, бросил им в француза и побежал к кустам что

было силы... Одно нераздельное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владело всем его существом... Он собрал последние силы... и побежал до кустов. В кустах были русские стрелки...

Пехотные полки, застигнутые врасплох в лесу, выбегали из леса, и роты, смешиваясь с другими ротами, уходили беспорядочными толпами... Все казалось потеряно, но в эту минуту французы, наступавшие на наших, вдруг, без видимой причины, побежали назад, скрылись из опушки леса, и в лесу показались русские стрелки. Это была рота Тимохина... Долохов, бежавший рядом с Тимохиным, в упор убил одного француза и первый взял за воротник сдавшегося офицера».

После атаки Долохов подошел к полковому командиру. Он «был бледен, голубые глаза его нагло смотрели в лицо полковому командиру, а рот улыбался...

- Ваше превосходительство, вот два трофея,- сказал Долохов, указывая на французскую шпагу и сумку. - Мною взят в плен офицер. Я остановил роту. - Долохов тяжело дышал от усталости; он говорил с остановками. - Вся рота может свидетельствовать. Прошу запомнить, ваше превосходительство!

- Хорошо, хорошо, - сказал полковой командир и обратился к майору Экономову. Но Долохов не отошел; он развязал платок, дернул его и показал запекшуюся в волосах кровь.

- Рана штыком, я остался во фронте. Попомните, ваше превосходительство... Про батарею Тушина было забыто, и только в самом конце дела, продолжая слышать канонаду в центре, князь Багратион послал туда дежурного штаб-офицера и потом князя Андрея, чтобы велеть батарее отступать как можно скорее».

При отступлении «Тушин ничем не распорядился и молчал, боясь говорить, потому что при каждом слове он готов был, сам не зная отчего, заплакать... Хотя раненых ведено было бросать, много из них тащилось за войсками и просилось на орудия».

Среди раненых, которым помогли солдаты Тушина, был Николай Ростов. После сражения Багратион собрал у себя в избе некоторых начальников частей. Здесь отмечались заслуги одних и просчеты других. Среди отличившихся вспомнили рядового Долохова. В вину Тушину поставили брошенные два орудия, на что капитан не смог ничего возразить и смотрел на Багратиона как «сбившийся ученик в глаза экзаменатора». Только слова Болконского о том, что «успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой», изменили положение.

«На другой день французы не возобновляли нападения, и остаток Багратионова отряда присоединился к армии Кутузова».

Часть третья
«Князь Василий не обдумывал своих планов», но как светский человек никогда не упускал возможности использовать влиятельное лицо. Именно поэтому он «делал все, что было нужно для того, чтобы женить Пьера на своей дочери». «Более всех других... как делами Пьера, так и им самим овладел князь Василий. Со смерти графа Безухова он не выпускал из рук Пьера». Из прежнего холостого общества Пьера многих не было в Петербурге. «Все время его проходило на обедах, балах и преимущественно у князя Василия - в обществе старой толстой княгини, его жены, и красавицы Элен.

Анна Павловна Шерер, так же как и другие, выказала Пьеру перемену,

происшедшую в общественном взгляде на него». На одном из вечеров у Анны Павловны Пьер почувствовал к Элен нечто иное, нежели дружеское расположение как к человеку, знакомому с детства. Он пытался бороться с возникшим желанием. «Он говорил себе, что это невозможно, что что-то гадкое, противуестественное, как ему казалось, нечестное было бы в этом браке». Однако участь его была предрешена. «Пьер знал, что все ждут только того, чтобы он, наконец, сказал одно слово, переступил через известную черту, и он знал, что он рано или поздно переступит через нее». В день именин Элен не без давления со стороны князя Василия Пьер произнес заветные слова. «Через полтора месяца он был обвенчан». «Старый князь Николай Андреич Болконский в декабре 1805 года получил письмо от князя Василья, извещавшего его о своем приезде вместе с сыном...

- Вот Мари и вывозить никуда не нужно: женихи сами к нам едут,- неосторожно сказала маленькая княгиня, услышав про это...

В тот день, как приехать князю Василью, князь Николай Андреич был особенно недоволен и не в духе...

Вечером приехал князь Василий... Анатолий на всю жизнь свою смотрел как на непрерывное увеселение, которое кто-то такой почему-то обязался устроить для него. Так же и теперь он смотрел на свою поездку к злому старику и к богатой уродливой наследнице... «А отчего не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мешает», - думал Анатолий...

В душе княжны Марьи было мучительное сомнение. Возможна ли для нее радость любви, земной любви к мужчине? В помышлениях о браке княжне Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главной, сильнейшей и затаенной ее мечтой была любовь земная».

Князь Болконский предоставил Марье самой решать свою судьбу. После разговора с отцом «она шла... через зимний сад, ничего не видя и не слыша, как вдруг... в двух шагах от себя увидела Анатолия, который обнимал» жившую в доме француженку-гувернантку... Когда отец с князем Василием пригласили княжну Марью дать ответ, она сказала:

«- Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына. Мое призвание другое, - думала про себя княжна Марья,- мое призвание - быть счастливой другим счастьем, счастьем любви и самопожертвования».

«Долго Ростовы не имели известий о Николушке; только в середине зимы графу было передано письмо, на адресе которого он узнал руку сына... В письме был кратко описан поход и два сражения, в которых участвовал Николушка, производство в офицеры...

Более недели готовились, писались брьюльоны и переписывались набело письма к Николушке от всего дома; под наблюдением графини и заботливостью графа собирались нужные вещицы и деньги для обмундирования и обзаведения вновь произведенного офицера...»

«12-го ноября кутузовская боевая армия, стоявшая лагерем около Ольмюца, готовилась к следующему дню на смотр двух императоров - русского и австрийского...

Николай Ростов в этот день получил от Бориса записку, извещавшую его, что Измайловский полк ночует в пятнадцати верстах не доходя Ольмюца и что Борис

ждет его, чтобы передать письмо и деньги».

Николай отправился к Борису и застал там Берга. «Борис все время похода шел и стоял с Бергом, теперь уже ротным командиром. Берг, во время похода получив роту, успел своей исполнительностью и аккуратностью заслужить доверие начальства и устроил весьма выгодно свои экономические дела; Борис во время похода сделал много знакомств с людьми, которые могли быть ему полезны, и через рекомендательное письмо, привезенное им от Пьера, познакомился с князем Андреем Болконским, через которого он надеялся получить место в штабе главнокомандующего».

Во время беседы друзей к Борису зашел Болконский. «Войдя в комнату и увидев рассказывающего военные похождения армейского гусара (сорт людей, которых терпеть не мог князь Андрей), он ласково улыбнулся Борису, поморщился, прищурился на Ростова и, слегка поклонившись, устало и лениво сел на диван. Ему неприятно было, что он попал в дурное общество. Ростов вспыхнул, поняв это».

Такое взаимное неприятие привело к резкому разговору и стало поводом для дуэли. «На другой день... был смотр австрийских и русских войск... Оба императора, русский с наследником цесаревичем и австрийский с эрцгерцогом, делали этот смотр союзной восьмидесятитысячной армии...

Ростов, стоя в первых рядах кутузовской армии, к которой к первой подъехал государь, испытывал то же чувство, какое испытывал каждый человек этой армии, - чувство самозабвения, гордого сознания могущества и страстного влечения к тому, кто был причиной этого торжества...

Красивый, молодой император Александр, в конногвардейском мундире, в треугольной шляпе, надетой с поля, своим приятным лицом и звучным негромким голосом привлекал всю силу внимания.

Ростов стоял недалеко от трубачей и издали зоркими глазами узнал государя и следил за его приближением. Когда государь приблизился на расстояние двадцати шагов и Николай ясно, до всех подробностей, рассмотрел прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, он испытал чувство нежности и восторга, подобного которому он не испытывал. Все - всякая черта, всякое движение - казалось ему прелестно в государе... Как бы счастлив был Ростов, ежели бы мог теперь умереть за своего царя!..

В числе господ свиты Ростов заметил и Болконского, лениво и распушенно сидящего на лошади. Ростову вспомнилась его вчерашняя ссора с ним и представился вопрос, следует или не следует вызывать его... «В минуту такого чувства любви, восторга и самоотвержения, что значат все наши ссоры и обиды?! Я всех люблю, всем прощаю теперь», - думал Ростов...

Когда смотр кончился... все только одного желали: под предводительством государя скорее идти против неприятеля».

На следующий день после смотра Борис поехал к Болконскому. «В то время как вошел Борис, князь Андрей, презрительно прищурившись... выслушивал старого русского генерала в орденах... Борис в эту минуту уже ясно понял то... что в армии, кроме той субординации и дисциплины, которая была написана в уставе, была другая, более существенная субординация, та, которая заставляла этого затянутого с багровым лицом генерала почтительно дожидаться, в то время как капитан князь

Андрей для своего удовольствия находил более удобным разговаривать с прапорщиком Друбецким. Больше чем когда-нибудь Борис решил служить впредь не по той писанной в уставе, а по этой неписаной субординации... В этот самый день был военный совет, на котором... было решено немедленно наступать и дать генеральное сражение Бонапарту». Андрей познакомил Бориса с князем Долгоруковым, который мог изменить дальнейшую судьбу Друбецкого. Однако «на другой день войска выступили в поход, и Борис не успел до самого Аустерлицкого сражения побывать ни у Болконского, ни у Долгорукова и остался еще на время в Измайловском полку... На заре 16-го числа эскадрон Денисова, в котором служил Николай Ростов и который был в отряде князя Багратиона... был оставлен в резерве... - Государь! Государь! - вдруг послышалось между гусарами... Ростов не помнил и не чувствовал, как он добежал до своего места... Государь поравнялся с Ростовым и остановился. Лицо Александра было еще прекраснее, чем на смотру три дня назад... Случайно оглядывая эскадрон, глаза государя встретились с глазами Ростова и не более как на две секунды остановились на них. Понял ли государь все, что делалось в душе Ростова (Ростову казалось, что он все понял), но он посмотрел секунды две своими голубыми глазами в лицо Ростова». Ростов «действительно был влюблен и в царя, и в славу русского оружия, и в надежду будущего торжества. И не он один испытывал это чувство в те памятные дни, предшествовавшие Аустерлицкому сражению... На следующий день государь остановился в Вишау». На заре 17-го числа к императору Александру приехал французский офицер Савари. «Как слышно было, цель присылки Савари состояла в предложении мира и в продолжении свидания императора Александра с Наполеоном. В личном свидании, к радости и гордости всей армии, было отказано». Перед сражением был назначен военный совет. «Кутузов в расстегнутом мундире, из которого, как бы освободившись, выплыла на воротник его жирная шея, сидел в вольтеровском кресле, положив симметрично пухлые старческие руки на подлокотники, и почти спал». После чтения диспозиции Кутузов проснулся и сказал, что ничего изменить нельзя. «Военный совет, на котором князю Андрею не удалось высказать своего мнения, как он надеялся, оставил в нем неясное и тревожное впечатление. Кто был прав: Долгоруков с Вейротером или Кутузов с Ланжероном и другими, не одобрявшими план атаки, он не знал. «Но неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свои мысли? Неужели это не может иначе делаться? Неужели из-за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч и моей, моей жизнью? » - думал он... И ему представилось сражение, потеря его, сосредоточение боя на одном пункте и замешательство начальствующих лиц. И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он, наконец представляется ему... «Ну, а потом...- отвечает сам себе князь Андрей,- я не знаю, что будет потом... Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую».

Со стороны неприятельской армии слышались крики, это было связано с тем, что «по войскам читали приказ Наполеона...

«Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко от огня, если вы, с вашей обычной храбростью, внесете в ряды неприятельские беспорядок и смятение; но если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля...»

В восемь часов Кутузов выехал верхом к Працу... он в это утро казался изнуренным и раздражительным... Позади Кутузова слышались вдали звуки здоровающихся полков, и голоса эти стали быстро приближаться по всему протяжению растянувшейся линии наступавших русских колонн. Видно было, что тот, с кем здоровались, ехал скоро... По дороге из Працена скакал как бы эскадрон разноцветных всадников. Два из них крупным галопом скакали рядом впереди остальных... Это были два императора со свитой.

Кутузов... принял вид подначальственного, нерассуждающего человека...

- Что ж вы не начинаете, Михаил Ларионович? - поспешно обратился император Александр к Кутузову, в то же время учтиво взглянув на императора Франца.

- Я поджидаю, ваше величество,- отвечал Кутузов, почтительно наклонясь вперед...- Не все колонны еще собрались...

- Ведь мы не на Царицыном Лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки,- сказал государь, снова взглянув в глаза императору Францу...

- Потому и не начинаю, государь, - сказал звучным голосом Кутузов, как бы предупреждая возможность не быть расслышанным, и в лице его еще раз что-то дрогнуло.- Потому и не начинаю, государь, что мы не на параде и не на Царицыном Лугу, - выговорил он ясно и отчетливо...

Туман начинал расходиться, и неопределенно, верстах в двух расстояния, виднелись уже неприятельские войска на противоположных возвышенностях... Французов предполагали за две версты от нас, а они явились вдруг неожиданно перед нами... Но в тот же момент все застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и наивно испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: «Ну, братцы, шабаш!» И как будто голос этот был командой. По этому голосу все бросились бежать... Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки его текла кровь. Князь Андрей протеснился до него.

- Вы ранены? - спросил он, едва удерживая дрожание нижней челюсти.

- Рана не здесь, а вот где! - сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих... - Болконский, - прошептал он дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом. - Болконский, - прошептал он, указывая на расстроенный батальон и на неприятеля, - что ж это?

Но прежде чем он договорил это слово, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшие ему к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

- Ребята, вперед! - крикнул он детски-пронзительно. «Вот оно!» - думал князь Андрей, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно направленных именно против него. Несколько солдат упало.

- Ура! - закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя, и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

И действительно, он пробежал один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком «ура!» побежал вперед и обогнал его... Но князь

Андрей не видал, чем это кончилось... «Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются», - подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба, - высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, - подумал князь Андрей... - Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..»

На правом фланге у Багратиона в девять часов дело еще не начиналось... Ростов ехал с поручением к Кутузову, а может быть и к самому государю... Около деревни Праца Ростову введено было искать Кутузова и государя...

- Где государь? Где Кутузов? - спрашивал Ростов у всех, кого мог остановить, и ни от кого не мог получить ответа...

Ростов ехал шагом, не зная, зачем и к кому он теперь поедет. Государь ранен, сражение проиграно. Нельзя было не верить этому теперь... Один офицер сказал Ростову, что за деревней налево он видел кого-то из высшего начальства, и Ростов поехал туда». Он увидел государя, удрученного и оплакивающего поражение. «Ростов, едва удерживая слезы сожаления об участи государя, в совершенном отчаянии поехал дальше, не зная, куда и зачем теперь едет...

В пятом часу сражение было проиграно на всех пунктах. Более ста орудий находилось уже во власти французов...

На Праценской горе, на том самом месте, где он упал с древком в руках, лежал князь Андрей Болконский, истекая кровью, и сам не зная того, стонал тихим, жалостным стоном...

Он стал прислушиваться и услышал звуки приближающегося топота лошадей и звуки голо сов, говоривших по-французски... Подъехавшие верховые были Наполеон, сопровождаемый двумя адъютантами.

- *Voila une belle mort* [Вот прекрасная смерть (франц.)], - сказал Наполеон, глядя на Болконского.

Князь Андрей понял, что это было сказано о нем и что говорит это Наполеон... Он знал, что это был Наполеон - его герой. Но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нем облаками».

Увидев, что Андрей жив, Наполеон приказал отнести его на перевязочный пункт. Придя в сознание после перевязки, князь увидел на своей груди образок и подумал: «Как бы счастлив и спокоен я был, ежели бы мог сказать теперь: Господи, помилуй меня!.. Но кому я скажу это?.. Ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величия чего-то непонятого, но важнее!»...

Князь Андрей, в числе других безнадежных раненых, был сдан на попечение жителей».

Том

второй

Часть

первая

«В начале 1806-го года Николай Ростов вернулся в отпуск. Денисов ехал тоже домой

в Воронеж, и Ростов уговорил его ехать с собой до Москвы и остановиться у них в доме...

Вернувшись в Москву из армии, Николай Ростов был принят домашними как лучший сын, герой и ненаглядный Никушка; родными - как милый, приятный и почтительный молодой человек; знакомыми - как красивый гусарский поручик, ловкий танцор и один из лучших женихов Москвы... Ростов, вернувшись домой, испытал приятное чувство после некоторого промежутка времени примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось, что он очень возмужал и вырос... Страсть его к государю несколько ослабела в Москве... Но он все-таки часто рассказывал о государе, о своей любви к нему... В это короткое пребывание Ростова в Москве, до отъезда в армию, он не сблизился, а, напротив, разошелся с Соней...

В начале марта старый граф Илья Андреевич Ростов был озабочен устройством обеда в Английском клубе для приема князя Багратиона». Граф отдавал приказания повару и эконому клуба, когда в дверях показался сын Николай, он попросил его съездить к Безухову за земляникой и ананасами. «В это время неслышными шагами, с деловым, озабоченным и вместе христиански-кротким видом, никогда не покидавшим ее, вошла в комнату Анна Михайловна...

- А к Безухову я съезжу, - сказала она. - Молодой Безухов приехал, и теперь мы все достанем, граф, из его оранжерей. Мне и нужно было видеть его. Он мне прислал письмо от Бориса. Слава Богу, Боря теперь при штабе...

- Вы Безухову скажите, чтоб он приезжал. Я его запишу. Что, он с женою?.. Анна Михайловна завела глаза, и на лице ее выразилась глубокая скорбь...

- Ах, мой друг, он очень несчастлив... Долохов, Марии Ивановны сын,- сказала она таинственным шепотом,- говорят, совсем компрометировал ее. Он его вывел, пригласил к себе в дом в Петербурге, и вот...

На другой день, 3-го марта, во втором часу пополудни, двести пятьдесят человек членов Английского клуба и пятьдесят человек гостей ожидали к обеду дорогого гостя и героя австрийского похода, князя Багратиона. В первое время по получении известия об Аустерлицком сражении Москва пришла в недоумение. В то время русские так привыкли к победам, что, получив известие о поражении, одни просто не верили, другие искали объяснений такому странному событию в каких-нибудь необыкновенных причинах». Но вскоре влиятельные люди, создающие общественное мнение, высказали причины поражения и везде заговорили одно и то же. «Причины эти были: измена австрийцев, дурное продовольствие войска, измена поляка Пржибышевского и француза Ланжерона, неспособность Кутузова и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, вверившегося дурным и ничтожным людям. Но войска, русские войска, говорили все, были необыкновенны и делали чудеса храбрости... Но героем из героев был князь Багратион, прославившийся своим Шенграбенским делом и отступлением от Аустерлица... Тому, что Багратион был выбран героем в Москве, содействовало и то, что он не имел связей в Москве и был чужой... Кроме того, в воздаянии ему таких почестей лучше всего показывалось нерасположение и неодобрение Кутузова».

По всей Москве «слышны были новые и новые рассказы об отдельных примерах мужества, оказанных нашими солдатами и офицерами при Аустерлице... Говорили и про Берга, те, которые не знали его, что он, раненный в правую руку, взял шпагу в

левую и пошел вперед. Про Болконского ничего не говорили, и только близко знавшие его жалели, что он рано умер, оставив беременную жену у чудака-отца». Большинство присутствующих в Английском клубе «были старые, почтенные люди с широкими самоуверенными лицами, толстыми пальцами, твердыми движениями и голосами... Малая часть присутствующих состояла из случайных гостей - преимущественно молодежи, в числе которой были Денисов, Ростов и Долохов, который был опять семеновским офицером... Несвицкий был тут же, как старый член клуба. Пьер, отпустивший по приказанию жены волоса, снявший очки, одетый по-модному, но с грустным и унылым видом, ходил по залам... По годам он должен был быть с молодыми, но по богатству и связям он был членом кружков старых, почтенных гостей, и потому он переходил от одного кружка к другому... В дверях передней показался Багратион... На лице его было что-то наивно-праздничное, дававшее в соединении с его твердыми, мужественными чертами, даже несколько комическое выражение его лицу... Он шел, не зная, куда девать руки, застенчиво и неловко, по паркету приемной: ему привычнее и легче было ходить под пулями по вспаханному полю, как он шел перед Курским полком в Шенграбене... Граф Илья Андреич, проталкиваясь... через толпу, вышел из гостиной, неся большое серебряное блюдо, которое он поднес Багратиону. На блюде лежали сочиненные в честь героя стихи. Багратион, увидав блюдо, испуганно оглянулся, как бы отыскивая помощи... Сам сочинитель взял стихи и начал читать. Князь Багратион склонил голову

и

слушал...

Но еще он не закончил стихов, как громогласный дворецкий провозгласил: «Кушанье готово!»... Все встали, чувствуя, что обед был важнее стихов, и опять Багратион

впереди

всех

пошел

к столу...

Пьер сидел против Долохова и Николая Ростова... Лицо его было уныло и мрачно. Он, казалось, не видел и не слышал ничего, происходящего вокруг него, и думал о чем-то

одном,

тяжелом

и

неразрешенном.

Этот неразрешенный, мучивший его вопрос были намеки княжны в Москве на близость Долохова к его жене и в нынешнее утро полученное им анонимное письмо, в котором было сказано с той подлой шутливостью, которая была свойственна всем анонимным письмам, что он плохо видит сквозь свои очки и что связь его жены с Долоховым

есть

тайна

только

для

одного

него...

Когда стали пить за здоровье государя, Пьер, задумавшись, не встал и не взял бокала.

- Что ж вы? - закричал ему Ростов, восторженно-озлобленными глазами глядя на него. - Разве вы не слышите: здоровье государя императора!.. - Ну теперь за здоровье красивых женщин, - сказал Долохов и с серьезным выражением, но с улыбающимся в углах рта, с бокалом обратился к Пьеру. - За здоровье красивых женщин, Петруша,

и

их

любowników,

-

сказал

он...

- Вы... вы... негодяй!.., я вас вызываю, - проговорил он и, двинув стул, встал из-за стола...

Несмотря на все просьбы Денисова, чтобы Ростов не вмешивался в это дело, Ростов согласился быть секундантом Долохова и после стола переговорил с Несвицким, секундантом

Безухова,

об

условиях

дуэли...

Место для поединка было выбрано шагах в восьмидесяти от дороги... Противники

стояли шагах в сорока друг от друга, у краев поляны... Оттепель и туман продолжались; за сорок шагов неясно было видно друг друга...

- Ну, начинайте! - сказал Долохов.

- Что ж, - сказал Пьер, все так же улыбаясь...

При слове три Пьер быстрыми шагами пошел вперед, сбиваясь с протоптанной дорожки и шагая по цельному снегу... Пройдя шагов шесть и сбившись с дорожки в снег, Пьер оглянулся под ноги, опять быстро взглянул на Долохова и, потянув пальцем, как его учили, выстрелил... Дым, особенно густой от тумана, помешал ему видеть в первое мгновение; но другого выстрела, которого он ждал, не последовало. Только слышны были торопливые шаги Долохова, и из-за дыма показалась его фигура. Одною рукою он держался за левый бок, другой сжимал опущенный пистолет... Пьер, едва удерживая рыдания, побежал к Долохову и хотел уже перейти пространство, отделяющее барьеры, как Долохов крикнул: - К барьеру!- и Пьер, поняв, в чем дело, остановился у своей сабли. Только десять шагов разделяло их... Пьер с кроткой улыбкой сожаления и раскаяния, беспомощно расставив ноги и руки, прямо своей широкой грудью стоял перед Долоховым и грустно смотрел на него. Денисов, Ростов и Несвицкий зажмурились. В одно и то же время они услышали выстрел и злой крик Долохова.

- Мимо! - крикнул Долохов и бессильно лег на снег лицом книзу. Пьер схватился за голову и, повернувшись назад, пошел в лес, шагая целиком по снегу и вслух приговаривая непонятные слова.

- Глупо... глупо! Смерть... ложь... - твердил он, морщась. Несвицкий остановил его и повез домой.

Ростов с Денисовым повезли раненого Долохова...

- Скверно!.. - сказал Долохов прерывающимся голосом. - Я ничего, но я убил ее, убил... Она не перенесет этого. Она не перенесет...

- Кто? - спросил Ростов.

- Мать моя. Моя мать, мой ангел, мой обожаемый ангел, мать, - и Долохов заплакал...

Он умолял Ростова ехать к ней и приготовить ее.

Ростов поехал вперед исполнить поручение и, к великому удивлению своему, узнал, что Долохов, этот буян, бретёр-Долохов, жил в Москве с старушкой матерью и горбатой сестрой и был самый нежный сын и брат».

После дуэли Пьер пытался понять, что же произошло и кто тому виной. Он пришел к выводу: «Кто прав, кто виноват? Никто. А жив - и живи: завтра умрешь, как мог я умереть час тому назад».

Пьер решил уехать, оставив Элен письмо, однако на следующее утро жена пришла к нему и потребовала объяснений.

«- Что вы доказали этой дуэлью? То, что вы дурак... так это все знали. К чему это приведет? К тому чтобы я сделалась посмешищем всей Москвы...

- Нам лучше расстаться, - проговорил он прерывисто.

- Расстаться, извольте, только ежели вы дадите мне состояние, - сказала Элен... -

Расстаться, вот чем испугали!

Пьер вскочил с дивана и, шатаясь, бросился к ней.

- Я тебя убью! - закричал он и, схватив со стола мраморную доску с неизвестной еще ему силой, сделал шаг к ней и замахнулся на нее.

Лицо Элен сделалось страшно; она взвизгнула и отскочила от него... Он бросил доску, разбил ее и, с раскрытыми руками подступая к Элен, закричал: «Вон!» - таким страшным голосом, что во всем доме с ужасом услышали этот крик. Бог знает, что бы сделал Пьер в эту минуту, ежели бы Элен не выбежала из комнаты. Через неделю Пьер выдал жене доверенность на управление всеми великорусскими имениями, что составляло большую половину его состояния, и один уехал в Петербург».

После Аустерлицкого сражения к старому князю Болконскому в Лысые Горы пришло письмо от Кутузова. «Ваш сын, в моих глазах, - писал Кутузов, - с знаменем в руках, впереди полка пал героем, достойным своего отца и своего Отечества. К общему сожалению моему и всей армии, до сих пор неизвестно, - жив ли он или нет».

Князь и княжна решили скрыть печальное известие от Лизы. Каждый переносил горе по-своему: Николай Андреевич слабел и терял силы, Марья «молилась за брата, как за живого, и каждую минуту ждала известия о его возвращении».

19 марта после завтрака Лиза почувствовала себя плохо и Марья вызвала акушерку Марью Богдановну. В эту ночь неожиданно возвратился князь Андрей, «бледный, худой и с измененным, странно смягченным, но тревожным выражением лица». Роды закончились трагически: Лиза умерла. «Она мертвая лежала в том же положении, в котором он видел ее пять минут назад, и то же выражение, несмотря на остановившиеся глаза и на бледность щек, было на этом прелестном детском робком личике, с губкой, покрытой черными волосиками. «Я вас всех любила и никому дурного не делала, и что вы со мной сделали? Ах, что вы со мной сделали?» - говорило ее прелестное, жалкое, мертвое лицо. В углу комнаты хрюкнуло и пискнуло что-то маленькое, красное в белых трясущихся руках Марьи Богдановны. Через два часа после этого князь Андрей тихими шагами вошел в кабинет к отцу. Старик все уже знал. Он стоял у самой двери, и, как только она отворилась, старик молча старческими, жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как
ребенок».

После дуэли Долохова с Пьером Николай Ростов благодаря хлопотам отца не был разжалован, а, напротив, - определен адъютантом к московскому генерал-губернатору. Долохов выздоровел. «Часто во время своего выздоровления он говорил Ростову такие слова, которых никак нельзя было ожидать от него. - Меня считают злым человеком, я знаю, - говаривал он, - и пускай... У меня есть обожаемая, неоцененная мать, два-три друга, ты в том числе, а на остальных я обращаю внимание только настолько, насколько они полезны или вредны. И все почти вредны, в особенности женщины... Я не встречал еще той небесной чистоты, преданности, которых я ищу в женщине. Ежели бы я нашел такую женщину, я бы жизнь отдал за нее».

Зиму 1806 года Николай Ростов провел дома. Он «привлек с собой в дом родителей много молодых друзей». Среди них был и Долохов. «Он оказывал преимущественное внимание Соне и смотрел на нее такими глазами, что не только она без краски не могла выдержать этого взгляда, но и старая графиня и Наташа краснели, заметив этот взгляд». На третий день Рождества он сделал Соне предложение, но она ему отказала, хотя ее просила графиня Ростова. «Долохов был

приличная и в некоторых случаях блестящая партия для бесприданной сироты Сони». Наташа убедила Николая поговорить с Соней, поскольку была уверена, что брат на ней не женится. На просьбу Николая еще раз подумать о предложении Долохова

Соня ответила:
«- Я ничего не хочу. Я люблю вас как брата и всегда буду любить, и больше мне ничего не надо.

- Вы ангел, я вас не стою, но я только боюсь обмануть вас. - Николай еще раз поцеловал ее руку».

В этот день известный танцевальный учитель Иогель давал бал для всех своих учеников и учениц, среди которых были и барышни Ростовы. Для Наташи это был ее первый бал. По настоянию брата Наташа для мазурки выбрала Денисова, который славился своим мастерством. «Только на коне и в мазурке не видно было маленького роста Денисова, и он представлялся тем самым молодцом, каким он сам себя чувствовал». После мазурки Денисов «подсел к Наташе и весь бал не отходил от нее».

Получив отказ, Долохов перестал бывать у Ростовых. Он собирался ехать в армию и на прощальный вечер пригласил Николая. «Светлый холодный взгляд Долохова встретил Ростова еще двери, как будто он давно ждал его». Долохов метал банк и предложил Ростову сыграть с ним. Игра была долгой и закончилась для Николая громадным проигрышем. Это была не просто игра в карты, Долохов мстил за свою неудачу. «Он решил продолжать игру до тех пор, пока запись эта не возрастет до сорока трех тысяч. Число это было им выбрано потому, что сорок три составляло сумму сложенных его годов с годами Сони». И добился своего.

«- Послушай Ростов, - сказал Долохов, ясно улыбаясь и глядя в глаза Николаю, - ты знаешь поговорку: «Счастлив в любви, несчастлив в картах». Кузина твоя влюблена в тебя. Я знаю.

«О! это ужасно чувствовать себя так во власти этого человека», - думал Ростов. Ростов понимал, какой удар он нанесет отцу, матери объявлением этого проигрыша; он понимал, что Долохов знает, что может избавить его от этого стыда и горя». Однако не сделал этого.

Пообещав завтра вернуть долг, Николай Ростов отправился домой. Он был страшно удручен и огорчен, но в семье погрузился в атмосферу любви и понимания. В этот вечер молодежь пела, и голос Наташи, музыка произвели на него обновляющее действие, в его душе «тронулось что-то лучшее... И это что-то было независимо от всего в мире и выше всего в мире. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Все вздор! Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым...»

Денисов сделал предложение Наташе. Графиня вынуждена была отказать ему, так как девушка была еще слишком молода для замужества. «На другой день Ростов проводил Денисова, который не хотел более ни одного дня оставаться в Москве». Николай ждал денег, которые «не вдруг мог собрать старый граф», но вскоре, отослав «все сорок три тысячи и получив расписку Долохова, уехал в конце ноября догонять полк, который уже был в Польше».

Часть вторая

«После своего объяснения с женой Пьер поехал в Петербург. В Торжке на станции не было лошадей... Пьер должен был ждать». Во время вынужденной остановки

Пьер познакомился с одним из проезжающих. Этот человек обратился к Пьеру со словами:

«- Вы несчастливы, государь мой... Я бы желал по мере моих сил помочь вам...
- Я очень рад познакомиться с вами, - сказал Пьер и, взглянув... на руки нового знакомого... рассмотрел перстень. Он увидел на нем адамову голову, знак масонства.
- Позвольте мне спросить, - сказал он, - вы масон? - Да, я принадлежу братству свободных каменщиков, - сказал проезжий, все глубже и глубже вглядываясь в глаза Пьеру. - И от себя и от их имени протягиваю вам братскую руку...
Пьер с замиранием сердца, блестящими глазами глядя в лицо масона, слушал его, не перебивал, не спрашивал его, а всей душой верил тому, что говорил ему этот чужой человек...

- Помогите мне, научите меня, и, может быть, я буду... - Пьер не мог говорить дальше; он засопел носом и отвернулся.
Масон долго молчал, видимо, что-то обдумывал. - Помощь дается токмо от Бога, - сказал он, - но ту меру помощи, которую во власти подать наш орден, он подаст вам, государь мой... Один совет позвольте подать вам. Приехав в столицу, посвятите первое время уединению, обсуждению самого себя и не вступайте на прежние пути жизни...

Проезжающий был Осип Алексеевич Баздеев, как узнал Пьер по книге смотрителя. Баздеев был одним из известнейших масонов и мартинистов еще новиковского времени».

В Петербурге произошло посвящение графа Безухова в масоны. Во время таинства были произнесены слова, которые произвели на Пьера сильное впечатление: «Обратите все ваше внимание на самого себя, наложите цепи на свои чувства и ищите блаженства не в страстях, а в своем сердце... Источник блаженства не вне, а внутри нас».

«Дело Пьера и Долохова было замято, и, несмотря на тогдашнюю строгость государя в отношении дуэлей, ни оба противника, ни их секунданты не пострадали. Но история дуэли, подтвержденная разрывом Пьера с своей женой, разгласилась в обществе». В светском обществе во всем обвинили Пьера, Элен же встречали радушно, с оттенком почтительности.

«Анна Павловна по-прежнему давала у себя в свободные дни такие вечера, как и прежде... Лицо, которым, как новинкой, угаживала в этот вечер Анна Павловна своих гостей, был Борис Друбецкой, только что приехавший курьером из прусской армии и в прусской армии находившийся адъютантом у очень важного лица... Борис за это время своей службы благодаря заботам Анны Михайловны, собственным вкусам и свойствам своего сдержанного характера успел поставить себя в самое выгодное положение по службе... Сближался он и искал знакомств только с людьми, которые были выше его и потому могли быть ему полезны. Он любил Петербург и презирал Москву. Воспоминание о доме Ростовых и о его детской любви к Наташе было ему неприятно, и он с самого отъезда в армию ни разу не был у Ростовых. В гостиной Анны Павловны... присутствовать он считал за важное повышение по службе».

Элен проявила интерес к Борису и стала приглашать его к себе на вечера. Вскоре «Борис сделался близким человеком в доме графини Безуховой».

«Война разгоралась, и театр ее приближался к русским границам... Жизнь старого князя Болконского, князя Андрея и княжны Марьи во многом изменилась с 1805 года. В 1806 году старый князь был определен одним из восьми главнокомандующих по ополчению, назначенных тогда по всей России... Князь Андрей после Аустерлицкой кампании твердо решил никогда не служить более в военной службе; и когда началась война и все должны были служить, принял должность под начальством отца по сбору ополчения».

«Вскоре после своего приема в братство масонов Пьер с полным написанным им для себя руководством о том, что он должен был делать в своих имениях, уехал в Киевскую губернию, где находилась большая часть его крестьян. Приехав в Киев, Пьер вызвал в главную контору всех управляющих и объяснил им свои намерения и желания. Он сказал им, что немедленно будут приняты меры для совершенного освобождения крестьян от крепостной зависимости, что до тех пор крестьяне не должны быть отягчаемы работами, что женщины с детьми не должны посылаться на работы, что крестьянам должна быть оказываемая помощь, что наказания должны быть употребляемы увещательные, а не телесные, что в каждом имении должны быть учреждены больницы, приюты и школы... Весной 1807 года Пьер решил ехать назад в Петербург. По дороге назад он намеревался объехать все свои имения... Главноуправляющий, считавший все затеи молодого графа почти безумством, невыгодным для себя, для него, для крестьян, - сделал уступки. Продолжая дело освобождения представлять невозможным, он распорядился постройкой во всех имениях больших зданий школ, больниц и приютов; для приезда барина везде приготовил встречи... такие религиозно-благодарственные, с образами и хлебом-солью, именно такие, которые, как он понимал барина, должны были подействовать на графа и обмануть его... Главноуправляющий, весьма глупый и хитрый человек, совершенно понимая умного и наивного графа и играя им, как игрушкой, увидав действие, произведенное на Пьера приготовленными приемами, решительнее обратился к нему с доводами о невозможности и, главное, ненужности освобождения крестьян, которые и без того были совершенно счастливы... Возвращаясь из своего южного путешествия, Пьер исполнил свое давнишнее намерение - заехать к своему другу Болконскому, которого он не видал два года». После долгой разлуки друзья много спорили: Пьер утверждал, что нужно творить добро, Андрей считал, что истина жизни - не делать людям зла. «Пьер думал о том, что князь Андрей несчастлив, что он заблуждается, что он не знает истинного света и что Пьер должен прийти на помощь ему, просветить и поднять его... - Ежели есть Бог и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добродетель; и высшее счастье человека состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить, - говорил Пьер, - что живем не нынче только на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно там, во всем (он указал на небо)». Андрей поглядел на небо «и в первый раз после Аустерлица он увидел то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нем, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе... Свидание с Пьером было для князя Андрея эпохой, с которой началась хотя во внешности и та же самая, но во внутреннем мире его новая жизнь...

Пьер теперь только, в свой приезд в Лысые Горы, оценил всю силу и прелесть своей дружбы с князем Андреем... Когда Пьер уехал и сошлись вместе все члены семьи, его стали судить, как это всегда бывает после отъезда нового человека, и, как это редко бывает, все говорили про него одно хорошее».

«Армия наша после неоднократных отступлений, наступлений и сражений при Пултуске, при Прейсиш-Эйлау сосредоточивалась около Бартенштейна. Ожидали приезда государя к армии и начала новой кампании.

Павлоградский полк, находившийся в той части армии, которая была в походе 1805 года, укомплектовываясь в России, опоздал к первым действиям кампании... В апреле месяце павлоградцы несколько недель простояли около разоренной дотла немецкой пустой деревни, не трогаясь с места. Все было съедено, и все жители разбежались». В это тяжелое время Денисов с гусарами предпринял отчаянный шаг: отбили повозки с провизией, назначенные в пехотный полк.

На следующий день к майору Денисову прибыл адъютант полкового командира с форменной бумагой. «Адъютант сообщил, что дело должно принять весьма дурной оборот, что назначена военно-судная комиссия и что при настоящей строгости касательно мародерства и своевольтства войск, в счастливом случае - дело может кончиться разжалованьем». Первого мая Денисов должен был явиться в штаб дивизии для объяснений, но накануне в бою его ранили, и он попал в госпиталь.

Через некоторое время к нему в госпиталь приехал Николай Ростов. В комнате вместе с Денисовым лежал капитан Тушин, лишившийся в бою руки. При встрече - друзей разговор зашел о деле Денисова. Офицеры, принимавшие участие в беседе, посоветовали обратиться к государю с просьбой о помиловании. Денисов сначала сопротивлялся, но потом вынужден был согласиться и передал прошение Ростову.

«13-го июня французский и русский императоры съехались в Тильзите». Туда и отправился Ростов со своей миссией. В Тильзите он встретил Бориса, к которому обратился со своей просьбой, но Друбецкой отказался принять участие в этом щекотливом деле.

«27-го июня были подписаны первые условия мира. Императоры поменялись орденами: Александр получил Почетного легиона, а Наполеон Андрея 1-й степени, и в этот день был назначен обед Преображенскому батальону, который давал ему батальон французской гвардии. Государи должны были присутствовать на этом банкете...»

«Борис не хочет помочь мне, да и я не хочу обращаться к нему. Это дело решенное, - думал Николай, - между нами все кончено, но я не уеду отсюда, не сделав все, что могу, для Денисова и, главное, не передав письма государю. Государю?! Он тут!» - думал Ростов, подходя неволью опять к дому, занимаемому Александром». Прощение попало к императору Александру через начальника дивизии, в которой служили Денисов и Ростов. Но было отклонено. Государь сослался на всеисилие закона.

Наблюдая встречу императоров и по-прежнему восхищаясь своим кумиром Александром, Ростов был одержим страшными сомнениями. «То ему вспоминался Денисов с своим изменившимся выражением, с своею покорностью и весь госпиталь с этими оторванными руками и ногами, с этой грязью и болезнями... То ему вспоминался этот самодовольный Бонапарте с своей белой ручкой, который был

теперь император, которого любит и уважает император Александр. Для чего же оторванные руки, ноги, убитые люди?.. Он заставлял себя на таких странных мыслях, что пугался их».

Перед отъездом граф Ростов обедал с офицерами. В разгаре беседы он сказал: «- Наше дело исполнять свой долг, рубиться и не думать, вот и все». Эти слова были словно ответом на сомнения, недавно одолевавшие его.

Часть третья

«В 1809-м году близость двух властелинов мира, как называли Наполеона и Александра, дошла до того, что, когда Наполеон объявил в этом году войну Австрии, то русский корпус выступил за границу для содействия своему прежнему врагу... Жизнь между тем, настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте, и вне всех возможных преобразований.

Князь Андрей безвыездно прожил два года в деревне. Все те предприятия цб именьям, которые затеял у себя Пьер и не довел ни до какого результата... были исполнены князем Андреем. Он имел в высшей степени ту недостававшую Пьеру практическую цепкость, которая без раз-махов и усилий с его стороны давала движение делу.

Одно именье его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебопашцы (это был один из первых примеров в России), в других барщина заменена оброком. В Богучарово была выписана на его счет ученая бабка для помощи родильницам, и священник за жалованье обучал детей крестьянских и дворовых грамоте... Весною 1809-го года князь Андрей поехал в рязанские именья своего сына, которого он был опекуном.

Пригреваемый весенним солнцем, он сидел в коляске, поглядывая на первую траву, первые листья березы и первые клубы белых весенних облаков, разбежавшихся по яркой синеве неба. Он ни о чем не думал, а весело и бессмысленно смотрел по сторонам...

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными давно, видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болячками. С огромными своими неуклюже, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца.

«Весна, и любовь, и счастье! - как будто говорил этот дуб. - И как не надоест вам все один и тот же глупый, бессмысленный обман. Все одно и то же, и все обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья...»

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу, как будто он чего-то ждал от него. Цветы и трава были и под дубом, но он все так же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно, стоял посреди их.

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб,- думал князь Андрей,- пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь,- наша жизнь

кончена!»...

По опекунским делам рязанского имени князю Андрею надо было видеться с уездным предводителем. Предводителем был граф Илья Андреевич Ростов, и князь Андрей в середине мая поехал к нему...

Граф Илья Андреевич в 1809-м году жил в Отрадном. Он, как всякому новому гостю, был рад князю Андрею и почти насильно оставил его ночевать».

Вечером, оставшись один, князь Андрей долго не мог заснуть. Он подошел к окну и отворил его, сверху слышался женский говор.

«- Соня! Соня!.. Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть!.. Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки - туже, как можно туже, натужиться надо,- и полетела бы. Вот так!..

«И дела нет до моего существования!» - подумал князь Андрей».

Андрей узнал голос Наташи, которую встретил днем в саду Ростовых. «В душе его вдруг поднялась такая неожиданная путаница молодых мыслей и надежд, противоречащих всей его жизни, что он, чувствуя себя не в силах уяснить себе свое состояние, тотчас же уснул...

На другой день, простившись только с одним графом, не дождавшись дам, князь Андрей поехал домой.

Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въехал опять в ту березовую рощу, в которой этот старый, корявый дуб так странно и памятно поразил его... Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия - ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробились без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их. «Да это тот самый дуб», - подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг в одно и то же время вспомнились ему...

«Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, - вдруг окончательно, беспеременно решил князь Андрей. - Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это: и Пьер, и эта девочка, которая хотела улететь в небо, надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!»

Князь Андрей решил осенью ехать в Петербург...

Он прибыл в Петербург в августе 1809 года. « Это было время апогея славы молодого Сперанского и энергии совершаемых им переворотов... Он испытывал теперь в Петербурге чувство, подобное тому, какое он испытывал накануне сражения, когда его томило беспокойное любопытство и непреодолимо тянуло в высшие сферы, туда, где готовилось будущее, от которого за висели судьбы миллионов... В 1809-м году готовилось здесь, в Петербурге, какое-то огромное гражданское сражение, которого главнокомандующим было неизвестное ему, таинственное и предоставлявшееся ему гениальным, лицо - Сперанский...

Князь Андрей находился в одном из самых выгодных положений для того, чтобы быть хорошо принятым во все самые разнообразные и высшие круги тогдашнего петербургского общества. Партия преобразователей радушно принимала и

заманивала его, во-первых, потому, что он имел репутацию ума и большой начитанности, во-вторых, потому, что он своим отпущением крестьян на волю сделал уже себе репутацию либерала. Партия стариков недовольных, прямо как к сыну своего отца, обращалась к нему за сочувствием, осуждая преобразования. Женское общество, свет радушно принимали его, потому что он был жених богатый и знатный, и почти новое лицо с ореолом романтической истории о его мнимой смерти и трагической кончине жены. Кроме того, общий голос о нем всех, которые знали его прежде, был тот, что он много переменялся к лучшему в эти пять лет, смягчился и возмужал, что не было в нем прежнего притворства, гордости и насмешливости и было то спокойствие, которое приобретает годами. О нем заговорили, им интересовались, и все желали его видеть...

Первое время своего знакомства с Сперанским князь Андрей питал к нему страстное чувство восхищения, похожее на то, которое он когда-то испытывал к Бонапарте». Вскоре князь Андрей стал «членом комиссии составления воинского устава и, чего он никак не ожидал, начальником отделения комиссии составления законов. По просьбе Сперанского он взял первую часть составляемого гражданского уложения и... работал над составлением отдела: Права лиц».

«В 1808 году, вернувшись в Петербург из своей поездки по имениям, Пьер невольно стал во главе петербургского масонства... Жизнь его между тем шла по-прежнему, с теми же увлечениями и распущенностью... В чад своих занятий и увлечений Пьер, однако, по прошествии года начал чувствовать, как та почва масонства, на которой он стоял, тем более уходила из-под его ног, чем тверже он старался стать на ней... Он и не думал сомневаться в самом масонстве, но подозревал, что русское масонство пошло по ложному пути и отклонилось от своего источника. И потому в конце года Пьер поехал за границу для посвящения себя в высшие тайны ордена.

Летом еще в 1809 году Пьер вернулся в Петербург... Назначено было торжественное заседание ложи 2-го градуса, в которой Пьер обещал сообщить то, что он имеет передать петербургским братьям от высших руководителей ордена...

- Любезные братья, - начал он, краснея и запинаясь и держа в руке написанную речь.

- Недостаточно блюсти в тиши ложи наши таинства - нужно действовать...

действовать... Одним словом, надобно учредить всеобщий владычеству образ

правления, который распространялся бы над целым светом... Сию цель предполагало

само христианство. Оно учило людей быть мудрыми и добрыми и для собственной

своей выгоды следовать примеру и наставлениям лучших и мудрейших людей...

По окончании заседания великий мастер с недоброжелательством и иронией сделал

Безухову замечание о его горячности и о том, что не одна любовь к добродетели, но

и увлечение борьбы руководило им в споре. Пьер не отвечал ему и коротко спросил,

будет ли принято его предложение. Ему сказали, что нет, и Пьер, не дожидаясь

обычных формальностей, вышел из ложи и уехал домой...

На Пьера опять нашла та тоска, которой он так боялся... В это время он получил

письмо от жены, которая умоляла его о свидании, писала о своей грусти по нем и о

желании посвятить ему всю жизнь».

Элен вновь стала жить с мужем и создала свой салон. «Быть принятым в салоне

графини Безуховой считалось дипломом ума; молодые люди прочитывали книги

перед вечером Элен, чтобы было о чем говорить в ее салоне, и секретари посольства,

и даже посланники поверяли ей дипломатические тайны, так что Элен была сила в некотором роде. Пьер, который знал, что она была очень глупа, с странным чувством недоумения и страха иногда присутствовал на ее вечерах и обедах, где говорилось о политике, поэзии и философии... В числе многих молодых людей, ежедневно бывавших в доме Элен, Борис Друбецкой, уже весьма успевший в службе, был... самым близким человеком в доме Безуховых... Но, странное дело, присутствие Бориса в гостиной жены (а он был почти постоянно) физически действовало на Пьера: оно связывало все его члены, уничтожало бессознательность и свободу его движений... В глазах света Пьер был большой барин, несколько слепой и смешной муж знаменитой жены, умный чудак, ничего не делающий, но никому не вредящий, славный и добрый малый. В душе же Пьера происходила за все это время сложная и трудная работа внутреннего развития, открывшая ему многое и приведшая его ко многим духовным сомнениям и радостям».

«Денежные дела Ростовых не поправились в продолжение двух лет, которые они пробыли в деревне... Единственная помощь, которая, очевидно, представлялась старому графу, это была служба, и он приехал в Петербург искать места. .. Вскоре после приезда Ростовых в Петербург Берг сделал предложение Вере, и предложение его было принято... Ростовы в Петербурге жили так же гостеприимно, как и в Москве...

Наташе было шестнадцать лет, и был 1809 год, тот самый, до которого она четыре года тому назад по пальцам считала с Борисом, после того как она с ним поцеловалась. С тех пор она ни разу не видала Бориса... Когда Ростовы приехали в Петербург, Борис приехал к ним с визитом...

После первого своего посещения Борис сказал себе, что Наташа для него так же привлекательна, как и прежде, но что он не должен отдаваться этому чувству, потому что женитьба на ней - девушке почти без состояния - была бы гибелью его карьеры, а возобновление прежних отношений без цели женитьбы было бы неблагородным поступком. Борис решил сам с собою избегать встреч с Наташей, но, несмотря на это решение, приехал через несколько дней и стал ездить часто... Борис перестал бывать у Элен, ежедневно получал укорительные записки от нее и все-таки целые дни проводил у Ростовых».

Однажды вечером, когда графиня ложилась спать, к ней вбежала Наташа. Она желала поговорить с матерью о Борисе. Графиня сказала дочери, что та не может выйти за него замуж, поскольку не любит его.

«- Мама, а он очень влюблен? Как, на ваши глаза? В вас были так влюблены? И очень мил, очень, очень мил! Только не совсем в моем вкусе - он узкий такой, как часы столовые... Вы не понимаете?... Узкий, знаете, серый, светлый...

- Что ты врешь? - сказала графиня.

Наташа продолжала:

- Неужели вы не понимаете? Николенька бы понял... Безухов - тот синий, темно-синий с красным, и он четверугольный...

На другой день графиня, пригласив к себе Бориса, переговорила с ним, и с того дня он перестал бывать у Ростовых.

31-го декабря, накануне нового 1810 года... был бал у екатерининского вельможи. На бале должен был быть дипломатический корпус и государь...

Наташа ехала на первый большой бал в своей жизни... То, что ее ожидало, было так прекрасно, что она не верила даже тому, что это будет... В зале стояли гости, теснясь перед входной дверью, ожидая государя... Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее... Наташа с радостью посмотрела на знакомое лицо Пьера... Пьер обещал ей быть на бале и представить ей кавалеров. Но, не дойдя до них, Безухов остановился подле невысокого очень красивого брюнета в белом мундире... Наташа... узнала невысокого молодого человека в белом мундире: это был Болконский, который показался ей очень помолодевшим, повеселевшим и похорошевшим». Бал начался с появления государя. «Больше половины дам имели кавалеров и шли или приготавливались идти в польский. Наташа чувствовала, что она оставалась с матерью и Соней... Ее не занимали ни государь, ни все важные лица... у ней была одна мысль: «Неужели так никто и не подойдет ко мне... Нет, это не может быть! - думала она. - Они должны же знать, как я отлично танцую и как им весело будет танцевать со мною»...

Пьер подошел к князю Андрею и схватил его за руку. - Вы всегда танцуете. Тут есть моя про-тегее, Ростова молодая, пригласите ее, - сказал он... Отчаянное, замирающее лицо Наташи бросилось в глаза князю Андрею. Он узнал ее, угадал ее чувство, понял, что она была начинающая, вспомнил ее разговор на окне и с веселым выражением лица подошел к графине Ростовской». Князь Андрей «пошел танцевать и выбрал Наташу потому, что на нее указал ему Пьер, и потому, что она первая из хорошеньких женщин попала ему на глаза; но едва он обнял этот тонкий, подвижный, трепещущий стан и она зашевелилась так близко от него, вино ее прелести ударило ему в голову: он почувствовал себя ожившим и помолодевшим, когда, переводя дыхание и оставив ее, остановился и стал смотреть на танцующих... Князь Андрей, как все люди, выросшие в свете, любил встречать в свете то, что не имело на себе общего светского отпечатка. И такова была Наташа, с ее удивлением, радостью и робостью, и даже ошибками во французском языке». На другой день князь Андрей обедал у Сперанского. Вернулся он домой разочарованным, «стал вспоминать свою петербургскую жизнь за эти четыре месяца, как будто что-то новое... ему стало удивительно, как он мог так долго заниматься такой праздной работой.

На другой день князь Андрей поехал с визитами в некоторые дома... Кроме законов учтивости, по которым ему нужно было быть у Ростовых, князю Андрею хотелось видеть дома эту особенную, оживленную девушку, которая оставила ему приятное воспоминание». У Ростовых князя встретили радушно. После обеда Наташа по просьбе князя Андрея стала петь. «Он был счастлив, и ему вместе с тем было грустно... Ему и в голову не приходило, чтоб он был влюблен в Ростову; он не думал о ней; он только воображал ее себе, и вследствие этого вся жизнь его представлялась ему в новом свете».

Однажды утром к Пьеру приехал Адольф Берг с приглашением к себе на вечер. Среди приглашенных были Борис Друбецкой и Андрей Болконский. Были и Ростовы. На вечере Пьер обратил внимание на перемену, происшедшую в Наташе после бала. Он видел, с какой нежностью смотрит на нее князь Андрей, и решил: что-то важное происходит между ними.

«На другой день князь Андрей поехал к Ростовым обедать... Все в доме чувствовали, для кого ездил князь Андрей, и он, не скрывая, целый день старался быть с Наташей. Не только в душе Наташи, испуганной, но счастливой и восторженной, но во всем доме чувствовался страх перед чем-то важным, имеющим совершиться». В тот же вечер Андрей «сидел у Пьера и говорил ему о своей любви к Наташе и твердо взятом намерении жениться на ней... Для женитьбы нужно было согласие отца, и для этого на другой день князь Андрей уехал к отцу». Старик Болконский неодобрительно отнесся к решению сына и попросил его отложить женитьбу на год, чтобы проверить чувства. Через три недели вернувшись в Петербург, князь Андрей поехал сразу к Ростовым просить руки Наташи. Получив согласие графини, он объяснился с Наташей и сообщил ей о решении отца. «- Это ужасно! Нет, это ужасно, ужасно! - вдруг заговорила Наташа и опять зарыдала. - Я умру, дожидаясь года: это нельзя, это ужасно. - Она взглянула в лицо своего жениха и увидела в нем выражение сострадания и недоумения. - Нет, нет, я все сделаю, - сказала она, вдруг остановив слезы, - я так счастлива! Отец и мать вошли в комнату и благославили жениха и невесту. С этого дня князь Андрей женихом стал ездить к Ростовым... Обручения не было, и никому не было объявлено о помолвке Болконского с Наташей; на этом настоял князь Андрей. Он говорил, что так как он причина отсрочки, то он и должен нести всю тяжесть ее. Он говорил, что он навеки связал себя своим словом, но что он не хочет связывать Наташу и предоставляет ей полную свободу».

Накануне отъезда Андрея Наташа была взволнована, но не плакала. «Когда он уехал, она тоже не плакала; но несколько дней она, не плача, сидела в своей комнате, не интересовалась ничем и только говорила иногда: «Ах, зачем он уехал!»... «...Здоровье и характер князя Николая Андреевича Болконского в этот последний год после отъезда сына очень ослабели. Он сделался еще более раздражителен, чем прежде, и все вспышки его беспричинного гнева большей частью обрушивались на княжну Марью...

В середине лета княжна Марья получила неожиданное письмо от князя Андрея из Швейцарии, в котором он сообщал ей странную и неожиданную новость. Князь Андрей сообщал ей о своей помолвке с Ростовой... После многих колебаний, сомнений и молитв княжна Марья передала письмо отцу. На другой день старый князь сказал ей спокойно:

- Напиши брату, чтобы подождал, пока умру... Не долго - скоро развяжу...»

Часть четвертая

В 1809 году Николай Ростов по просьбе матери приехал в Отрадное, чтобы поправить сильно пошатнувшиеся дела семьи. Он попытался уличить в нечестности управляющего Митеньку, но вызвал только неодобрение отца. «После этого молодой Ростов, уже не вступаясь более ни в какие дела, с страстным увлечением занялся еще новыми для него делами псовой охоты, которая в больших размерах была заведена у старого графа... Старый граф, всегда державший огромную охоту, теперь же передавший всю охоту в ведение сына, в... день 15-го сентября, развеселясь, собрался сам тоже выехать». В охоте участвовали также Наташа с Петей и дальний родственник Ростовых Михаил Никанорыч, которого они называли ласково

дядюшка.

Вечером охотники оказались далеко от дома и заночевали у дядюшки. После ужина хозяин взял гитару и начал играть. «Чуть-чуть что-то смеялось в его лице, с одной стороны под седым усом, особенно смеялось тогда, когда дальше расходилась песня, ускорялся темп и в местах переборов открывалось что-то.

- Прелесть, прелесть, дядюшка! еще, еще! - закричала Наташа, как только он кончил. Она, вскочивши с места, обняла дядюшку и поцеловала его. - Николенька, Николенька! - говорила она, оглядываясь на брата и как бы спрашивая: что же это такое?

Николаю тоже очень понравилась игра дядюшки...

- Ну, ну, голубчик, дядюшка, - таким умоляющим голосом застонала Наташа, как будто жизнь ее зависела от этого. Дядюшка встал, и как будто в нем было два человека - один из них серьезно улыбнулся над весельчаком, а весельчак сделал наивную и аккуратную выходку перед пляской.

- Ну, племянница! - крикнул дядюшка, взмахнув к Наташе рукой, оторвавшей аккорд.

Наташа сбросила с себя платок, который был накинут на ней, забежала вперед дядюшки и, подперши руки в боки, сделала движение плечами и стала.

Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, - эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, - этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de chale* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка. Как только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страх, который охватил было Николая и всех присутствующих, страх, что она не то сделает, прошел, и они уже любовались ею».

Финансовые дела Ростовых расстроились. «Графиня любящим сердцем чувствовала, что дети ее разорятся, что граф не виноват... и искала средств помочь делу. С ее женской точки зрения представлялось только одно средство - же нитьба Николая на богатой невесте... Партия эта была Жюли Карагина, дочь прекрасных, добродетельных матери и отца, с детства известная Ростовым, и теперь богатая невеста по случаю смерти последнего из ее братьев». Об этом графиня и сказала сыну. Николай решил для себя, что не сможет «пожертвовать чувством и честью для состояния», и все больше сближался с Соней. Однако срок его отпуска подходил к концу. Перед отъездом он узнал, что пришло письмо от князя Андрея. Болконский писал, что приезд его задерживается. «Наташа была так же влюблена в своего жениха, так же успокоена этой любовью и так же восприимчива ко всем радостям жизни; но в конце четвертого месяца разлуки с ним на нее начинали находить моменты грусти, против которой она не могла бороться. Ей жалко было самое себя, жалко было, что она так даром, ни для кого, пропадала все это время, в продолжение которого она чувствовала себя столь способной любить и быть любимой.

В доме Ростовых было невесело».

Пришли святки. В один из праздничных дней молодежь решила устроить гулянье. В зале, куда пришли наряженные дворовые, «появилась еще старая барыня в фижмах - это был Николай. Турчанка был Петя... гусар - Наташа и черкес - Соня, с нарисованными пробочными усами и бровями...

Наташа первая дала тон святочного веселья, и это веселье, отражаясь от одного к другому, все более и более усиливалось и дошло до высшей степени в то время, когда все вышли на мороз и, переговариваясь, перекликаясь, смеясь и крича, расселись
в
сани...

Вскоре после святок Николай объявил матери о своей любви к Соне и о твердом решении жениться на ней». Отец и мать не дали ему благословения. «Николай не мог, как ему казалось, перенести долее этого положения и пошел объясниться с матерью. Николай то умолял мать простить его и Соню и согласиться на их брак, то угрожал матери тем, что, ежели Соню будут преследовать, то он сейчас же женится на ней тайно». Разговор перешел в ссору. «Наташа взялась за дело примирения и довела его до того, что Николай получил обещание от матери в том, что Соню не будут притеснять, и сам дал обещание, что он ничего не предпримет тайно от родителей.

С твердым намерением, устроив в полку свои дела, выйти в отставку и жениться на Соне, Николай, грустный и серьезный, в разладе с родными, но, как ему казалось, страстно влюбленный, в начале января уехал в полк».

Ростовы собирались в Москву: «нужно было делать приданое, нужно было продавать дом». В конце января граф с Наташей и Сонею поехал в Москву, оставив в деревне
графиню.

Часть

пятая

Пьер, «без всякой очевидной причины, вдруг почувствовал невозможность вести прежнюю жизнь. Он перестал писать свой дневник, избегал общества братьев, стал опять много пить, опять сблизился с холостыми компаниями и начал вести такую жизнь, что графиня Елена Васильевна сочла нужным сделать ему строгое замечание. Пьер, почувствовав, что она была права, и чтобы не компрометировать свою жену, уехал в Москву... Ему стало в Москве покойно, тепло, привычно и грязно, как в старом халате. Московское общество все, начиная от старух до детей, как своего давножданного гостя, которого место всегда было готово и не занято, приняло Пьера. Для московского света Пьер был самым милым, добрым, умным, веселым, великодушным чудачком, рассеянным и душевным, русским, старого покроя, барином. Кошелек его всегда был пуст, потому что открыт для всех... Поживши в Москве несколько времени, он не презирал уже, а начинал любить, уважать и жалеть, так же как и себя, своих по судьбе товарищей... «Все мы исповедуем христианский закон прощения обид и любви к ближнему - закон, вследствие которого мы воздвигли в Москве сорок сороков церквей, а вчера засекали кнутом бежавшего человека, и служитель того же самого закона любви и прощения, священник, давал целовать солдату крест пред казнью». Так думал Пьер, и эта вся общая, всеми признанная ложь, как он ни привык к ней, как будто что-то новое, всякий раз изумляла его... Он испытывал несчастную способность многих, особенно русских людей, - видеть и верить в возможность добра и правды и слишком ясно видеть зло и ложь жизни, для того чтобы быть в силах принимать в ней серьезное участие».

В начале зимы князь Николай Андреич Болконский с дочерью прибыли в Москву. «Для посетителей весь этот старинный дом с огромным трюмо, дореволюционной мебелью, этими лакеями в пудре, и сам прошлого века крутой и умный старик с его

кроткою дочерью и хорошенькой француженкой, которые благоговели перед ним, представлял величественно-приятное зрелище. Но посетители не думали о том, что, кроме этих двух-трех часов, во время которых они видели хозяев, было еще двадцать два часа в сутки, во время которых шла тайная внутренняя жизнь дома». Марья не находила удовольствия в светском общении, даже потеряла интерес к своей давней подруге Жюли Карагиной. «Но более, более всего горя доставляла княжне раздражительность ее отца... В последнее время в нем появилась новая черта, более всего мучившая княжну Марью, - это было его большое сближение с m-lle Bourienne. Пришедшая ему в первую минуту по получении известия о намерении сына мысль-шутка о том, что ежели Андрей женится, то и он сам женится на Bourienne, видимо, понравилась ему, и он с упорством последнее время (как казалось княжне Марье), только для того, чтобы ее оскорбить, выказывал особенную ласку к m-lle Bourienne и выказывал свое недовольство к дочери выказываемой любви к Bourienne».

Однажды в минуты негодования и злости князь произнес суровый приговор своей дочери.

«- Нет, матушка, разойтись, разойтись, это вы знаете, знаете! Я теперь больше не могу, - сказал он и вышел из комнаты. И как будто боясь, чтобы она не сумела как-нибудь утешиться, он вернулся к ней и, стараясь принять спокойный вид, прибавил: - Не думайте, чтобы я это сказал вам в минуту сердца, а я спокоен, и я обдумал это; и это будет,- разойтись, поищите себе места!.. - Но он не выдержал, и с тем озлоблением, которое может быть только у человека, который любит, он, видимо сам страдая, затряс кулаками и прокричал ей:

- И хоть бы какой-нибудь дурак взял ее замуж! - Он хлопнул дверью, позвал к себе m-lle Bourienne и затих в кабинете».

После этого разговора к Болконским на обед съехались шесть избранных персон, среди которых были Пьер и Борис. После обеда Пьер задержался, чтобы объяснить Марье причину визита Друбецкого: «молодой человек обыкновенно из Петербурга приезжает в Москву в отпуск только с целью жениться на богатой невесте». Искренность и открытость Пьера поразили княжну, и она доверила ему свои сокровенные мысли:

«- Ах, как тяжело бывает любить человека близкого и чувствовать, что... ничего (продолжала она дрожащим голосом) не можешь для него сделать, кроме горя, когда знаешь, что не можешь этого переменить. Тогда одно - уйти, а куда мне уйти?»

В минуты откровения Марья решила спросить Пьера о Наташе.

«- Умна она? - спросила княжна Марья. Пьер задумался.

- Я думаю, нет, - сказал он, - а впрочем - да. Она не достаивает быть умной... Да нет, она обворожительна, и больше ничего. - Княжна Марья опять неодобрительно покачала головой...

- Ах, я так желаю любить ее! Вы ей это скажите, ежели увидите ее прежде меня.

- Я слышал, что они на днях будут, - сказал Пьер...

Женитьба на богатой невесте в Петербурге не удалась Борису, и он с этой же целью приехал в Москву. В Москве Борис находился в нерешительности между двумя самыми богатыми невестами - Жюли и княжной Марьей...

Жюли было двадцать семь лет. После смерти своих братьев она стала очень богата. Она была теперь совершенно некрасива; но думала, что она не только так же хороша, но еще гораздо больше привлекательна теперь, чем была прежде... Жюли была особенно ласкова к Борису; жалела о его раннем разочаровании к жизни... Анна Михайловна, часто ездившая к Карагиным, составляя партию матери, между тем наводила верные справки о том, что отдавалось за Жюли (отдавались оба пензенские имения и нижегородские леса)...

В то самое время, как кончался срок отпуска Бориса, в Москве и, само собой разумеется, в гостиной Карагиных появился Анатолий Курагин, и Жюли, неожиданно оставив меланхолию, стала очень весела и внимательна к Курагину...

Мысль остаться в дураках и даром потерять весь этот месяц тяжелой меланхолической службы при Жюли и видеть все расписанные уже и употребленные как следует в его воображении доходы с пензенских имений в руках другого - в особенности в руках глупого Анатолия - оскорбляла Бориса. Он поехал к Карагиным с твердым намерением сделать предложение... Жюли заставила Бориса сказать ей все, что говорится в таких случаях, сказать, что он любит ее и никогда ни одну женщину не любил более ее. Она знала, что за пензенские имения и нижегородские леса она могла требовать этого, и она получила то, что требовала.

«Граф Илья Андреич в конце января с Наташей и Соней приехал в Москву» и остановился у Марьи Дмитриевны. «Нужно было воспользоваться присутствием старого князя, чтобы представить ему его будущую невестку». На другой день после приезда граф поехал с Наташей к Николаю Андреевичу. «Не может быть, чтоб они не полюбили меня, - думала Наташа, - меня все всегда любили. И я так готова сделать для них все, что они пожелают, так готова полюбить его - за то, что он отец, а ее за то, что она сестра, что не за что им не полюбить меня!»

Приезд Ростовых вызвал смятение среди слуг. «Наташа с первого взгляда не понравилась княжне Марье. Она ей показалась слишком нарядной, легкомысленно-веселой и тщеславной. Княжна Марья не знала, что прежде, чем она увидела свою будущую невестку, она уже была дурно расположена к ней по невольной зависти к ее красоте, молодости и счастью и по ревности к любви своего брата. Кроме этого непреодолимого чувства антипатии к ней, княжна Марья в эту минуту была взволнована еще тем, что при докладе о приезде Ростовых князь закричал, что ему их не нужно, что пусть княжна Марья принимает, если хочет, а чтобы к нему их не пускали... Наташа была оскорблена замешательством, происшедшим в передней, беспокойством своего отца и неестественным тоном княжны, которая - ей казалось - делала милость, принимая ее. И потому все ей было неприятно. Княжна Марья ей не понравилась. Она казалась ей очень дурной собой, притворной и сухою. Наташа вдруг нравственно съезжилась и приняла невольно такой небрежный тон, который еще больше отталкивал от нее княжну Марью».

Вернувшись от Болконских, Наташа долго сидела в своей комнате и рыдала, как ребенок. В этот вечер Ростовы поехали в оперу. «Две замечательно хорошенькие девушки, Наташа и Соня, с графом Ильей Андреичем, которого давно не видно было в Москве, обратили на себя внимание... Наташа похорошела в деревне, как ей все говорили, а в этот вечер, благодаря своему взволнованному состоянию, была особенно хороша. Она поражала полнотой жизни и красоты в соединении с

равнодушием ко всему окружающему».

Когда действие на сцене уже началось, в партер вошел Анатолий Курагин. Весь антракт Курагин беседовал с Долоховым, глядя на ложу Ростовых. «Наташа знала, что он говорил про нее, и это доставляло ей удовольствие... Она оглянулась и встретилась с ним глазами. Он, почти улыбаясь, смотрел ей прямо в глаза таким восхищенным, ласковым взглядом, что казалось, странно быть от него так близко, так смотреть на него, быть так уверенной, что нравишься ему, и не быть с ним знакомой». Во время второго акта «Наташа всякий раз, как выглядывала в партер, видела Анатолия Курагина, перекинувшего руку через спинку кресла и смотревшего на нее. Ей приятно было видеть, что он так пленен ею, и не приходило в голову, чтобы в этом было что-нибудь дурное». Элен познакомила Наташу со своим братом. Через пять минут разговора с Анатолием Наташа «чувствовала себя страшно близкой к этому человеку». Когда Ростовы выходили из театра, «Анатолий подошел к ним, вызвал карету и подсаживал их. Подсаживая Наташу, он пожал ей руку выше кисти. Наташа, взволнованная, красная и счастливая, оглянулась на него. Он, блестя своими глазами и нежно улыбаясь, смотрел на нее... Только приехав домой, Наташа могла ясно обдумать все то, что с ней было, и, вдруг вспомнив о князе Андрее, она ужаснулась... какой-то инстинкт говорил ей, что... хотя ничего и не было, - инстинкт говорил ей, что вся прежняя чистота любви к князю Андрею погибла. И она опять в своем воображении повторяла весь свой разговор с Курагиным и представляла себе лицо, жест и нежную улыбку этого красивого и смелого человека, в то время как он пожал ей руку... Наташа произвела сильное впечатление на Курагина. Он за ужином после театра с приемами знатока разобрал перед Долоховым достоинства ее рук, плеч, ног и волос и объявил свое решение приволокнуться за нею. Что могло выйти из этого ухаживания - Анатолий не мог обдумать и знать, как он никогда не знал того, что выйдет из каждого его поступка». На следующий день к Ростовым приехала Элен Безухова с приглашением к себе на вечер. «Анатолий просил ее свести его с Наташей, и для этого она приехала к Ростовым. Мысль свести брата с Наташей забавляла ее». На вечере «Анатолий пригласил Наташу на вальс, и во время вальса он, пожимая ее стан и руку, сказал ей... что он любит ее... - Не говорите мне таких вещей, я обручена и люблю другого, - проговорила она быстро... Она взглянула на него. Анатолий не смутился и не огорчился тем, что она сказала. - Не говорите мне про это. Что мне за дело? - сказал он. - Я говорю, что безумно, безумно влюблен в вас. Разве я виноват, что вы восхитительны?.. Горячие губы прижались к ее губам, и в ту же минуту она почувствовала себя опять свободною... Вернувшись домой, Наташа не спала всю ночь; ее мучил неразрешимый вопрос, кого она любила: Анатолия или князя Андрея? Князя Андрея она любила - она помнила ясно, как сильно она любила его. Но Анатолия она любила тоже, это было несомненно». На другой день Наташа получила письмо от Анатолия, сочиненное для него Долоховым. В письме говорилось, что участь его решена: быть любимым ею или умереть и, если Наташа скажет «да», то он похитит и увезет ее на край света. Под впечатлением слов Анатолия Наташа написала княжне Марье, «что, пользуясь великодушием князя Андрея, который уезжая дал ей свободу... она не может быть его женой. Все это ей казалось так легко, просто и ясно в эту минуту». Соня, узнав об Анатоле, пришла в ужас: «- Я боюсь, что ты погубишь себя, - решительно сказала Соня, сама

испугавшись того, что она сказала. Лицо Наташи выразило злобу. - И погублю, погублю, как можно скорее погублю себя. Не ваше дело. Не вам, а мне дурно будет. Оставь, оставь меня. Я ненавижу тебя. - Наташа! - испуганно взывала Соня. - Ненавижу, ненавижу! И ты мой враг навсегда!.. И вдруг Соне стало ясно, что у Наташи был какой-нибудь страшный план на нынешний вечер. ..» «Она убежит с ним! - думала Соня. - Она на все способна». Решившись на побег, Наташа написала записку Курагину. Однако записка попала в руки Марьи Дмитриевны, и план похищения провалился. Вскоре в Москву вернулся Пьер, которому Марья Дмитриевна рассказала о случившемся. «Милое впечатление Наташи, которую он знал с детства, не могло соединиться в его душе с новым представлением о ее низости, глупости и жестокости... Но ему все-таки до слез жалко было князя Андрея, жалко было его гордости. И чем больше он жалел своего друга, тем с большим презрением и отвращением думал об этой Наташе, с таким выражением холодного достоинства сейчас прошедшей мимо него по зале. Он не знал, что душа Наташи была преисполнена отчаяния, стыда, унижения и что она не виновата была в том, что лицо ее нечаянно выражало спокойное достоинство и строгость». В разговоре с Наташей Пьер открыл ей, что Анатолий давно женат, потому все его обещания - обман. Затем Безухов поехал к Анатолию и потребовал от него вернуть Наташины письма и сейчас же покинуть Москву. Вернувшись к Марье Дмитриевне, Пьер узнал, что Наташа отравилась мышьяком и, хотя все меры были приняты, и она вне опасности, все еще очень слаба. Через несколько дней приехал князь Андрей. Узнав о случившемся и прочитав письмо к сестре, где Наташа говорила о невозможности их брака, Болконский пожелал увидеть Пьера. Пьер попытался напомнить Андрею об их давнем разговоре. «- Послушайте, помните вы наш спор в Петербурге, - сказал Пьер, - помните о... - Помню, - поспешно отвечал князь Андрей, - я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу». Князь Андрей просил Пьера передать Наташе ее письма к нему и сказать, что она совершенно свободна. «Пьер поехал к Ростовым, чтобы исполнить свое поручение... Наташа, исхудавшая, с бледным и строгим лицом (совсем не пристыженная, какую ее ожидал Пьер), стояла посередине гостиной... - Я знаю, что все кончено, - сказала она поспешно. - Нет, это не может быть никогда. Меня мучает только зло, которое я ему сделала. Скажите только ему, что я прошу его простить, простить, простить меня за все... - Она затряслась всем телом и села на стул...- Для меня все пропало, - сказала она со стыдом и самоунижением. - Все пропало? - повторил он. - Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей. Наташа в первый раз после многих дней заплакала слезами благодарности и умиления... «Куда же можно ехать теперь?» - спросил себя Пьер. При въезде на Арбатскую площадь огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив, Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду...» Том третий

Часть первая «С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году силы эти... двинулись с Запада на Восток, к границам России, к которым точно так же с 1811-го года стягивались силы России. 12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие... Историки с наивной уверенностью говорят, что причинами этого события были обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, несоблюдение континентальной системы, властолюбие Наполеона, твердость Александра, ошибка дипломатов и т. п... Для нас, потомков, - не историков... причины его представляются в неисчислимом количестве... Ничто не было исключительной причиной события, а событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться... Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений... Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершенный поступок невозвратим, и действие его, совпадая во времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение. Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка. «Сердце царево в руце Божьей». Царь - есть раб истории. История, то есть бессознательная, общая, роевая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя как орудием для своих целей... В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего имеют связи с самым событием... 29-го мая Наполеон выехал из Дрездена... На другой день..., обогнав армию, в коляске подъехал к Неману... Неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление... Русский император между тем более месяца уже жил в Вильне, делая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны... В тот самый день, в который Наполеоном был отдан приказ о переходе через Неман и передовые войска его, оттеснив казаков, перешли через русскую границу, Александр проводил вечер на даче Бенигсена - на бале, даваемом генерал-адъютантам». Здесь же император узнал о действиях французов. 13 июня государь отправил письмо к Наполеону, где была выражена надежда в том, что французские войска будут выведены из России. Скорой встречи с французским императором у русского посланника не случилось. Только по прошествии четырех дней Балашев, генерал-адъютант Александра I, был удостоен аудиенции Наполеона. «Наполеон принимал Балашева в том самом доме в Вильне, из которого отправлял его Александр. Несмотря на привычку Балашева к придворной торжественности, роскошь и пышность двора императора Наполеона поразили его... Балашев простоял один минуты две, ожидая. За дверью слышались поспешные шаги. Быстро отворились обе половинки двери, камергер, отворивший, почтительно остановился, ожидая, все затихло, и из кабинета зазвучали другие, твердые, решительные шаги: это был Наполеон. Он только что окончил свой туалет для верховой езды. Он был в синем мундире, раскрытом над белым жилетом,

спускавшимся на круглый живот, в белых лосинах, обтягивающих жирные ляжки коротких ног, и в ботфортах. Короткие волосы его, очевидно, только что были причесаны, но одна прядь волос спускалась книзу над серединой широкого лба. Белая пухлая шея его резко выступала из-за черного воротника мундира; от него пахло одеколоном. На моложавом полном лице его с выступающим подбородком было выражение милостивого и величественного императорского приветствия... Очевидно было, что его не интересовала нисколько личность Балашева. Видно было, что только то, что происходило в его душе, имело интерес для него. Все, что было вне его, не имело для него значения, потому что все в мире, как ему казалось, зависело только от его воли». В разговоре с Балашевым Наполеон был резок и напорист. Он говорил «с тем красноречием и невоздержанием раздраженности, к которому так склонны балованные люди... - Знайте, что ежели вы поколеблете Пруссию против меня, знайте, что я сотру ее с карты Европы, - сказал он с бледным, искаженным злобой лицом, энергическим жестом одной маленькой руки ударяя по другой. - Да, я заброшу вас за Двину, за Днепр и восстановлю против вас ту преграду, которую Европа была преступна и слепа, что позволила разрушить. Да, вот что с вами будет, вот что вы выиграли, удалившись от меня, - сказал он и молча прошел несколько раз по комнате, вздрагивая своими толстыми плечами». Однако эти взрывы гнева не помешали Наполеону пригласить Балашева на обед. «После обеда перешли пить кофе в кабинет Наполеона... - Это та же комната, как мне говорили, в которой жил император Александр. Странно, не правда ли, генерал? - сказал он, очевидно, не сомневаясь в том, что это обращение не могло не быть приятно его собеседнику, так как оно доказывало превосходство его, Наполеона, над Александром... - Чего я не могу понять... это того, что император Александр приблизил к себе всех личных моих неприятелей. Я этого не... понимаю. Он не подумал о том, что я могу сделать то же?... И пусть он знает, что я это сделаю, - сказал Наполеон, вставая и отгаливая рукой свою чашку. - Я выгоню из Германии всех его родных... да, я выгоню их. Пусть он готовит для них убежище в России!.. Наполеон... обращался к Балашеву не как к послу своего врага, а как к человеку, который теперь вполне предан ему и должен радоваться унижению своего бывшего господина... Письмо, привезенное Балашевым, было последнее письмо Наполеона к Александру. Все подробности разговора были переданы русскому императору, и война началась». Князь Андрей искал встречи с Анатолом Курагиным, чтобы вызвать его на дуэль. Но ни в Петербурге, ни в Турции, куда князь направился вместе с армией Кутузова, Курагина Андрей не встретил. «В новой стране и в новых условиях жизни князю Андрею стало жить легче. После измены своей невесты, которая тем сильнее поразила его, чем старательнее он скрывал ото всех произведенное на него действие, для него были тяжелы те условия жизни, в которых он был счастлив, и еще тяжелее были свобода и независимость, которыми он так дорожил прежде. Он не только не думал тех прежних мыслей, которые в первый раз пришли ему, глядя на небо на Аустерлицком поле... но он даже боялся вспоминать об этих мыслях, раскрывавших бесконечные и светлые горизонты. Его интересовали теперь только самые ближайшие, не связанные с прежними, практические интересы, за которые он ухватывался с тем большей жадностью, чем закрытые были от него прежние. Как будто тот бесконечный удаляющийся свод неба, стоявший прежде над

ним, вдруг превратился в низкий, определенный, давивший его свод, в котором все было ясно, но ничего не было вечного и таинственного». Когда до Болконского дошла весть о войне с Наполеоном, он попросил у Кутузова перевода в Западную армию. По дороге к месту назначения Андрей заехал в Лысые Горы. В родном доме все внешне выглядело по-прежнему. «Один только Николушка вырос, переменялся, раздумячился, оброс курчавыми темными волосами и, сам не зная того, смеясь и веселясь, поднимал верхнюю губку хорошенького ротика точно так же, как ее поднимала покойница маленькая княгиня. Он один не слушался закона неизменности в этом заколдованном, спящем замке. Но хотя по внешности все оставалось по-старому, внутренние отношения... изменились... Старый князь говорил, что ежели он болен, то только от княжны Марьи; что она нарочно мучает и раздражает его; что она баловством и глупыми речами портит маленького князя Николая. Старый князь знал очень хорошо, что он мучает свою дочь, что жизнь ее очень тяжела, но знал тоже, что он не может не мучить ее и что она заслуживает этого». Объясняя сыну сложившиеся отношения в доме, превознося преданность m-lle Vougienne и осуждая неприязнь к ней дочери, старик желал знать мнение Андрея. «- Батюшка, я не хотел быть судьей, - сказал князь Андрей желчным и жестким тоном, - но вы вызвали меня, и я сказал и всегда скажу, что княжна Марья не виновата, а виноваты... виновата эта француженка... - А присудил!., присудил!.. - сказал старик тихим голосом и, как показалось князю Андрею, с смущением, но потом вдруг он вскочил и закричал: - Вон, вон! Чтоб духу твоего тут не было!..» После случившегося Андрей пребывал в смятении: он не находил в себе раскаяния в том, что вызвал гнев отца, он не испытывал прежней нежности к сыну... Догадываясь о внутренних переживаниях брата, княжна Марья сказала ему на прощание: «- Не думай, что горе сделали люди. Люди - орудие его. - Она взглянула немного повыше головы Андрея тем уверенным, привычным взглядом, с которым смотрят на знакомое место портрета. - ...Ежели тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, забудь это и прости. Мы не имеем права наказывать. И ты поймешь счастье прощать». Оказавшись вновь в среде высшего армейского офицерства, князь Андрей погрузился в атмосферу «огромного, беспокойного, блестящего и гордого мира». В этом мире существовали различные партии со своими взглядами на ведение военных действий, поддерживаемые той или иной частью светского общества. Общаясь с этими людьми, Андрей понял бесполезность их действий, увидел их беспомощность и амбициозность. «Государь спросил у князя Андрея, где он желает служить, и князь Андрей навеки потерял себя в придворном мире, не попросив остаться при особе государя, а попросив позволения служить в армии». Николай Ростов, вернувшийся из отпуска, был произведен в ротмистры и опять получил свой прежний эскадрон. 13 июля 1812 года Павлоградскому гусарскому полку в первый раз пришлось быть в серьезном деле. «Прежде Ростов, идя в дело, боялся; теперь он не испытывал ни малейшего чувства страха. Не оттого он не боялся, что он привык к огню (к опасности нельзя привыкнуть), но оттого, что он выучился управлять своей душой перед опасностью... Ростов своим зорким охотничьим глазом один из первых увидел... синих французских драгун, преследующих наших улан... Он чутьем чувствовал, что ежели ударить теперь с гусарами на французских драгун, они не устоят; но ежели ударить, то надо было

сейчас, сию минуту, иначе будет уже поздно... Ростов... толкнул лошадь, выскочил вперед эскадрона, и не успел он еще скомандовать движение, как весь эскадрон, испытывавший то же, что и он, тронулся за ним. Ростов сам не знал, как и почему он это сделал. Все это он сделал, как он делал на охоте, не думая, не соображая». В результате решительного наступления русских почти все французские драгуны начали отступать. «Ростов, выбрав себе одного из них на серой лошади, пустился за ним... Лошадь Ростова ударила грудью в зад лошади офицера, чуть сбила ее с ног, и в то же мгновение Ростов, сам не зная зачем, поднял саблю и ударил ею по французу... Офицер упал не столько от удара саблей, который только слегка разрезал ему руку выше локтя, сколько от толчка лошади и от страха. Ростов, сдержав лошадь, отыскивал глазами своего врага, чтобы увидеть, кого он победил. Драгунский французский офицер... испуганно шурясь, как будто ожидая всякую секунду нового удара, сморщившись, с выражением ужаса взглянул снизу вверх на Ростова. Лицо его, бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочками на подбородке и светлыми голубыми глазами, было самое не для поля сражения, не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо. Еще прежде, чем Ростов решил, что он с ним будет делать, офицер закричал: «Je me rends!» [Сдаюсь! (франц.)]... Что-то неясное, запутанное, чего он никак не мог объяснить себе, открылось ему взятием в плен этого офицера и тем ударом, который он нанес ему... Ростов все думал об этом своем блестящем подвиге, который, к удивлению его, приобрел ему Георгиевский крест и даже сделал ему репутацию храбреца, - и никак не мог понять чего-то. «Так и они еще больше нашего боятся! - думал он.- Так только-то и есть всего, то, что называется геройством? И разве я это делал для Отечества? И в чем он виноват с своей дырочкой и голубыми глазами? А как он испугался! Он думал, что я убью его. За что ж мне убивать его? У меня рука дрогнула. А мне дали Георгиевский крест. Ничего, ничего не понимаю!» В Москве, в доме Ростовых, все были обеспокоены болезнью Наташи. Множество докторов, приехавших к больной, не могли облегчить нравственные страдания Наташи. Все лето 1812 года Ростовы провели в Москве, но, «несмотря на отсутствие привычной деревенской жизни, молодость брала свое: горе Наташи начало покрываться слоем впечатлений прожитой жизни, оно перестало такой мучительной болью лежать ей на сердце, начинало становиться прошедшим, и Наташа стала физически оправляться... Внутренний страж твердо воспрещал ей всякую радость. Да и не было в ней всех прежних интересов жизни из того девичьего, беззаботного, полного надежд склада жизни. Чаще и болезненнее всего вспоминала она осенние месяцы, охоту, дядюшку и святки, проведенные с Nicolas в Отрадном. Что бы она дала, чтобы возратить хоть один день из того времени! Но уж это навсегда было кончено. Предчувствие не обманывало ее тогда, что то состояние свободы и открытости для всех радостей никогда уже не возвратится больше. Но жить надо было. Ей надо было думать, что она не лучше, как она прежде думала, а хуже и гораздо хуже всех, всех, кто только есть на свете. Но этого мало было. Она знала это и спрашивала себя: «Что ж дальше?» А дальше ничего не было. Не было никакой радости в жизни, а жизнь проходила. Наташа, видимо, старалась только никому не быть в тягость и никому не мешать, но для себя ей ничего не нужно было. Она удалялась от всех домашних, и только с братом Петей ей было легко. С ним она любила бывать больше, чем с

другими; и иногда, когда была с ним с глазу на глаз, смеялась. Она почти не выезжала из дому и из приезжавших к ним рада была только одному Пьеру. Нельзя было нежнее, осторожнее и вместе с тем серьезнее обращаться с нею, чем обращался с нею граф Безухов... В конце Петровского поста Аграфена Ивановна Белова, отраденская соседка Ростовых... предложила Наташе говеть, и Наташа с радостью ухватилась за эту мысль... Наташа настояла на том, чтобы... говеть так... как говела Агра-фена Ивановна, то есть всю неделю, не пропуская ни одной вечерни, обедни или заутрени... В церкви всегда было мало народа; Наташа с Беловой становились на привычное место перед иконой Божией матери... и новое для Наташи чувство смирения перед великим, непостижимым, охватывало ее, когда она в этот непривычный час утра, глядя на черный лик Божией матери, освещенный и свечами, горевшими перед ним, и светом утра, падавшим из окна, слушала звуки службы, за которыми она старалась следить, понимая их... Молитвы, которым она больше всего отдавалась, были молитвы раскаяния». В счастливый день Блаженного воскресенья Наташа, вернувшись от причастия, «в первый раз после многих месяцев почувствовала себя спокойной и не тяготящеюся жизнью, которая предстал а ей». «11-го июля, в субботу... Ростовы, по обыкновению, поехали к обедне в домовую церковь Разумовских... Дьякон вышел на амвон... громко и торжественно стал читать слова молитвы: - «Миром Господу помолимся». «Миром, - все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью - будем молиться», - думала Наташа. - «О свышнем мире и о спасении душ наших!» «О мире ангелов и душ всех бестелесных существ, которые живут над нами», - молилась Наташа. Когда молились за воинство, она вспомнила брата и Денисова. Когда молились за плавающих и путешествующих, она вспомнила князя Андрея и молилась за него, и молилась за то, чтобы Бог простил ей то зло, которое она ему сделала. Когда молились за любящих нас, она молилась о своих домашних, об отце, матери, Соне, в первый раз теперь понимая всю свою вину перед ними и чувствуя всю силу своей любви к ним. Когда молились о ненавидящих нас, она...вспомнила Анатоля, сделавшего ей столько зла, и хотя он не был ненавидящий, она радостно молилась за него как за врага... Она ощущала в душе своей благоговейный и трепетный ужас перед наказанием, постигшем людей за их грехи, и в особенности за свои грехи, и просила Бога о том, чтобы он простил их всех и ее и дал бы им всем и ей спокойствия и счастья в жизни. И ей казалось, что Бог слышит ее молитву». «С того дня, как Пьер, уезжая от Ростовых и вспоминая благодарный взгляд Наташи, смотрел на комету, стоявшую на небе, и по чувствовал, что для него открылось что-то новое, - вечно мучивший вопрос о тщете и безумности всего земного перестал представляться ему. Этот страшный вопрос: зачем? к чему? - который прежде представлялся ему в середине всякого занятия, теперь заменился для него не другим вопросом и не ответом на прежний вопрос, а представлением ее. «Я люблю ее, и никто никогда не узнает этого», - думал он». Пьер предчувствовал великие перемены. Один из братьев-масонов открыл ему пророчество относительно Наполеона, выведенное из Апокалипсиса Иоанна Богослова. Предсказание гласило, что в 1812 году наступит предел власти Наполеона. Собственные размышления привели Пьера к тому, что именно он связан какой-то неведомой нитью с этим событием. 12 июля в Москву прибыл государь. Он обратился с просьбой к дворянам

выставить ополчение, к купцам - за финансовой поддержкой. Каждый чувствовал личную ответственность: Безухов отдал тысячу человек и деньги на их содержание, старик Ростов согласился на просьбу Пети идти служить в армию и сам поехал записывать его в полк. Часть вторая «Наполеон начал войну с Россией потому, что он не мог не приехать в Дрезден, не мог не отуманиться почестями, не мог не надеть польского мундира... Александр отказывался от всех переговоров потому, что он лично чувствовал себя оскорбленным. Барклай де Толли старался наилучшим образом управлять армией для того, чтобы исполнить свой долг и заслужить славу великого полководца... И так точно, вследствие своих личных свойств, привычек, условий и целей, действовали все те неперечислимые лица, участники этой войны. Они боялись, тщеславились, радовались, негодовали, рассуждали, полагая, что они знают то, что они делают, и что делают для себя, а все были произвольными орудиями истории и производили скрытую от них, но понятную для нас работу. Такова неизменная судьба всех практических деятелей, и тем не свободнее, чем выше они стоят в людской иерархии... Провидение заставляло всех этих людей, стремясь к достижению своих личных целей, содействовать исполнению одного огромного результата, о котором ни один человек (ни Наполеон, ни Александр, ни еще менее кто-либо из участников войны) не имел ни малейшего чаяния. Теперь нам ясно, что было в 1812-м году причиной гибели французской армии. Никто не станет спорить, что причиной гибели французских войск Наполеона было, с одной стороны, вступление их в позднее время без приготовления к зимнему походу в глубь России, а с другой стороны, характер, который приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе». После отъезда сына князь Николай Андреевич Болконский был деятелен: заложил «новый сад и новый корпус, строение для дворовых». Андрей вскоре прислал письмо, где «просил с покорностью прощения у своего отца за то, что он позволил себе сказать ему, и просил его вернуть ему свою милость». Старый князь ответил ласковым письмом, а затем отдалил от себя француженку. Второе письмо князя Андрея было тревожным. Он «представлял отцу неудобства его положения вблизи от театра войны, и советовал ехать в Москву». Старик Болконский, погруженный в воспоминания и занятый домашними проблемами, не оценил серьезность той опасности, о которой писал сын и говорили его домашние. «Лысые Горы, имень князя Николая Андреевича Болконского, находилось в шестидесяти верстах от Смоленска, позади его, и в трех верстах от Московской дороги». 1 августа, в день получения второго письма от Андрея, князь отправил с поручениями в Смоленск своего управляющего Алпатыча. Пользуясь случаем, «Десаль написал для княжны Марьи письмо к губернатору, которое она подписала». В нем была просьба «уведомить ее о положении дел и о мере опасности, которой подвергаются Лысые Горы... Алпатыч, приехав вечером 4-го августа в Смоленск, остановился... на постоялом дворе, у дворника Ферапонтова... Ферапонтов двенадцать лет тому назад, с легкой руки Алпатыча, купив рошу у князя, начал торговать и теперь имел дом, постоялый двор и мучную лавку в губернии... На другой день Алпатыч... пошел по делам... В присутственных местах, в лавках, на почте все говорили о войске, о неприятеле, который уже напал на город; все спрашивали друг друга, что делать, и все старались успокаивать друг друга». Губернатор не сказал Алпатычу ничего

утеши тельного и посоветовал передать князю, чтобы он с семьей незамедлительно ехал в Москву. Выполнив все поручения, Алпатыч собрался в обратную дорогу. «Вдруг послышался странный звук дальнего свиста и удара, и вслед за тем раздался сливающийся гул пушечной пальбы, от которой задрожали стекла... Это было бомбардирование, которое в пятом часу приказал открыть Наполеон по городу, из ста тридцати орудий. Народ первое время не понимал значения этого бомбардирования... К сумеркам канонада стала стихать... Алпатыч... кликнув кучера, велел ему выезжать... Когда Алпатыч выезжал из ворот, он увидел, как в отпертой лавке Ферапонтова человек десять солдат с громким говором насыпали мешки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами. В то же время, возвращаясь с улицы в лавку, вошел Ферапонтов. Увидав солдат, он хотел крикнуть что-то, но вдруг остановился и, схватившись за волосы, захохотал рыдающим хохотом. - Тащи все, ребята! Не доставайся дьяволам! - закричал он, сам хватая мешки и выкидывая их на улицу. Некоторые солдаты, испугавшись, выбежали, некоторые продолжали насыпать. Увидав Алпатыча, Ферапонтов обратился к нему. - Решилась! Расея! - крикнул он. - Алпатыч! решилась! Сам запалю. Решилась... - Ферапонтов побежал на двор». На одной из улиц Алпатыч встретил князя Андрея, который передал ему записку сестре: «Смоленск сдают... Лысые Горы будут заняты неприятелем через неделю. Уезжайте сейчас в Москву...» А тем временем в городе сами жители жгли свои дома. «От Смоленска войска продолжали отступать. Неприятель шел вслед за ними. 10-го августа полк, которым командовал князь Андрей, проходил по большой дороге, мимо проспекта, ведущего в Лысые Горы. Жара и засуха стояли более трех недель... Солнце представлялось большим багровым шаром. Ветра не было, и люди задыхались в этой неподвижной атмосфере. Люди шли, обвязавши носы и рты платками. Приходя к деревне, все бросалось к колодцам. Дрались за воду и выпивали ее до грязи... Пожар Смоленска и оставление его были эпохой для князя Андрея. Новое чувство озлобления против врага заставляло его забывать свое горе. Он весь был предан делам своего полка, он был заботлив о своих людях и офицерах и ласков с ними. В полку его называли наш князь, им гордились и его любили». Получив известие об отъезде своих родных из Лысых Гор, Болконский на короткое время заехал в имение. На прощание он сказал Алпатычу: «- Уезжай сам, увози, что можешь, и народу вели уходить в Рязанскую или в Подмосковную...» Князь Андрей догнал свой полк на привале, у плотины небольшого пруда. «В проезд по плотине на князя Андрея пахло тиной и свежестью пруда. Ему захотелось в воду - какая бы грязная она ни была. Он оглянулся на пруд, с которого неслись крики и хохот. Небольшой мутный с зеленью пруд, видимо, поднялся четверти на две, заливая плотину, потому что он был полон человеческими, солдатскими, голыми барахтавшимися в нем белыми телами, с кирпично-красными руками, лицами и шеями. Все это голое, белое человеческое мясо с хохотом и гиком барахталось в этой грязной луже, как караси, набитые в лейку. Весельем отзывалось это барахтанье, и оттого оно особенно было грустно... Офицер Тимохин, с красным носиком, обтирался на плотине и застыдился, увидав князя, однако решился обратиться к нему: - То-то хорошо, ваше сиятельство, вы бы изволили! - сказал он. - Грязно, - сказал князь Андрей, поморщившись. - Мы сейчас очистим вам. - И Тимохин, еще не одетый, побежал очищать. - Князь хочет. - Какой? Наш князь? - заговорили

голоса, и все заторопились так, что насилу князь Андрей успел их успокоить. Он придумал лучше облиться в сарае. «Мясо, тело, chair a canon!» [пушечное мясо (франц.)] - думал он, глядя и на свое голое тело, и вздрагивая не столько от холода, сколько от самому ему непонятного отвращения и ужаса при виде этого огромного количества тел, полоскавшихся в грязном пруде. 7-го августа князь Багратион в своей стоянке Михайловке на Смоленской дороге писал следующее: «Милостивый государь граф Алексей Андреевич. (Он писал Аракчееву, но знал, что письмо его будет прочтено государем, и потому, насколько он был к тому способен, обдумывал каждое свое слово.) Я думаю, что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили... Я клянусь вам моею честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он бы мог потерять половину армии, но не взять Смоленска... Таким образом воевать не можно, и мы можем неприятеля скоро привести в Москву... Итак, я пишу вам правду: готовьте ополчение... Я не виноват, что министр нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругают его насмерть...» «В числе бесчисленных подразделений, которые можно сделать в явлениях жизни, можно подразделить их все на такие, в которых преобладает содержание, другие - в которых преобладает форма. К числу таковых, в противоположность деревенской, земской) губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, в особенности салонную. Эта жизнь неизменна. С 1805 года мы мирились и ссорились с Бонапартом, мы делали конституции и разделяли их, а салон Анны Павловны и салон Элен были точно такие же, какие они были семь лет, другой пять лет назад... В кружок Анны Павловны принимались из французов только легитимисты, и здесь выражалась патриотическая мысль о том, что не надо ездить во французский театр... За военными событиями следилось жадно, и распускались самые выгодные для нашей армии слухи. В кружке Элен, румянцевском, французском, опровергались слухи о жестокости врага и войны и обсуживались все попытки Наполеона к примирению». В светских салонах обсуждали кандидатуру нового главнокомандующего, в частности, с иронией отзывались о предполагаемом назначении Кутузова на этот пост. «24-го июля это было совершенно справедливо... Но 8 августа был собран комитет... для обсуждения дел войны. Комитет решил, что неудачи происходили от разноначалий, и, несмотря на то, что лица, составлявшие комитет, знали нерасположение государя к Кутузову, комитет, после короткого совещания, предложил назначить Кутузова главнокомандующим. И в тот же день Кутузов был назначен полномочным главнокомандующим армий и всего края, занимаемого войсками». И уже на следующий день в свете все восхищались Кутузовым. «В то время как это происходило в Петербурге, французы уже прошли Смоленск и все ближе подвигались к Москве... После Смоленска Наполеон искал сражения за Дорогобужем у Вязьмы, потом у Царева-Займища; но выходило, что по бесчисленному столкновению обстоятельств до Бородина, в ста двадцати верстах от Москвы, русские не могли принять сражения». «Княжна Марья не была в Москве и вне опасности, как думал князь Андрей. После возвращения Алпатыча из Смоленска старый князь как бы вдруг опомнился от сна. Он велел собрать из деревень ополченцев, вооружить их и написал главнокомандующему письмо, в котором

извещал его о принятом им намерении оставаться в Лысых Горах до последней крайности...» Княжна Марья осталась с отцом, а Николушка с Десалем отправились в Богучарово, чтобы оттуда ехать в Москву. На другой день после отъезда Николушки старый князь собрался ехать к главнокомандующему, но этому не суждено было свершиться. Ему сделалось плохо и приехавший врач «объявил, что у князя удар правой стороны. В Лысых Горах оставаться становилось все более и более опасным, и на другой день после удара князя повезли в Богучарово. Доктор поехал с ними. Когда они приехали в Богучарово, Десаль с маленьким князем уже уехали в Москву... Надежды на исцеление не было... Княжна Марья день и ночь, почти без сна, следила за ним, и, страшно сказать, она часто следила за ним не с надеждой найти признаки облегчения, но следила, часто желая найти признаки приближения к концу... То, что с годами не приходило ей в голову - мысли о свободной жизни без вечного страха отца, как искушения дьявола, беспрестанно носились в ее воображении... Оставаться в Богучарове становилось опасным... Доктор настаивал на том, что надо везти князя дальше; предводитель прислал чиновника к княжне Марье, уговаривая ее уезжать как можно скорее... Княжна пятнадцатого решилась ехать...» Ночь перед отъездом была тяжелой. Утром доктор сказал, что князю лучше, и Марья пошла к отцу. Его речь стала разборчивой и, обращаясь к дочери, он сказал: «- Спасибо тебе... дочь, дружок... за все, за все... прости... спасибо... прости... спасибо!.. - И слезы текли из его глаз...» Затем позвал Андрея и, услышав, что он в армии, «все понял и вспомнил, кивнул головой и открыл глаза. - Да,- сказал он явственно и тихо.- Погибла Россия! Погубили! - И он опять зарыдал, и слезы потекли у него из глаз. Княжна Марья не могла более удерживаться и плакала тоже, глядя на его лицо». В тот же день князь Николай Андреевич Болконский умер. «Богучарово было всегда, до поселения в нем князя Андрея, заглазное именье, и мужики богучаровские имели совсем другой характер от лысогорских. Они отличались от них и говором, и одеждой, и нравами. Они назывались степными. Старый князь хвалил их за их сносливость в работе, когда они приезжали подсоблять уборке в Лысых Горах или копать пруды и каналы, но не любил за их дикость. Последнее пребывание в Богучарове князя Андрея, с его нововведениями - больницами, школами и облегчением оброка, - не смягчило их нравов, а, напротив, усилило в них те черты, которые старый князь называл дикостью... Алпатыч, приехав в Богучарово несколько времени перед кончиной старого князя, заметил, что между народом происходило волнение и что, противно тому, что происходило в полосе Лысых Гор... в полосе степной, в богучаровской, крестьяне, как слышно было, имели сношения с французами, получали какие-то бумаги, ходившие между ними, и оставались на местах». Призвав к себе старосту Дрона, Алпатыч сказал, чтобы все крестьяне «собирались идти в Москву и готовили подводы завтра к утру под княжнин обоз». Однако к вечеру подводы не были собраны. «На деревне у кабака была сходка, и на сходке положено было угнать лошадей в лес и не выдавать подвод. Ничего не говоря об этом княжне, Алпатыч... поехал к начальству». Ушедшая в свое горе княжна Марья была в нерешительности относительно отъезда, и m-lle Bourienne предложила ей обратиться за помощью к французскому генералу Рамо. «Чтобы князь Андрей знал, что она во власти французов! Чтоб она, дочь князя Николая Андреевича Болконского, просила господина

генерала Рамо оказать ей покровительство и пользовалась его благодеяниями!» - эта мысль приводила ее в ужас, заставляла ее содрогаться, краснеть и чувствовать еще не испытанные ею припадки злобы и гордости». Жизнь требовала от Марьи решительных действий. Узнав о бедственном положении крестьян, она решила отдать им весь господский хлеб и призвала их ехать в подмосковное имение, где обещала помощь. Мужики, собравшиеся на сход, отказались от хлеба и решительно не собирались бросать нажитое и уезжать. Положение осложнилось. Случайно оказавшийся в этих местах Николай Ростов узнал от Алпатыча, что «когда княжна велела закладывать, чтобы ехать, мужики вышли большой толпой к амбару и выслали сказать, что они не выпустят княжны из деревни, что есть приказ, чтобы не вывозиться, и они выпрягут лошадей... Княжна Марья, потерянная и бессильная, сидела в зале, в то время как к ней ввели Ростова. Она не понимала, кто он, и зачем он, и что с нею будет. Увидав его русское лицо и по входу его и первым сказанным словам признав его за человека своего круга, она взглянула на него своим глубоким и лучистым взглядом и начала говорить обрывавшимся и дрожавшим от волнения голосом. Ростову тотчас же представилось что-то романтическое в этой встрече. «Беззащитная, убитая горем девушка, одна, оставленная на произвол грубых, бунтующих мужиков! И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда! - думал Ростов, слушая ее и глядя на нее. - И какая кротость, благородство в ее чертах и в выражении!» - думал он, слушая ее робкий рассказ. Когда она заговорила о том, что все это случилось на другой день после похорон отца, ее голос задрожал. Она отвернулась и потом, как бы боясь, чтобы Ростов не принял ее слова за желание разжалобить его, вопросительно-испуганно взглянула на него. У Ростова слезы стояли в глазах. Княжна Марья заметила это и благодарно посмотрела на Ростова тем своим лучистым взглядом, который заставлял забывать некрасивость ее лица». Решительные действия Ростова позволили княжне выехать из Богучарова. По дороге в Москву Марья вспоминала Ростова. «Как ни стыдно ей было признаться себе, что она первая полюбила человека, который, может быть, никогда не полюбит ее, она утешала себя мыслью, что никто никогда не узнает этого... Впечатление, произведенное на Ростова княжной Марьей, было очень приятное. Когда он вспоминал про нее, ему становилось весело, и когда товарищи, узнав о бывшем с ним приключении в Богучарове, шутили ему, что он, поехав за сеном, подцепил одну из самых богатых невест в России, Ростов сердился... Для себя лично Николай не мог желать жены лучше княжны Марьи: женитьба на ней сделала бы счастье графини - его матери, и поправила бы дела его отца; и даже - Николай чувствовал это - сделала бы счастье княжны Марьи. Но Соня? И данное слово? И от этого-то Ростов сердился, когда ему шутили о княжне Волконской». «Приняв командование над армиями, Кутузов вспомнил о князе Андрее и послал ему приказание прибыть в главную квартиру. Князь Андрей приехал в Царево-Займище в тот самый день и в то самое время дня, когда Кутузов делал первый смотр войскам... С тех пор как не видал его князь Андрей, Кутузов еще потолстел, обрюзг и оплыл жиром. Но знакомые ему белый глаз, и рана, и выражение усталости в его лице и фигуре были те же». Андрей стал невольным слушателем доклада дежурного генерала. «Одно распоряжение, которое от себя в этот доклад сделал Кутузов, относилось до мародерства русских войск. Дежурный генерал в конце доклада представил

светлейшему к подписи бумагу о взыскании с армейских начальников по прошению помещика за скошенный зеленый овес. Кутузов зачмокал губами и закачал головой, выслушав это дело. - В печку... в огонь! И раз навсегда тебе говорю, голубчик, - сказал он, - все эти дела в огонь. Пускай косят хлеба и жгут дрова на здоровье. Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Без этого нельзя. Дрова рубят - щепки летят...» Через полчаса князя Андрея позвали к Кутузову. Он рассказал главнокомандующему о кончине отца и о том, что видел в Лысых Горах. «- До чего... до чего довели! - проговорил вдруг Кутузов взволнованным голосом, очевидно, ясно представив себе, из рассказа князя Андрея, положение, в котором находилась Россия. - Дай срок, дай срок, - прибавил он с злобным выражением лица и, очевидно, не желая продолжать этого взволновавшего его разговора, сказал: - Я тебя вызвал, чтоб оставить при себе. - Благодарю вашу светлость, - отвечал князь Андрей... - я привык к полку, полюбил офицеров, и люди меня, кажется, полюбили. Мне бы жалко было оставить полк... Умное, доброе и вместе с тем тонко-насмешливое выражение светилось на пухлом лице Кутузова. Он перебил Болконского: - Жалею, ты бы мне нужен был; но ты прав, ты прав. Нам не сюда люди нужны. Советчиков всегда много, а людей нет... Иди с Богом своей дорогой. Я знаю, твоя дорога - это дорога чести». В завершение разговора Кутузов сказал, что, чтобы выиграть военную кампанию, нужно иметь терпение и время. И, говоря о французах, проговорил воодушевленно: «- Верь моему слову... будут у меня лошадиное мясо есть!..» Возвращаясь в полк, Андрей думал о Кутузове: «Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, - это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое. А главное... почему веришь ему, - это то, что он русский...» «С приближением неприятеля к Москве взгляд москвичей на свое положение не только не делался серьезнее, но, напротив, еще легкомысленнее, как это всегда бывает с людьми, которые видят приближающуюся большую опасность. При приближении опасности всегда два голоса одинаково сильно говорят в душе человека: один весьма разумно говорит о том, чтобы человек обдумал самое чувство опасности и средства для избавления от нее; другой еще разумнее говорит, что слишком тяжело и мучительно думать об опасности, тогда как предвидеть все и спастись от общего хода дела не во власти человека, и потому лучше отвернуться от тяжелого, до тех пор пока оно не наступило, и думать о приятном. В одиночестве человек большей частью отдается первому голосу, в обществе, напротив, - второму. Так было и теперь с жителями Москвы. Давно так не веселились в Москве, как этот год». Губернатор Москвы граф Растопчин распространял по городу афишу со словами: «Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет». «Эти слова в первый раз ясно показали Пьеру, что французы будут в Москве... «Поступить на военную службу и ехать в армию или дожидаться?» - в сотый раз задавал себе Пьер этот вопрос». В конце концов Пьер решился. «24-го числа прояснело после дурной погоды, и в этот день после обеда Пьер выехал из Москвы. Ночью, переменя лошадей в Перхушкове, Пьер узнал, что в этот вечер было большое сражение. Рассказывали, что здесь, в Перхушкове, земля дрожала от выстрелов. На вопросы Пьера о том, кто победил, никто не мог дать ему ответа. (Это было сражение 24-го числа при Шевардине.) На

рассвете Пьер подъезжал к Можайску... В Можайске и за Можайском везде стояли и шли войска... Пьер торопился скорее ехать вперед, и чем дальше он отъезжал от Москвы и чем глубже погружался в это море войск, тем больше им овладевала тревога беспокойства и не испытанное еще им новое радостное чувство. Это было чувство... необходимости предпринять что-то и пожертвовать чем-то. Он испытывал теперь приятное чувство сознания того, что все то, что составляет счастье людей, удобства жизни, богатство, даже самая жизнь, есть вздор, который приятно откинуть в сравнении с чем-то... С чем, Пьер не мог себе дать отчета, да и не старался уяснить себе, для кого и для чего он находит особенную прелесть пожертвовать всем. Его не занимало то, для чего он хочет жертвовать, но самое жертвование составляло для него новое радостное чувство». «24-го было сражение при Шевардинском редуте, 25-го не было пущено ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны, 26-го произошло Бородинское сражение. Для чего и как были даны и приняты сражения при Шевардине и при Бородине? Для чего было дано Бородинское сражение? Ни для французов, ни для русских оно не имело ни малейшего смысла. Результатом ближайшим было и должно было быть - для русских то, что мы приблизились к гибели Москвы (чего мы боялись больше всего в мире), а для французов то, что они приблизились к гибели всей армии (чего они тоже боялись больше всего в мире). Результат этот был тогда же совершенно очевиден, а между тем Наполеон дал, а Кутузов принял это сражение... До Бородинского сражения наши силы приблизительно относились к французским как пять к шести, а после сражения как один к двум, то есть до сражения сто тысяч к ста двадцати, а после сражения пятьдесят к ста. А вместе с тем умный и опытный Кутузов принял сражение. Наполеон же, гениальный полководец, как его называют, дал сражение, теряя четверть армии и еще более растягивая свою линию... Итак, Бородинское сражение произошло совсем не так, как (стараясь скрыть ошибки наших военачальников и вследствие того умаляя славу русского войска и народа) описывают его. Бородинское сражение не произошло на избранной и укрепленной позиции с несколько только слабейшими со стороны русских силами, а Бородинское сражение, вследствие потери Шевардинского редута, принято было русскими на открытой, почти не укрепленной местности с вдвое слабейшими силами против французов, то есть в таких условиях, в которых не только немислимо было драться десять часов и сделать сражение нерешительным, но немислимо было удержать в продолжение трех часов армию от совершенного разгрома и бегства». «25-го утром Пьер выезжал из Можайска... Пьер ехал, оглядываясь по обе стороны дороги, отыскивая знакомые лица и везде встречая только незнакомые военные лица разных родов войск, одинаково с удивлением смотревшие на его белую шляпу и зеленый фрак...» «Кавалеристы идут на сраженье, и встречают раненых, и ни на минуту не задумываются над тем, что их ждет, а идут мимо и подмигивают раненым. А из этих всех двадцать тысяч обречены на смерть, а они удивляются на мою шляпу! Странно!» - думал Пьер, направляясь дальше к Татариновой... Пьер вышел из экипажа и мимо работающих ополченцев взшел на курган, с которого... было видно поле сражения. Из-под горы от Бородина поднималось церковное шествие... Солдаты и офицеры несли большую, с черным ликом в окладе, икону. Это была икона, вывезенная из Смоленска и с того времени возимая за армией... Как только

уставшие дьячки (певшие двадцатый молебен) начинали лениво и привычно петь: «Спаси от бед рабы твоя, Богородице», и священник и дьякон подхватывали: «Яко вси по Бозе к тебе прибегаем, яко нерушимой стене и предстательству», - на всех лицах вспыхивало опять выражение сознания торжественности наступающей минуты... Толпа, окружавшая икону, вдруг раскрылась и надавила Пьера. Кто-то, вероятно, очень важное лицо... подходил к иконе. Это был Кутузов, объезжавший позицию. Он, возвращаясь к Татариновой, подошел к молебну... Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колена, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости. Седая голова его подергивалась от усилий. Наконец он встал и с детски-наивным вытягиванием губ приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитет последовал его примеру...» Среди свиты Кутузова был Борис Друбецкой. «В начальствовании армией были две резкие, определенные партии: партия Кутузова и партия Бенигсена, начальника штаба. Борис находился при этой последней партии, и никто так, как он, не умел, воздавая раболепное уважение Кутузову, давать чувствовать, что старик плох и что все дело ведется Бенигсеном. Теперь наступила решительная минута сражения, которая должна была или уничтожить Кутузова и передать власть Бенигсену, или, ежели бы даже Кутузов выиграл сражение, дать почувствовать, что все сделано Бенигсеном. Во всяком случае, за завтрашний день должны были быть розданы большие награды и выдвинуты вперед новые люди. И вследствие этого Борис находился в раздраженном оживлении весь день». Он предложил Пьеру поехать с ним осмотреть позиции. Здесь же Пьер столкнулся с Долоховым, который пытался доказать Кутузову свою преданность. До лыхов подошел к Безухову, взял его за руку. «- Очень рад встретить вас здесь, граф,- сказал он ему громко и не стесняясь присутствием посторонних, с особенной решительностью и торжественностью.- Накануне дня, в который Бог знает кому из нас суждено остаться в живых, я рад случаю сказать вам, что я жалею о тех недоразумениях, которые были между нами, и желал бы, чтобы вы не имели против меня ничего. Прошу вас простить меня. Пьер, улыбаясь, глядел на Долохова, не зная, что сказать ему. Долохов со слезами, выступившими ему на глаза, обнял и поцеловал Пьера... Через полчаса Кутузов уехал в Татаринову, и Бенигсен со свитой, в числе которой был и Пьер, поехал по линии». «Князь Андрей в этот ясный августовский вечер 25-го числа лежал, облокотившись на руку, в разломанном сарае деревни Князькова, на краю расположения своего полка... Мысли самые простые, ясные и потому страшные мысли не оставляли его в покое. Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое страшное из всех тех, в которых он участвовал, и возможность смерти в первый раз в его жизни, безо всякого отношения к житейскому, без соображений о том, как она подействует на других, а только по отношению к нему самому, к его душе, с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно, представилась ему». Он говорил себе: «Слава, общественное благо, любовь к женщине, самое Отечество - как велики казались мне эти картины, какого глубокого смысла казались они исполненными! И все это так просто, бледно, грубо при холодном белом свете того утра, которое я чувствую, поднимается для меня»... Он поглядел на полосу берез с их неподвижной желтизной, зеленью и белой корой, блестящих на солнце. «Умереть, чтобы меня убили завтра, чтобы меня не было...

чтобы все это было, а меня не было». Он живо представил себе отсутствие себя в этой жизни. И эти березы с их светом и тенью, и эти курчавые облака, и этот дым костров - все вдруг преобразилось для него и показалось чем-то страшным и угрожающим. Мороз пробежал по его спине. Быстро встав, он вышел из сарая и стал ходить». В это время к нему приехал Пьер. Андрею неприятно было видеть друга, «в глазах его и выражении всего лица было больше чем сухость - была враждебность, которую тотчас заметил Пьер». Чтобы не быть с Безуховым наедине, Андрей предложил офицерам, сопровождавшим Пьера, «посидеть у него и выпить чаю». Во время беседы зашел разговор об отстранении Барклая. Андрей это объяснял так: «- Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, нужен свой, родной человек...» Говоря о предстоящем сражении, Болконский уверенно сказал: « - Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции... От того чувства, которое есть во мне, в нем,- он указал на Тимохина, - в каждом солдате... Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение!» Эти слова поддержал Тимохин. Андрей высказывал давно выстраданные им мысли: «- Я не брал бы пленных. Что такое пленные? Это рыцарство. Французы разорили мой дом и идут разорить Москву, и оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все, по моим понятиям. И так же думает Тимохин и вся армия. Надо их казнить. Ежели они враги мои, то не могут быть друзьями, как бы они там ни разговаривали в Тильзите». После разговора с Андреем Пьер «понял теперь весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения... Он понял ту скрытую... теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти». Прощались друзья с мыслью, что это их последняя встреча. Расставшись с Пьером, Андрей вернулся в сарай, «лег на ковер, но не мог спать». Он вспомнил Наташу и улыбнулся, и вдруг его словно обожгли воспоминания об Анатоле: «И до сих пор он жив и весел». «25-го августа, накануне Бородинского сражения, префект дворца французов m-r de Beausset и полковник Fabvier приехали, первый из Парижа, второй из Мадрида, к императору Наполеону в его стоянку у Валуева... Император Наполеон еще не выходил из своей спальни и оканчивал свой туалет. Он, пофыркивая и побряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью под щетку, которою камердинер растирал его тело. Другой камердинер, придерживая пальцем склянку, брызгал одеколоном на выхоленное тело императора с таким выражением, которое говорило, что он один мог знать, сколько и куда надо брызнуть одеколону. Короткие волосы Наполеона были мокры и спутаны на лоб. Но лицо его, хоть опухшее и желтое, выражало физическое удовольствие...» Боссе привез Наполеону подарок от императрицы. «Это был яркими красками написанный Жераром портрет мальчика, рожденного от Наполеона и дочери австрийского императора, которого почему-то все называли королем Рима. Весьма красивый курчавый мальчик, со взглядом, похожим на взгляд Христа в Сикстинской мадонне, изображен был играющим на бильбоке. Шар представлял земной шар, а палочка в другой руке изображала скипетр... С свойственной итальянцам способностью изменять произвольно выражение лица, Наполеон подошел к портрету и сделал вид задумчивой нежности. Он чувствовал,

что то, что он скажет и сделает теперь, - есть история... После завтрака Наполеон, в присутствии Боссе, продиктовал свой приказ по армии... В приказе было: «... Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвою!» Весь этот день 25 августа, как говорят его историки, Наполеон провел на коне, осматривая местность, обдумывая планы, представляемые ему его маршалами, и отдавая лично приказания своим генералам». Вернувшись в ставку, он продиктовал диспозицию сражения, из которой ничего не было исполнено. «Многие историки говорят, что Бородинское сражение не выиграно французами потому, что у Наполеона был насморк», но «не Наполеон распоряжался ходом сраженья, потому что... во время сражения он не знал про то, что происходило впереди его. Стало быть, и то, каким образом люди убивали друг друга, происходило не по воле Наполеона, а шло независимо от него, по воле сотен тысяч людей, участвовавших в общем деле. Наполеону казалось только, что все дело происходило по воле его. И потому вопрос о том, был ли у Наполеона насморк, не имеет для истории большего интереса, чем вопрос о насморке последнего фуражничего солдата... В половине шестого Наполеон верхом ехал к деревне Шевардину. Начинало светать, небо расчистило, только одна туча лежала на востоке. Покинутые костры догорали в слабом свете утра. Вправо раздался густой одинокий пушечный выстрел, заколебался воздух; четвертый, пятый раздались близко и торжественно где-то справа. Еще не отзвучали первые выстрелы, как раздались еще другие, еще и еще, сливаясь и перебивая один другой. Наполеон подъехал со свитой к Шевардинскому редуту и слез с лошади. Игра началась». «Вернувшись от князя Андрея в Горки, Пьер... тотчас же заснул». Когда он очнулся на следующее утро, везде слышалась пальба. Пьер направился к кургану, где уже «была толпа военных... и виднелась голова Кутузова с его белой с красным околышем фуражкой и седым затылком, утонувшим в плечи... Войдя на курган, Пьер... замер от восхищенья перед красотой зрелища». «Везде - спереди, справа, слева - виднелись войска. Все это было оживленно, величественно и неожиданно; но то, что более всего поразило Пьера,- это был вид самого поля сражения... Все... двигалось или казалось движущимся, потому что туман и дым тянулись по всему этому пространству... Эти дымы выстрелов и, страшно сказать, звуки их производили главную красоту зрелища... Пьеру захотелось быть там, где были эти дымы, эти блестящие штыки и пушки, это движение, эти звуки. Он оглянулся на Кутузова и на его свиту, чтобы сверить свое впечатление с другими. Все точно так же, как и он, и, как ему казалось, с тем же чувством смотрели вперед, на поле сражения. На их лицах светилась теперь та скрытая теплота (*chaleur latente*) чувства, которое Пьер замечал вчера и которое он понял совершенно после своего разговора с князем Андреем». Пьер решил поехать за генералом, который только что получил задание от Кутузова. «Генерал, за которым скакал Пьер, спустившись под гору, круто повернул влево, и Пьер, потеряв его из вида, вскакал в ряды пехотных солдат, шедших впереди его. Он пытался выехать из них то вправо, то влево; но везде были солдаты, с одинаково озабоченными лицами, занятыми каким-то невидным, но, очевидно, важным делом. Все с одинаково недовольно-вопросительным взглядом смотрели на этого толстого человека в белой шляпе, неизвестно для чего топчущего их своею лошадыю». Сам того не зная, Пьер оказался на батарее Раевского.

«Солдаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда все убедились, что этот человек в белой шляпе не только не делал ничего дурного, но или смиренно сидел на откосе вала, или с робкой улыбкой, учтиво сторонясь перед солдатами, прохаживался по батарее под выстрелами так же спокойно, как по бульвару, тогда понемногу чувство недоброжелательного недоумения к нему стало переходить в ласковое и шутовское участие, подобное тому, которое солдаты имеют к своим животным: собакам, петухам, козлам и вообще животным, живущим при воинских командах. Солдаты эти сейчас же мысленно приняли Пьера в свою семью, присвоили себе и дали ему прозвище. «Наш барин» прозвали его и про него ласково смеялись между собой. Одно ядро взрыло землю в двух шагах от Пьера. Он, обчищая взбрызнутую ядром землю с платья, с улыбкой оглянулся вокруг себя. - И как это вы не боитесь, барин, право! - обратился к Пьеру краснорожий широкий солдат, оскаливая крепкие белые зубы. - А ты разве боишься? - спросил Пьер. - А то как же? - отвечал солдат. - Ведь она не помилует. Она шмякнет, так кишки вон. Нельзя не бояться,- сказал он, смеясь». Перекатная пальба усиливалась. Все внимание Пьера поглощали «наблюдения за тем, как бы семейным (отделенным от всех других) кружком людей, находившихся на батарее... К десяти часам уже человек двадцать унесли с батареи; два орудия были разбиты, чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальние пули. Но люди, бывшие на батарее, как будто не замечали этого; со всех сторон слышался веселый говор и шутки... Пьер замечал, как после каждого попавшего ядра, после каждой потери все более и более разгоралось общее оживление. Как из придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии скрытого, разгорающегося огня». Пытаясь быть полезным, Пьер вызвался принести ящик с резервными боеприпасами. Но ему не удалось выполнить поручение - его оглушило разрывом снаряда. Придя в себя, Пьер возвратился на батарею. «Толпы раненых, знакомых и незнакомых Пьеру, русских и французов, с изуродованными страданием лицами, шли, ползли и на носилках неслись с батареи. Пьер вошел на курган, где он провел более часа времени, и из того семейного кружка, который принял его к себе, он не нашел никого... «Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали!» - думал Пьер, бесцельно направляясь за толпами носилок, двигавшихся с поля сражения». «Главное действие Бородинского сражения произошло на пространстве тысячи сажен между Бородиным и флешами Багратиона... От Шевардинского редута, на котором стоял Наполеон, флешы находились на расстоянии версты, а Бородино более чем в двух верстах расстояния по прямой линии, и поэтому Наполеон не мог видеть того, что происходило там, тем более что дым, сливаясь с туманом, скрывал всю местность». Обстоятельства в сражении беспрестанно менялись. В результате тех распоряжения, которые давали император, а также маршалы и генералы, не участвовавшие в самих военных действиях, резко приводились в исполнение. «Большой частью выходило противное тому, что они приказывали... Генералы Наполеона - Даву, Ней и Мюрат, находившиеся в близости этой области огня и даже иногда заезжавшие в нее, несколько раз вводили в эту область огня стройные и огромные массы войск. Но противно тому, что неизменно совершалось во всех прежних сражениях, вместо ожидаемого известия о бегстве

неприятеля, стройные массы войск возвращались оттуда расстроенными, испуганными толпами. Они вновь устраивали их, но людей все становилось меньше... Наполеон испытывал тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок, безумно кидавший свои деньги, всегда выигрывавший и вдруг, именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает. Войска были те же, генералы те же, те же были приготовления, та же диспозиция... он сам был тот же, он это знал, он знал, что он был даже гораздо опытнее и искуснее теперь, чем он был прежде, даже враг был тот же, как под Аустерлицем и Фридрихсфельдом; но страшный размах руки падал волшебным образом бессильно. Все те прежние приемы, бывало, неизменно увенчиваемые успехом... уже были употреблены, и... не было победы... Сражения уже не было. Было продолжавшееся убийство, которое ни к чему не могло привести ни русских, ни французов ». «Кутузов сидел, понурив седую голову и опустившись тяжелым телом, на покрытой ковром лавке, на том самом месте, на котором утром его видел Пьер. Он не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему... Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти. Общее выражение лица Кутузова было сосредоточенное, спокойное внимание и напряжение, едва преодолевавшее усталость слабого и старого тела... В третьем часу атаки французов прекратились. На всех лицах, приехавших с поля сражения, и на тех, которые стояли вокруг него, Кутузов читал выражение напряженности, дошедшей до высшей степени. Кутузов был доволен успехом дня сверх ожидания. Но физические силы оставляли старика... - Кайсаров! - крикнул Кутузов своего адъютанта. - Садись пиши приказ на завтрашний день. А ты, - обратился он к другому, - поезжай по линии и объяви, что завтра мы атакуем... И по неопределимой, таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющее главный нерв войны, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день, передалась одновременно во все концы войска». Полк князя Андрея был в резервах. Во втором часу дня его выдвинули на промежуток между Семеновским оврагом и батареей Раевского, куда «был направлен усиленно-сосредоточенный огонь» неприятеля. «Сначала князь Андрей, считал своею обязанностью возбуждать мужество солдат и показывать им пример, прохаживался по рядам; но потом он убедился, что ему нечему и нечем учить их». Князь Андрей, «нахмуренный и бледный», ходил по лугу. «- Берегись! - слышался испуганный крик солдата, и, как свистящая на быстром полете, приседающая на землю птичка, в двух шагах от князя Андрея, подле лошади батальонного командира, негромко шлепнулась граната. Лошадь первая, не спрашивая того, хорошо или дурно было высказывать страх, фыркнула, взвилась, чуть не сронив майора, и отскакала в сторону. Ужас лошади сообщился людям. - Ложись! - крикнул голос адъютанта, прилегшего к земле. Князь Андрей стоял в нерешительности. Граната, как волчок, дымясь, вертелась между ним и лежащим

адъютантом, на краю пашни и луга, подле куста полыни. «Неужели это смерть? - думал князь Андрей, совершенно новым, завистливым взглядом глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, вьющуюся от вертящегося черного мячика. - Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух...» - Он думал это и вместе с тем помнил о том, что на него смотрят. - Стыдно, господин офицер! - сказал он адъютанту. - Какой... - он не договорил. В одно и то же время послышался взрыв, свист осколков как бы разбитой рамы, душный запах пороха - и князь Андрей рванулся в сторону и, подняв кверху руку, упал на грудь». Ополченцы на носилках отнесли его на перевязочный пункт, где внесли в палатку и «положили на только что очистившийся стол... Все, что он видел вокруг себя, слилось для него в одно общее впечатление обнаженного, окровавленного человеческого тела, которое, казалось, наполняло всю низкую палатку, как несколько недель тому назад в этот жаркий, августовский день это же тело наполняло грязный пруд по Смоленской дороге. Да, это было то самое тело, та самая chair a canon [мясо для пушек (франц.)], вид которой еще тогда, как бы предсказывая теперешнее, возбудил в нем ужас... На другом столе, около которого толпилось много народа, на спине лежал большой, полный человек с закинутой назад головой (вьющиеся волосы, их цвет и форма головы показались странно знакомы князю Андрею)... Человек этот судорожно рыдал и захлебывался. Два доктора молча... что-то делали над красной ногой этого человека». К Болконскому подошел доктор, ощупал его рану и тяжело вздохнул. «Мучительная боль внутри живота заставила князя Андрея потерять сознание. Когда он очнулся, разбитые кости бедра были вынуты, клоки мяса отрезаны, и рана перевязана. Ему прыскали в лицо водою. Как только князь Андрей открыл глаза, доктор нагнулся над ним, молча поцеловал его в губы и поспешно отошел. После перенесенного страдания князь Андрей чувствовал блаженство, давно не испытанное им... В несчастном, рыдающем, обессиленном человеке, которому только что отняли ногу, он узнал Анатоля Курагина. Анатоля держали на руках и предлагали ему воду в стакане, края которого он не мог поймать дрожащими, распухшими губами. Анатолий тяжело всхлипывал... Князь Андрей вспомнил все, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце... «Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам - да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!» «Страшный вид поля сражения, покрытого трупами и ранеными, в соединении с тяжестью головы и с известиями об убитых и раненых двадцати знакомых генералах и с сознанием бессильности своей прежде сильной руки произвели неожиданное впечатление на Наполеона, который обыкновенно любил рассматривать убитых и раненых, испытывая тем свою душевную силу (как он думал)... Желтый, опухлый, тяжелый, с мутными глазами, красным носом и охриплым голосом, он сидел на складном стуле, невольно прислушиваясь к звукам пальбы и не поднимая глаз... Он в эту минуту не хотел для себя ни Москвы, ни победы, ни славы. (Какой нужно было ему еще славы?) Одно, чего он желал теперь, - отдыха, спокойствия и свободы... Никогда, до конца жизни, не мог понимать он ни добра, ни красоты, ни истины, ни значения своих поступков, которые были слишком противоположны добру и правде, слишком

далеки от всего человеческого, для того чтобы он мог понимать их значение. Он не мог отречься от своих поступков, восхваляемых половиной света, и потому должен был отречься от правды и добра и всего человеческого». Над полем сражения «прежде столь весело-красивым, с его блестящими штыками и дымами в утреннем солнце, стояла теперь мгла сырости и дыма и пахло странной кислотой селитры и крови. Собрались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных, и на изнуренных, и на сомневающихся людей. Как будто он говорил: «Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы делаете?»... Не один Наполеон испытывал то похожее на сновиденье чувство... но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии... испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена... Победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным... Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника». Часть третья «Русские войска, отступив от Бородина, стояли у Филей... Кутузов на Поклонной горе, в шести верстах от Дорогомиловской заставы, вышел из экипажа и сел на лавку на краю дороги. Огромная толпа генералов собралась вокруг него. Граф Растворчин, приехав из Москвы, присоединился к ним. Все это блестящее общество, разбившись на несколько кружков, говорило между собой о выгодах и невыгодах позиции, о положении войск, о предполагаемых планах, о состоянии Москвы, вообще о вопросах военных... Из всех разговоров этих Кутузов видел одно: защищать Москву не было никакой физической возможности... Один страшный вопрос занимал его... «Неужели это я допустил до Москвы Наполеона, и когда же я это сделал? Когда это решилось?..» В просторной, лучшей избе мужика Андрея Савостьянова в два часа собрался совет. Мужики, бабы и дети мужицкой большой семьи теснились в черной избе через сени. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилетняя девочка, которой светлейший, приласкав ее, дал за чаем кусок сахара, оставалась на печи в большой избе. Малаша робко и радостно смотрела с печи на лица, мундиры и кресты генералов, одного за другим входивших в избу и рассаживавшихся в красном углу, на широких лавках под образами. Сам дедушка, как внутренне называла Малаша Кутузова, сидел от них особо, в темном углу за печкой. Он сидел, глубоко опустившись в складное кресло, и беспрестанно побрякивал и расправлял воротник сюртука, который, хотя и расстегнутый, все как будто жал его шею... Беннигсен открыл совет вопросом: «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать ее?»... Все лица нахмурились, и в тишине слышалось сердитое кряхтенье и покашливанье Кутузова. Все глаза смотрели на него. Малаша тоже смотрела на дедушку. Она ближе всех была к нему и видела, как лицо его сморщилось: он точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго. - Священную древнюю столицу России! - вдруг заговорил он, сердитым голосом повторяя слова Беннигсена и этим указывая на фальшивую ноту этих слов.-

Позвольте вам сказать, ваше сиятельство, что вопрос этот не имеет смысла для русского человека... Вопрос, для которого я просил собраться этих господ, это вопрос военный. Вопрос следующий: «Спасенье России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения? Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение». В завершении прений Кутузов сказал: «- Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут несогласны со мной. Но я (он остановился) властью, врученной мне государем и отечеством, я - приказываю отступление... Отпустив генералов, Кутузов долго сидел, облокотившись на стол, и думал все о том же страшном вопросе: «Когда же, когда же наконец решилось то, что оставлена Москва? Когда было сделано то, что решило вопрос, и кто виноват в этом?» - Этого, этого я не ждал,- сказал он вошедшему к нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру,- этого я не ждал! Этого я не думал! - Вам надо отдохнуть, ваша светлость,- сказал Шнейдер. - Да нет же! Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки,- не отвечая, прокричал Кутузов, ударяя пухлым кулаком по столу,- будут и они, только бы...» «Сознание... того, что Москва будет взята, лежало в русском московском обществе 12-го года. Те, которые стали выезжать из Москвы еще в июле и начале августа, показали, что они ждали этого. Те, которые выезжали с тем, что они могли захватить, оставляя дома и половину имущества, действовали так вследствие того скрытого (latent) патриотизма, который выражается не фразами, не убийством детей для спасения отечества и т. п. неестественными действиями, а который выражается незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты... Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это хуже всего... Граф же Ростопчин... не понимал значения совершающегося события, а хотел только что-то сделать сам, удивить кого-то, что-то совершить патриотически-геройское... и старался своей маленькой рукой то поощрять, то задерживать течение громадного, уносившего его вместе с собой, народного потока». «Элен, возвратившись вместе с двором из Вильны в Петербург, находилась в затруднительном положении. В Петербурге Элен пользовалась особым покровительством вельможи, занимавшего одну из высших должностей в государстве. В Вильне же она сблизилась с молодым иностранным принцем». Элен решила связать с одним из них свою дальнейшую судьбу. Она приняла католичество, тем самым, как ей казалось, отказавшись от нравственных обязательств перед Пьером. Ей удалось сделать так, что по «Петербургу... распространился слух не о том, что Элен хочет развестись с своим мужем», а о том, что «несчастливая, интересная Элен находится в недоуменье... за кого из двух ей выйти замуж... В начале августа дело Элен совершенно определилось, и она написала своему мужу (который ее очень любил, как она думала) письмо, в котором извещала его о своем намерении выйти замуж за NN и о том, что она вступила в единую истинную религию и что она просит его исполнить все те необходимые для развода формальности, о которых передаст ему податель сего письма... Это письмо было привезено в дом Пьера в то время, как он находился на Бородинском поле». В конце Бородинского сражения, сбегав с батареи Раевского, Пьер шел с толпами солдат. «Пройдя версты три по большой Можайской дороге, Пьер сел на краю ее». В

середине ночи трое солдат развели подле него огонь и принялись готовить еду. Узнав, что Пьер - ополченный офицер, потерявший своих, солдаты предложили ему поесть. Пьер чувствовал «необходимость умалить как возможно свое общественное положение, чтобы быть ближе и понятнее для солдат». Он «подсел к огню и стал есть кавардачок, то кушанье, которое было в котелке и которое ему казалось самым вкусным из всех кушаний, которые он когда-либо ел». Утром вместе с солдатами он пришел в Можайск. На постоялом дворе, где Пьер остановился, не было места, и ему пришлось лечь в свою коляску. «Слава Богу, что этого нет больше,- подумал Пьер, закрываясь с головой. - О, как ужасен страх и как позорно я отдался ему! А они... они все время, до конца были тверды, спокойны...» - подумал он. Они в понятии Пьера были солдаты - те, которые были на батарее, и те, которые кормили его, и те, которые молились на икону. Они - эти странные, неведомые ему доселе они, ясно и резко отделялись в его мысли от всех других людей. «Солдатом быть, просто солдатом! - думал Пьер, засыпая. - Войти в эту общую жизнь всем существом, проникнуться тем, что делает их такими. Но как скинуть с себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внешнего человека?.. Война есть наитруднейшее подчинение свободы человека законам Бога... Простота есть покорность Богу; от него не уйдешь. И они просты. Они не говорят, но делают». Пьер встал и, велел догонять себя, пошел пешком через город... Догнавшую его коляску Пьер отдал знакомому раненому генералу. «30-го числа Пьер вернулся в Москву». Растропчин, к которому он отправился, не заезжая домой, настоятельно советовал уезжать из Москвы. На другой день утром Пьер, поспешно одевшись, вышел из дома через заднее крыло. «С тех пор и до конца московского разорения никто из домашних Безуховых, несмотря на все поиски, не видал больше Пьера и не знал, где он находился». «Ростовы до 1-го сентября, то есть до кануна вступления неприятеля в Москву, оставались в городе». Все в доме готовились к отъезду, только Наташа и Петя не помогали родителям. Они смеялись и радовались. «Пете было весело оттого, что, уехав из дома -мальчиком, он вернулся (как ему говорили все) молодцом-мужчиной», что «попал в Москву, где на днях будут драться... Наташа же была весела потому, что она слишком долго была грустна... потому, что был человек, который ею восхищался (восхищение других была та мазь колес, которая была необходима для того, чтобы машина совершенно свободно двигалась), и Петя восхищался ею... Наташе совестно было ничего не делать в доме... но душа ее не лежала к этому делу; а она не могла и не умела делать что-нибудь не от всей души, не изо всех сил». 31 августа на улице около дома Ростовых остановились подводы с ранеными. Наташа, видя их бедственное положение, предложила разместить раненых в доме. За обедом Петя рассказывал московские новости. «Он говорил, что нынче народ разбирает оружие в Кремле, что в афише Растропчина хоть и сказано, что он клич кликнет дня за два, но что уж сделано распоряжение, наверное, о том, чтобы завтра весь народ шел на Три Горы с оружием, и что там будет большое сражение». Поздней ночью в дом к Ростовым попал еще один раненый. Это был князь Андрей Болконский. «Наступил последний день Москвы. Была ясная веселая осенняя погода. Было воскресенье. Как и в обыкновенные воскресенья, благовестили к обедне во всех церквях. Никто, казалось, не мог понять того, что ожидает Москву... Фабричные, дворовые и мужики огромной толпой, в которую замешались

чиновники, семинаристы, дворяне, в этот день рано утром вышли на Три Горы. Постояв там и не дождавшись Растопчина и убедившись в том, что Москва будет сдана, эта толпа рассыпалась по Москве, по питейным домам и трактирам. Цены на оружие, на золото, на телеги и лошадей все шли повышаясь, а цены на бумажки и на городские вещи все шли уменьшаясь... С вечера и рано утром 1-го сентября на двор к Ростовым приходили посланные денщики и слуги от раненых офицеров и притаскивались сами раненые, помещенные у Ростовых и в соседних домах, и умоляли людей Ростовых похлопотать о том, чтоб им дали подводы для выезда из Москвы». Граф, узнав об этом, хоть и нерешительно, но приказал помочь раненым. Зато графиня была в ужасе. В это время приехал Берг и, рассказывая о событиях на фронте, не преминул упомянуть о своем желании сейчас же приобрести для Веры шифоньерку и туалет. «Граф сморщился» и вместе с Наташей вышел из комнаты. Вскоре Наташа, узнав, что недовольство матери вызвано желанием «отдать все подводы под раненых, с изуродованным злобой лицом, как буря ворвалась в комнату и быстрыми шагами подошла к матери... - Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже... Маменька, ну что нам-то, что мы увезем, вы посмотрите только, что на дворе... Маменька!.. Это не может быть!.. Граф стоял у окна и, не поворачивая лица, слушал слова Наташи. Вдруг он засопел носом и приблизил свое лицо к окну. Графиня взглянула на дочь, увидела ее пристыженное за мать лицо, увидела ее волнение, поняла, отчего муж ее теперь не оглядывается на нее, и с растерянным видом оглянулась вокруг себя. - Ах, да делайте, как хотите! Разве я мешаю кому-нибудь! - сказала она, еще не вдруг сдаваясь... - Яйца... яйца курицу учат... - сквозь счастливые слезы проговорил граф и обнял жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо». С радостными возгласами Наташа выбежала на улицу. «Раненые повыползали из своих комнат и с радостными бледными лицами окружили подводы. В соседних домах тоже разнесся слух, что есть подводы, и на двор к Ростовым стали приходиться раненые из других домов. Многие из раненых просили не снимать вещей и посадить их сверху. Но раз начавшееся дело свалки вещей уже не могло остановиться. Было все равно, оставлять все или половину... Соня не переставая хлопотала тоже; но цель хлопот ее была противоположна цели Наташи. Она убирала те вещи, которые должны были остаться; записывала их, по желанию графини, и старалась захватить с собой как можно больше». Подводы Ростовых вместе с ранеными тронулись в путь. Здесь был и умирающий Болконский, но Соня и графиня не сказали об этом Наташе. Около Сухаревой башни Наташа увидела Пьера «в кучерском кафтане, шедшего по улице с нагнутой головой и серьезным лицом, подле маленького безбородого старичка, имевшего вид лакея». Он не смог объяснить своего странного вида, лишь сказал, что остается в Москве. Пьер встретил Ростовых в тот момент, когда в мужицкой одежде, приобретенной для него Герасимом, он ходил покупать пистолет. Герасим был слугой покойного Баздеева, в доме которого Пьер ночевал и скрывался, покинув свое жилище. «1-го сентября в ночь отдан приказ Кутузова об отступлении русских войск через Москву на Рязанскую дорогу... В десять часов утра 2-го сентября Наполеон стоял между своими войсками на Поклонной горе и смотрел на открывавшееся перед ним зрелище». Французский император ждал депутации. «Москва между тем была пуста. В ней были еще люди, в ней оставалась еще пятидесятая часть всех бывших прежде

жителей, но она была пуста. Она была пуста, как пуст бывает домиравший обезматочевший улей... Хотя и оборванные, голодные, измученные и уменьшенные до 1/3 части своей прежней численности, французы вступили в Москву еще в стройном порядке. Это было измученное, истощенное, но еще боевое войско. Но это было войско только до той минуты, пока солдаты этого войска не разошлись по квартирам. Как только люди полков стали расходиться по пустым и богатым домам, так навсегда уничтожилось войско и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами... И Москва все дальше и дальше всасывала их в себя. Точно, как вследствие того, что нальется вода на сухую землю, исчезает вода и сухая земля; точно так же вследствие того, что голодное войско вошло в обильный, пустой город, уничтожилось войско, и уничтожился обильный город; и сделалась грязь, сделались пожары и мародерство... Расходившееся звездой по Москве всачивание французов в день 2-го сентября достигло квартала, в котором жил теперь Пьер, только к вечеру. Пьер находился после двух последних, уединенно и необычайно проведенных ночей в состоянии, близком к сумасшествию. Всем существом его овладела одна неотвязная мысль... Он должен был, скрывая свое имя, остаться в Москве, встретить Наполеона и убить его, с тем чтобы или погибнуть, или прекратить несчастье всей Европы, происходившее, по мнению Пьера, от одного Наполеона». 2 сентября Ростовы и раненые, ехавшие с ними, разместились в селе Большие Мытищи. «Наташа с утра, когда ей сказали про рану и присутствие князя Андрея, решила, что она должна видеть его. Она не знала, для чего это должно было, но она знала, что свидание будет мучительно, и тем более она была убеждена, что оно было необходимо». Ночью, когда все заснуло, Наташа пошла в избу, где лежал князь Андрей. «Он был такой же, как всегда; но воспаленный цвет его лица, блестящие глаза, устремленные восторженно на нее, а в особенности нежная детская шея, выступавшая из отложного воротника рубашки, давали ему особый, невинный, ребяческий вид, которого, однако, она никогда не видала в князе Андрее. Она подошла к нему и быстрым, гибким, молодым движением стала на колени. Он улыбнулся и протянул ей руку... Наташа, та самая живая Наташа, которую из всех людей в мире ему более всего хотелось любить той новой, чистой божеской любовью, которая была теперь открыта ему, стояла перед ним на коленях... - Простите меня за то, что я сде...лала,- чуть слышно, прерывистым шепотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрагиваясь губами, целовать руку. - Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде,- сказал князь Андрей, поднимая рукой ее лицо так, чтобы он мог глядеть в ее глаза. Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно и радостно-любовно смотрели на него. Худое и бледное лицо Наташи с распухшими губами было более, чем некрасиво, оно было страшно. Но князь Андрей не видел этого лица, он видел сияющие глаза, которые были прекрасны... С этого дня, во время всего дальнейшего путешествия Ростовых, на всех отдыхах и ночлегах, Наташа не отходила от раненого Болконского, и доктор должен был признаться, что он не ожидал от девицы ни такой твердости, ни такого искусства ходить за ранеными». 3 сентября Пьер проснулся с твердым намерением совершить задуманное. «Подпоясав кафтан и надвинув шапку, Пьер... вышел на улицу... Он, как что-то страшное и чуждое ему, с поспешностью и ужасом нес в себе свое намерение». На одной из улиц он встретил семью чиновника, окруженную

домашними пожитками. Мать семейства бросилась к его ногам с просьбой спасти ее дочь в горевшем доме. Отправившись с дворовой девкой к их дому, Пьер нашел девочку в саду под скамейкой. Когда он возвратился со спасенным ребенком, то «заметил грузинское или армянское семейство, состоявшее из красивого... очень старого человека... старухи такого же типа и молодой женщины. Очень молодая женщина эта показалась Пьеру совершенством восточной красоты». Пока он искал родителей девочки, к этой семье подошли двое французов. Один снял со старика сапоги, другой начал срывать ожерелье с шеи молодой женщины. Пьер бросился на помощь. «Пьер был в том восторге бешенства, в котором он ничего не помнил и в котором его силы удесятерились. Он бросился на босого француза и, прежде чем тот успел вынуть свой тесак, уже сбил его с ног и молотил по нем кулаками. Послышался одобрителный крик окружавшей толпы, в то же время из-за угла показался конный разезд французских уланов. Уланы рысью подъехали к Пьеру и французу и окружили их. Пьер ничего не помнил из того, что было дальше. Он помнил, что он бил кого-то, его били и что под конец он почувствовал, что руки его связаны, что толпа французских солдат стоит вокруг него и обыскивает его платье». Пьер был арестован и вместе с другими помещен на гауптвахту. Том четвертый

Часть первая «Спокойная, роскошная, озабоченная только призраками, отражениями жизни, петербургская жизнь шла по-старому; и из-за хода этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы сознавать опасность и то трудное положение, в котором находился русский народ». 27 августа, «во время молебствия во дворце по случаю дня рождения государя, князь Волконский был вызван из церкви и получил пакет от князя Кутузова. Это было донесение Кутузова, писанное в день сражения из Татариновой, Кутузов писал, что русские не отступили ни на шаг, что французы потеряли гораздо более нашего, что он доносит второпях с поля сражения, не успев еще собрать последних сведений. Стало быть, это была победа». В дальнейшем несколько дней Кутузов не давал вестей, и об оставлении Москвы государь узнал из донесения Растопчина. «Девять дней после отступления Москвы в Петербург приехал посланный от Кутузова официальным известием об оставлении Москвы. Посланный этот был француз Мишо». Он сообщил государю о желании солдат сражаться до победы и об опасении, что будет заключен мир с французами. Александр I с выражением твердой решимости в глазах произнес: «- Наполеон или я... Мы больше не можем царствовать вместе. Я узнал его теперь, и он меня больше не обманет...» «Значение совершившегося тогда в России события тем незаметнее было, чем ближе было в нем участие человека... Николай Ростов без всякой цели самопожертвования, а случайно, так как война застала его на службе, принимал близкое и продолжительное участие в защите Отечества и потому без отчаяния и мрачных заключений смотрел на то, что совершалось тогда в России... За несколько дней до Бородинского сражения Николай получил деньги, бумаги и, послав вперед гусар, на почтовых поехал в Воронеж». На балу у губернатора, куда он был приглашен, он познакомился с тетушкой княжны Марьи, Анной Игнатьевной Мальвинцевой. Губернаторша, будучи старинной знакомой графини Ростовской, вызвалась сосватать Ростова к Волконской. Княжна Марья со своим племянником жила в Воронеже. «Она была печальна. Впечатление потери отца, соединявшееся в ее душе с гибелью России... все сильнее и сильнее чувствовалось ей». Марья

тревожилась о брате. «Она была озабочена воспитанием племянника, для которого она чувствовала себя постоянно неспособной». Тем временем губернаторша приехала к Мальвинцевой. Она поведала ей свои планы и получила одобрение. Через два дня Ростов посетил дом, где жила Марья. «С той минуты как она увидела это милое, любимое лицо, какая-то новая сила жизни овладела ею и заставила ее, помимо ее воли, говорить и действовать. Лицо ее, с того времени как вошел Ростов, вдруг преобразилось. Как вдруг с неожиданной поражающей красотой выступает на стенках расписного и резного фонаря та сложная искусная художественная работа, казавшаяся прежде грубою, темною и бессмысленною, когда зажигается свет внутри: так вдруг преобразилось лицо Марьи. В первый раз вся та чистая духовная внутренняя работа, ее страдания, стремление к добру, покорность, любовь, самопожертвование - все это светилось теперь в этих лучистых глазах, в тонкой улыбке, в каждой черте ее нежного лица. Ростов увидел все это так же ясно, как будто он знал всю ее жизнь. Он чувствовал, что существо, бывшее перед ним, было совсем другое, лучше, чем все те, которые он встречал до сих пор, и лучшее, чем он сам». После этой встречи Николай часто думал о Марье. «Чудная должно быть девушка! Вот именно, ангел! - говорил он сам с собою.- Отчего я не свободен, отчего я поторопился с Соней?»... Мечтания о Соне имели в себе что-то веселое, игрушечное. Но думать о княжне Марье всегда было трудно и немного страшно... И, умиленный воспоминанием о княжне Марье, он начал молиться так, как он давно не молился». «Казавшийся неразрешимым узел, который связывал свободу Ростова, был разрушен... неожиданным... письмом Сони». Она писала, что дает ему полную свободу. Николай не мог знать, что в глубине души Соня не желала отказываться от него, несмотря на просьбы графини. Она как бы делала уступку, надеясь, что Болконский выздоровеет и они с Наташей поженятся. Это означало бы невозможность брака Николая и Марьи как родственников. Находясь в плену, Пьер испытал страшное потрясение: на его глазах был расстрелян человек. «На всех лицах русских, на лицах французских солдат, офицеров, всех без исключения, он читал такой же испуг, ужас и борьбу, какие были в его сердце. «Да кто же это делает наконец? Они все страдают так же, как и я. Кто же? Кто же?» - на секунду блеснуло в душе Пьера... С той минуты, как Пьер увидел это страшное убийство, совершенное людьми, не хотевшими этого делать, в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось... Он чувствовал, что возвратиться к вере в жизнь - не в его власти». Пьера поместили в барак военнопленных. Он обратил внимание на маленького человека, сидевшего рядом с ним. Это был солдат Апшеронского полка Платон Каратаев, попавший в плен из госпиталя. Пьер, познакомившись поближе с Каратаевым, «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе... Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого... Вся фигура Платона в его подпоясанной веревкою французской шинели, в фуражке и лаптях, была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые; приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые... Платону Каратаеву должно было быть за пятьдесят лет... Лицо его, несмотря на мелкие круглые

морщинки, имело выражение невинности и юности; голос у него был приятный и певучий. Но главная особенность его речи состояла в непосредственности и спороности... Физические силы его и поворотливость были таковы первое время плена, что, казалось, он не понимал, что такое усталость и болезнь. Каждый день утром и вечером он, ложась, говорил: «Положи, Господи, камушком, подними калачиком»; поутру, вставая, всегда одинаково пожимая плечами, говорил: «Лег - свернулся, встал - встряхнулся»... Поговорки, которые наполняли его речь, не были те, большей частью неприличные и бойкие поговорки, которые говорят солдаты, но это были те народные изречения, которые кажутся столь незначительными, взятые отдельно, и которые получают вдруг значение глубокой мудрости, когда они сказаны кстати... Привязанностей, дружбы, любви, как понимал их Пьер, Каратаев не имел никаких; но он любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком... Платон Каратаев был для всех остальных пленных самым обыкновенным солдатом... Но для Пьера, каким он представился в первую ночь, непостижимым, круглым и вечным олицетворением духа простоты и правды, таким он и остался навсегда». Жизнь Платона, «как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал». Княжна Марья, узнав от Ростова о тяжелом ранении брата (об этом писала сыну графиня), собралась с племянником ехать к Андрею. Приехав в Троицкое, она почувствовала, «что настроение всех окружающих было так далеко от того, что было в ее душе». Лишь появление Наташи изменило ее состояние. «Но не успела княжна взглянуть на лицо Наташи, как она поняла, что это был ее искренний товарищ по горю, и потому ее друг. Она бросилась ей навстречу и, обняв ее, заплакала на ее плече... На взволнованном лице Наташи, когда она вбежала в комнату, было только одно выражение - выражение любви, беспредельной любви к нему, к ней, ко всему тому, что было близко любимому человеку, выражение жалости, страдания за других и страстного желанья отдать себя всю для того, чтобы помочь им. Видно было, что в эту минуту ни одной мысли о себе, о своих отношениях к нему не было в душе Наташи». Князь Андрей был при смерти. «В словах, в тоне его, в особенности во взгляде этом - холодном, почти враждебном взгляде - чувствовалась страшная для живого человека отчужденность от всего мирского. Он, видимо, с трудом понимал теперь все живое; но вместе с тем чувствовалось, что он не понимал живого не потому, чтобы он был лишен силы понимания, но потому, что он понимал что-то другое, "такое, чего не понимали и не могли понять живые и что поглощало его всего». Когда семилетний Николушка увидел отца, то все понял «и, не плача, вышел из комнаты, молча подошел к Наташе, вышедшей за ним, застенчиво взглянул на нее задумчивыми прекрасными глазами; приподнятая румяная верхняя губа его дрогнула, он прислонился к ней головой и заплакал. С этого дня он избегал Десалея, избегал ласкавшую его графиню и либо сидел один, либо робко подходил к княжне Марье и к Наташе, которую он, казалось, полюбил еще более своей тетки, и тихо и застенчиво ласкался к ним... Последние часы Андрея прошли обыкновенно и просто. И княжна Марья и Наташа, не отходившие от него, чувствовали это». Часть вторая «После Бородинского сражения, занятия неприятелем Москвы и сожжения ее, важнейшим эпизодом войны 1812 года историки признают движение русской армии с Рязанской на Калужскую дорогу и к

Тарутинскому лагерю - так называемый фланговый марш за Красной Пахрой... Заслуга Кутузова не состояла в каком-нибудь гениальном, как это называют, стратегическом маневре, а в том, что он один понимал значение совершившегося события. Он один понимал уже тогда значение бездействия французской армии, он один продолжал утверждать, что Бородинское сражение была победа; он один... все силы свои употреблял на то, чтобы удержать русскую армию от бесполезных сражений... В месяц грабежа французского войска в Москве и спокойной стоянки русского войска под Тарутином совершилось изменение в отношении силы обеих войск (духа и численности), вследствие которого преимущество силы оказалось на стороне русских». Было решено дать французам сражение у Тарутина. «Наполеон вступает в Москву после блестящей победы de la Moskowa; сомнения в победе не может быть, так как поле сражения остается за французами. Русские отступают и отдают столицу. Москва, наполненная провиантом, оружием, снарядами и несметными богатствами, - в руках Наполеона. Русское войско, вдвое слабейшее французского, в продолжение месяца не делает ни одной попытки нападения. Положение Наполеона самое блестящее. Для того, чтобы двойными силами навалиться на остатки русской армии и истребить ее, для того, чтобы выговорить выгодный мир или, в случае отказа, сделать угрожающее движение на Петербург, для того, чтобы даже, в случае неудачи, вернуться в Смоленск или в Вильну, или остаться в Москве, - для того, одним словом, чтобы удержать то блестящее положение, в котором находилось в то время французское войско, казалось бы, не нужно особенной гениальности. Для этого нужно было сделать самое простое и легкое: не допустить войска до грабежа, заготовить зимние одежды, которых достало бы в Москве на всю армию, и правильно собрать находившийся в Москве более чем на полгода (по показанию французских историков) провиант всему войску. Наполеон, этот гениальнейший из гениев и имевший власть управлять армиею, как утверждают историки, ничего не сделал этого». Известие о Тарутинском сражении привело французское войско в движение. «Положение всего войска было подобно положению раненого животного, чувствующего свою погибель и не знающего, что оно делает... Шорох Тарутинского сражения спугнул зверя, и он бросился вперед на выстрел, добежал до охотника, вернулся назад, опять вперед, опять назад и, наконец, как всякий зверь, побежал назад, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому следу. Наполеон, представляющийся нам руководителем всего этого движения (как диким представлялась фигура, вырезанная на носу корабля, силою, руководящею корабль), Наполеон во все это время своей деятельности был подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит». Кутузов, узнав о выходе французских войск из Москвы, повернулся «к красному углу избы, черневшему от образов. - Господи, создатель мой! Внял ты молитве нашей... - дрожащим голосом сказал он, сложив руки. - Спасена Россия. Благодарю тебя, Господи! - И он заплакал». Наполеон выбрал гибельный для армии путь отступления: путь по разоренной ими же земле, по Смоленской дороге. Часть третья «Одним из самых осязательных и выгодных отступлений от так называемых правил войны есть действие разрозненных людей против людей, жмущихся в кучу. Такого рода действия всегда проявляются в войне, принимающей на родной характер. Действия эти состоят в

том, что, вместо того чтобы становиться толпой против толпы, люди расходятся врозь, нападают поодиночке и тотчас же бегут, когда на них нападают большими силами, а потом опять нападают, когда представляется случай. Это делали гверильясы в Испании; это делали горцы на Кавказе; это делали русские в 1812-м году. Войну такого рода называли партизанскою... Партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск... 24-го августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова, и вслед за его отрядом стали учреждаться другие. Чем дальше подвигалась кампания, тем более увеличивалось число этих отрядов. Партизаны уничтожали Великую армию по частям. Они подбирали те опадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего дерева - французского войска, и иногда трясли это дерево. В октябре, в то время как французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были сотни... Был дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов ». 21 октября в отряд Денисова прискакал посыльный офицер. «Офицер этот, очень молоденький мальчик, с широким румяным лицом и быстрыми, веселыми глазами, подскочил к Денисову и подал ему промокший конверт. - От генерала, - сказал офицер, - извините, что не совсем сухо... Офицер этот был Петя Ростов». Петя горел желанием остаться у Денисова, и тот ему не отказал. Среди людей Денисова выделялся Тихон Щербатый, «один из самых нужных людей в партии. Он был мужик из Покровского под Гжатью... Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров, доставления воды, обдирания лошадей и т. п., скоро оказал большую охоту и способность к партизанской войне. Он по ночам уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие французское, а когда ему приказывали, то приводил и пленных. Денисов отставил Тихона от работ, стал брать его с собою в разъезды и зачислил в казаки. Тихон не любил ездить верхом и всегда ходил пешком, никогда не отставая от кавалерии. Оружие его составляли мушкетон, который он носил больше до смеха, пика и топор, которым он владел, как волк владеет зубами, одинаково легко выбирая ими блох из шерсти и перекусывая толстые кости. Тихон одинаково верно, со всего размаха, раскалывал топором бревно и, взяв топор за обух, выстрагивал им тонкие колышки и вырезывал ложки. В партии Денисова Тихон занимал свое особенное, исключительное место. Когда надо было сделать что-нибудь особенно трудное и гадкое - выворотить плечом в грязи повозку, за хвост вытащить из болота лошадь, ободрать ее, залезть в самую середину французов, пройти в день по пятьдесят верст, - все указывали, посмеиваясь, на Тихона... Тихон был самый полезный и храбрый человек в партии. Никто больше его не открыл случаев нападения, никто больше его не побрал и не побил французов; и вследствие этого он был шут всех казаков, гусаров и сам охотно поддавался этому чину». Еще один человек из отряда Денисова вызывал у Пети восхищение - Дол охов. «Петя в армии слышал много рассказов про необычайные храбрость и жестокость Долохова с французами». Петя решил: «Непременно поеду с Долоховым во французский лагерь. Он может, и я могу». Разведка оказалась удачной, и Петя, в приподнятом настроении вернувшись в лагерь, где шла подготовка к захвату французов с русскими пленными и транспортом, ощутил себя «в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность». Он сел на фуру и попросил казака наточить ему саблю. «Петя

стал закрывать глаза и покачиваться. Капли капали. Шел тихий говор. Лошади заржали и подрались. Храпел кто-то. - Ожиг, жиг, ожиг, жиг... - свистела натачиваемая сабля. И вдруг Петя услышал стройный хор музыки, игравшей какой-то неизвестный, торжественно сладкий гимн. Петя был музыкален, так же как Наташа, и больше Николая, но никогда не учился музыке, не думал о музыке, и потому мотивы, неожиданно приходившие ему в голову, были для него особенно новы и привлекательны. Музыка играла все слышнее и слышнее. Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имел ни малейшего понятия о том, что такое fuga. Каждый инструмент, то похожий на скрипку, то на трубы - но лучше и чище, чем скрипки и трубы, - каждый инструмент играл свое и, не доиграв еще мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвертым, и все они сливались в одно и опять разбегались, и опять сливались то в торжественно церковное, то в блестящее и победное. «Ах, да, ведь это я во сне, - качнувшись вперед, сказал себе Петя. - Это у меня в ушах. А может быть, это моя музыка. Ну, опять. Валяй моя музыка! Ну!..» Петя не знал, как долго это продолжалось: он наслаждался, все время удивлялся своему наслаждению и жалел, что некому сообщить его. Его разбудил ласковый голос Лихачева... Из караулки вышел Денисов и, окликнув Петю, приказал собираться». Во время атаки Петя с криком «ура!» ворвался в ворота дома, где были французы. «Французы в колеблющемся густом дыме одни бросали оружие и выбегали из кустов навстречу казакам, другие бежали под гору к пруду. Петя скакал на своей лошади вдоль по барскому двору и, вместо того чтобы держать поводья, странно и быстро махал обеими руками и все дальше и дальше сбивался с седла на одну сторону. Лошадь, набежав на тлевший в утреннем свете костер, уперлась, и Петя тяжело упал на мокрую землю. Казаки видели, как быстро задергались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову... - Убит?! - вскрикнул Денисов, увидав еще издали то знакомое ему, несомненно безжизненное положение, в котором лежало тело Пети... И казаки с удивлением оглянулись на звуки, похожие на собачий лай, с которыми Денисов быстро отвернулся, подошел к плетню и схватился за него. В числе отбитых Денисовым и Долоховым русских пленных был Пьер Безухов». «В плену, в балагане, Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка; но теперь, в эти последние три недели похода, он узнал еще новую, утешительную истину - он узнал, что на свете нет ничего страшного. Он узнал, что так как нет положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором бы он был бы несчастлив и несвободен... Теперь только Пьер понял всю силу жизненности человека и спасительную силу перемещения внимания, вложенную в человека, подобную тому спасительному клапану в паровиках, который выпускает лишний пар, как только плотность его превышает известную норму. Он не видал и не слышал, как пристреливали отсталых пленных, хотя более сотни из них уже погибли таким образом. Он не думал о Каратаеве, который слабел с каждым днем и, очевидно, скоро должен был подвергнуться той же участи. Еще менее Пьер думал о себе. Чем труднее становилось его положение, чем страшнее была будущность, тем

независимее от того положения, в котором он находился, приходили ему радостные и успокоительные мысли, воспоминания и представления». Последний раз Пьер видел Каратаева на одном из привалов, когда тот сидел прислонившись к березе. «Каратаев смотрел на Пьера своими добрыми, круглыми глазами, подернутыми теперь слезою, и, видимо, подзывал его к себе, хотел сказать что-то. Но Пьеру слишком страшно было за себя. Он сделал так, как будто не видал его взгляда, и поспешно отошел. Когда пленные опять тронулись, Пьер оглянулся назад. Каратаев сидел на краю дороги, у березы; и два француза что-то говорили над ним. Пьер не оглядывался больше. Он шел, прихрамывая, в гору. Сзади, с того места, где сидел Каратаев, послышался выстрел...» На очередном привале Пьер заснул. «Опять события действительности соединились с сновидениями, и опять кто-то, сам ли он или кто другой, говорил ему мысли...» «Жизнь есть все. Жизнь есть Бог. Все перемещается и движется, и это движение есть Бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий». «Каратаев!» - вспомнилось Пьеру». Именно в этот день отряд Денисова освободил пленных. «С 28-го октября, когда начались морозы, бегство французов получило только более трагический характер замерзающих и нажаривающихся насмерть у костров людей и продолжающих в шубах и колясках ехать с награбленным добром императора, королей и герцогов; но в сущности своей процесс бегства и разложения французской армии со времени выступления из Москвы нисколько не изменился... Русские, умиравшие наполовину, сделали все, что можно сделать и должно было сделать для достижения достойной народа цели... Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия. Цель эта достигалась, во-первых, сама собою, так как французы бежали, и потому следовало только не останавливать это движение. Во-вторых, цель эта достигалась действиями народной войны, уничтожавшей французов, и, в-третьих, тем, что большая русская армия шла следом за французами, готовая употребить силу в случае остановки движения французов». Часть четвертая
Когда умирает любимый человек, «кроме ужаса, ощущаемого перед уничтожением жизни, чувствуется разрыв и духовная рана, которая... иногда убивает, иногда залечивается, но всегда болит... После смерти князя Андрея Наташа и княжна Марья одинаково чувствовали это. Они, нравственно согнувшись и зажмурились от грозного, нависшего над ними облака смерти, не смели взглянуть в лицо жизни... Княжна Марья, по своему положению одной независимой хозяйки своей судьбы, опекунши и воспитательницы племянника, первая была вызвана жизнью из того мира печали, в котором она жила первые две недели... Наташа оставалась одна и с тех пор, как княжна Марья стала заниматься приготовлениями к отъезду, избегала и ее... В конце декабря, в черном шерстяном платье, с небрежно связанной пучком косой, худая и бледная, Наташа сидела с ногами в углу дивана, напряженно комкая и распуская концы пояса, и смотрела на угол двери... Быстро и неосторожно, с испуганным... выражением лица, в комнату вошла горничная Дуняша. - Пожалуйста к папаше, скорее, - сказала Дуняша с особенным и оживленным выражением. - Несчастье, о Петре Ильиче... письмо, - всхлипнув, проговорила она... Вдруг как электрический ток пробежал по всему существу Наташи. Что-то страшно больно ударило ее в сердце. Она почувствовала страшную боль; ей показалось, что что-то

отрывается в ней и что она умирает. Но вслед за болью она почувствовала мгновенно освобождение от запрета жизни, лежавшего на ней. Увидав отца и услышав из-за двери страшный, грубый крик матери, она мгновенно забыла себя и свое горе... Наташа не помнила, как прошел этот день, ночь, следующий день, следующая ночь. Она не спала и не отходила от матери. Любовь Наташи, упорная, терпеливая, не как объяснение, не как утешение, а как призыв к жизни, всякую секунду как будто со всех сторон обнимала графиню... Душевная рана матери не могла залечиться. Смерть Пети оторвала половину ее жизни. Через месяц после известия о смерти Пети, заставшего ее свежей и бодрой пятидесятилетней женщиной, она вышла из своей комнаты полумертвой и не принимающей участия в жизни - старухой. Но та же рана, которая наполовину убила графиню, эта новая рана вызвала Наташу к жизни... Последние дни князя Андрея связали Наташу с княжной Марьей. Новое несчастье еще более сблизило их. Княжна Марья отложила свой отъезд и последние три недели, как за больным ребенком, ухаживала за Наташей... «Похожа она на него? - думала Наташа. - Да, похожа и не похожа. Но она особенная, чужая, совсем новая, неизвестная. И она любит меня. Что у ней на душе? Все доброе. Но как? Как она думает? Как она на меня смотрит? Да, она прекрасная». - Маша, - сказала она, робко притянув к себе ее руку. - Маша, ты не думай, что я дурная. Нет? Маша, голубушка. Как я тебя люблю. Будем совсем, совсем друзьями. И Наташа, обнимая, стала целовать руки и лицо княжны Марьи. Княжна Марья стыдилась и радовалась этому выражению чувств Наташи. С этого дня между княжной Марьей и Наташей установилась та страстная и нежная дружба, которая бывает только между женщинами... В конце января княжна Марья уехала в Москву, и граф настоял на том, чтобы Наташа ехала с нею, с тем чтобы посоветоваться с докторами». «Быстрое движение русских за французами действовало на русскую армию точно так же разрушительно, как и бегство французов... Вся деятельность Кутузова... была направлена только к тому, чтобы... не останавливать этого губительного для французов движения (как хотели в Петербурге и в армии русские генералы), а содействовать ему и облегчить движение своих войск... Кутузов знал не умом или наукой, а всем русским существом своим знал и чувствовал то, что чувствовал каждый русский солдат, что французы побеждены, что враги бегут и надо выпроводить их; но вместе с тем он чувствовал, заодно с солдатами, всю тяжесть этого, неслыханного по быстроте и времени года похода... В 12-м и 13-м годах Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь был недоволен им... Для русских историков - странно и страшно сказать - Наполеон - это ничтожнейшее орудие истории - никогда и нигде, даже в изгнании, не выказавший человеческого достоинства, - Наполеон есть предмет восхищения и восторга; он grand. Кутузов же, тот человек, который от начала и до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина и до Вильны, ни разу ни одним действием, ни словом не изменяя себе, являет необычайный в истории пример самоотвержения и сознания в настоящем будущего значения события, - Кутузов представляется им чем-то неопределенным и жалким, и, говоря о Кутузове и 12-м годе, им всегда как будто немножко стыдно... Но каким образом тогда этот старый человек, один, в противность мнения всех, мог угадать, так верно угадал тогда значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему? Источник этой необычайной силы

прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его... Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история». Если Кутузов старался избегать столкновений с французами, то генералы, особенно не русские, желали отличиться, и потому стремились давать сражения и побеждать. Так было и под Красным, где три дня «продолжалось добивание разбитых сборищ французов измученными людьми русской армии». Под Красным «взяли двадцать шесть тысяч пленных, сотни пушек». После сражения Кутузов «выехал из Красного и поехал в Доброе, куда была переведена в нынешний день главная квартира... Перед Преображенским полком он остановился, тяжело вздохнул и закрыл глаза... Толпы офицеров окружили его. Он внимательным взглядом обвел кружок офицеров, узнав некоторых из них. - Благодарю всех! - сказал он, обращаясь к солдатам и опять к офицерам. В тишине, воцарившейся вокруг него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемые слова. - Благодарю всех за трудную и верную службу. Победа совершенная, и Россия не забудет вас. Вам слава навеки! - Он помолчал, оглядываясь... - А вот что, братцы. Я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите; недолго осталось. Выпроводим гостей, отдохнем тогда. За службу вашу вас царь не забудет. Вам трудно, да все же вы дома; а они - видите, до чего они дошли, - сказал он, указывая на пленных. - Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Теперь и они люди. Так, ребята? Он смотрел вокруг себя, и в упорных, почтительно недоумевающих, устремленных на него взглядах он читал сочувствие своим словам: лицо его становилось все светлее и светлее от старческой кроткой улыбки, звездами морщившейся в углах губ и глаз... Казалось бы, что в тех, почти невообразимо тяжелых условиях существования, в которых находились в то время русские солдаты... они должны бы были представлять самое печальное и унылое зрелище. Напротив, никогда, в самых лучших материальных условиях, войско не представляло более веселого, оживленного зрелища. Это происходило оттого, что каждый день выбрасывалось из войска все то, что начинало унывать или слабеть. Все, что было физически и нравственно слабого, давно уже осталось позади: оставался один цвет войска - по силе духа и тела». В Вильно произошла встреча Кутузова и Александра I. Речь шла о дальнейшем продвижении русских войск на запад, в Европу, чему Кутузов был ярый противник. «Неудовольствие государя против Кутузова усилилось в Вильне в особенности потому, что Кутузов, очевидно, не хотел или не мог понимать значение предстоящей кампании. Когда... государь сказал собравшимся у него офицерам: «Вы спасли не одну Россию; вы спасли Европу», - все уже тогда поняли, что война не кончена... Война 1812-го года, кроме своего дорогого русскому сердцу народного значения, должна была иметь другое - европейское. За движением народов с запада на восток должно было последовать движение народов с востока на запад, и для этой новой войны нужен был новый деятель, имеющий другие, чем Кутузов, свойства, взгляды, движимый другими побуждениями. Александр Первый для движения народов с востока на запад и для восстановления границ народов был так же необходим, как необходим был Кутузов для спасения и славы России. Кутузов не понимал того, что значило Европа, равновесие, Наполеон. Он не мог понимать этого.

Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую степень славы, русскому человеку, как русскому, делать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер». «Пьер, как это большею частью бывает, почувствовал всю тяжесть физических лишений и напряжений, испытанных в плену, только тогда, когда эти напряжения и лишения кончились... В день своего освобождения он видел труп Пети Ростова. В тот же день он узнал, что князь Андрей был жив более месяца после Бородинского сражения и только недавно умер в Ярославле, в доме Ростовых. И в тот же день Денисов, сообщивший эту новость Пьеру, между разговором упомянул о смерти Элен, предполагая, что Пьеру это уже давно известно. Все это Пьеру казалось тогда только странно. Он чувствовал, что не может понять значения всех этих известий. Он тогда торопился только поскорее, поскорее уехать из этих мест, где люди убивали друг друга, в какое-нибудь тихое убежище и там опомниться, отдохнуть и обдумать все то странное и новое, что он узнал за это время. Но как только он приехал в Орел, он заболел... Радостное чувство свободы - той полной, неотъемлемой, присущей человеку свободы, сознание которой он в первый раз испытал на первом привале, при выходе из Москвы, наполняло душу Пьера во время его выздоровления... Он не мог иметь цели, потому что он теперь имел веру... Это искание цели было только искание Бога; и вдруг он узнал в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством то, что ему давно уж говорила нянюшка: что Бог вот он, тут, везде... Прежде разрушавший все его умственные постройки страшный вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос - зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, тот Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека... Прежде Пьер казался хотя и добрым человеком, но несчастным; и потому невольно люди отдалялись от него. Теперь улыбка радости жизни постоянно играла около его рта, и в глазах его светилось участие к людям - вопрос: довольны ли они так же, как и он? И людям приятно было в его присутствии». «Трудно было бы объяснить причины, заставлявшие русских людей после выхода французов толпиться в том месте, которое прежде называлось Москвою... Москва в октябре месяце... была та же Москва, какую она была в августе. Все было разрушено, кроме чего-то невещественного, но могущественного и неразрушимого... В конце января Пьер приехал в Москву и поселился в уцелевшем флигеле». От Друбецких он узнал, что в Москве сейчас живет княжна Марья, и он сразу же поехал к ней. При разговоре с княжной присутствовала женщина в черном, которую Пьер принял было за компаньонку. «Пьер взглянул... на бледное, тонкое, с черными глазами и странным ртом, лицо компаньонки. Что-то родное, давно забытое и больше чем милое смотрело на него из этих внимательных глаз... В это время княжна Марья сказала: «Наташа». И лицо, с внимательными глазами, - улыбнулось, и из этой растворенной двери вдруг пахнуло и обдало Пьера тем давно забытым счастьем, о котором, в особенности теперь, он не думал. Пахнуло, охватило и поглотило его всего. Когда она улыбнулась, уже не могло быть сомнений: это была Наташа, и он любил ее... Смущение Пьера... почти исчезло; но вместе с тем он чувствовал, что исчезла вся его прежняя свобода. Он чувствовал, что над каждым его словом, действием теперь есть судья, суд, который дороже ему суда всех людей в мире. Он говорил теперь и вместе

с своими словами соображал то впечатление, которое производили его слова на Наташу. Он не говорил нарочно того, что бы могло понравиться ей; но, что бы он ни говорил, он с ее точки зрения судил себя... Пьер рассказывал свои похождения так, как он никогда не рассказывал никому, как он сам с собою никогда еще не вспоминал их... Теперь, когда он рассказывал все это Наташе, он испытывал то редкое наслаждение, которое дают женщины, слушая мужчину... то наслаждение, которое дают настоящие женщины, одаренные способностью вбирания и всасыванья в себя всего лучшего, что только есть в проявлениях муж чины. Наташа, сама не зная этого, была вся внимание: она не упускала ни слова, ни колебания голоса, ни взгляда, ни вздрагиванья мускула лица, ни жеста Пьера. Она на лету ловила еще не высказанное слово и прямо вносила в свое раскрытое сердце, угадывая тайный смысл всей душевной работы Пьера». Вечером, после визита Пьера, «княжна Марья и Наташа, как и всегда, сошлись в спальне. Они поговорили о том, что рассказывал Пьер... - Знаешь, Мари, - вдруг сказала Наташа с шаловливой улыбкой, которой давно не видала княжна Марья на ее лице. - Он сделался какой-то чистый, гладкий, свежий; точно из бани, ты понимаешь? - морально из бани... Пьер долго не мог заснуть в этот день... «Надо, как ни странно, как ни невозможно это счастье, - надо сделать все для того, чтобы быть с ней мужем и женой», - сказал он себе». После этой встречи Пьер стал каждый день бывать у княжны Марьи. Однажды он признался ей в своей любви к Наташе. «- Я не знаю, с каких пор я люблю ее. Но я одну только ее, одну любил во всю мою жизнь и люблю так, что без нее не могу себе представить жизни». Княжна посоветовала Пьеру написать письмо родителям Наташи, а ему самому уехать в Петербург. Со своей стороны она обещала поговорить с Наташей. «Радостное, неожиданное сумасшествие, к которому Пьер считал себя неспособным, овладело им. Весь смысл жизни, не для него одного, но для всего мира, казался ему заключающимся только в его любви и в возможности ее любви к нему... С первого того вечера, когда Наташа, после отъезда Пьера, с радостно-насмешливой улыбкой сказала княжне Марье, что он точно, ну точно из бани... с этой минуты что-то скрытое и самой ей неизвестное, но непреодолимое проснулось в душе Наташи. Все: лицо, походка, взгляд, голос - все вдруг изменилось в ней. Неожиданные для нее самой - сила жизни, надежды на счастье всплыли наружу и требовали удовлетворения... Когда, после... объяснения с Пьером, княжна Марья вернулась в свою комнату, Наташа встретила ее на пороге... Как ни понятен, как ни трогателен был для княжны Марьи тот взгляд, которым смотрела на нее Наташа; как ни жалко ей было видеть ее волнение; но... она вспомнила о брате, о его любви. «Но что же делать! она не может иначе», - подумала княжна Марья; и с грустным и несколько строгим лицом передала она Наташе все, что сказал ей Пьер». Эпилог Часть первая «Прошло семь лет после 12-го года. Взволнованное историческое море Европы улеглось в свои берега... Основной, существенный смысл европейских событий начала нынешнего столетия есть воинственное движение масс европейских народов с запада на восток и потом с востока на запад». «Свадьба Наташи, вышедшей в 13-м году за Безухова, было последнее радостное событие в старой семье Ростовых. В тот же год граф Илья Андреевич умер и, как это всегда бывает, со смертью его распалась старая семья... Николай был с русскими войсками в Париже, когда к нему пришло известие о смерти отца. Он тотчас же подал в отставку и, не дожидаясь ее, взял

отпуск и приехал в Москву. Положение денежных дел через месяц после смерти графа совершенно обозначилось, удивив всех громадностью суммы разных мелких долгов, существования которых никто и не подозревал. Долгов было вдвое больше, чем имения. Родные и друзья советовали Николаю отказаться от наследства. Но Николай в отказе от наследства видел выражение укора священной для него памяти отца и потому не хотел слышать об отказе и принял наследство с обязательством уплаты долгов... Ни один из предполагаемых Николаем оборотов не удался; имение с молотка было продано за полцены, а половина долгов осталась все-таки не уплаченной. Николай взял предложенные ему зятем Безуховым тридцать тысяч для уплаты той части долгов, которые он признавал за денежные настоящие долги. А чтобы за оставшиеся долги не быть посаженным в яму, чем ему угрожали кредиторы, он снова поступил на службу... Наташа и Пьер жили в то время в Петербурге, не имея ясного понятия о положении Николая. Николай, заняв у зятя деньги, старался скрыть от него свое бедственное положение. Положение Николая было особенно дурно потому, что свои ми тысячью двумястами рублями жалованья он не только должен был содержать себя, Соню и мать, но он должен был содержать мать так, чтобы она не замечала, что они бедны... Выхода из этого положения ему не представлялось никакого. Мысль о женитьбе на богатой наследнице, которую ему предлагали его родственницы, была ему противна». В начале зимы, приехав в Москву, княжна Марья посетила Ростовых. Холодный прием со стороны Николая очень огорчил ее. Ответный визит Ростов нанес только по требованию матери. Во время беседы Марье открылась тайна отчуждения Николая. «Так вот отчего! Вот отчего! - говорил внутренний голос в душе Марьи.- Нет, я не один этот веселый, добрый и открытый взгляд, не одну красивую внешность полюбила в нем; я угадала его благородную, самоотверженную душу,- говорила она себе.- Да, он теперь беден, а я богата... Да, только от этого... Да, если б этого не было...» - У меня так мало было счастья в жизни, что мне тяжела всякая потеря... Извините меня, прощайте.- Она вдруг заплакала и пошла из комнаты. - Княжна! постойте, ради Бога,- вскрикнул он, стараясь остановить ее.- Княжна! Она оглянулась. Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу, и далекое, невозможное вдруг стало близким, возможным и неизбежным. Осенью 1814-го года Николай женился на княжне Марье и с женой, матерью и Соней переехал на житье в Лысые Горы. В три года он, не продавая имения жены, уплатил оставшиеся долги и, получив небольшое наследство после умершей кузины, заплатил и долг Пьеру. Еще через три года, к 1817 году, Николай так устроил свои денежные дела, что прикупил небольшое имение подле Лысых Гор и вел переговоры о выкупе отцовского Отрадного, что составило любимую его мечту... Когда Николай взялся за хозяйство и стал вникать в различные его части, мужик особенно привлек к себе внимание; мужик представлялся ему не только орудием, но и целью и судьей... И только тогда, когда понял вкусы и стремления мужика, научился говорить его речью и понимать тайный смысл его речи, когда почувствовал себя сроднившимся с ним, только тогда стал он смело управлять им, то есть исполнять по отношению к мужикам ту самую должность, исполнение которой от него требовалось... Соня со времени женитьбы Николая жила в его доме. Еще перед своей женитьбой Николай, обвиняя себя и хваля ее, рассказал своей невесте все, что было между ним и Соней... Графиня Марья чувствовала

вполне вину своего мужа; чувствовала и свою вину перед Соней... Однажды она разговорилась с другом своим Наташей о Соне и о своей к ней несправедливости. - Знаешь что,- сказала Наташа,- вот ты много читала Евангелие; там есть одно место прямо о Соне. - Что? - с удивлением спросила графиня Марья. - «Имущему дастся, а у неимущего отнимется», помнишь? Она - неимущий... Она пустоцвет, знаешь, как на клубнике? Иногда мне ее жалко, а иногда я думаю, что она не чувствует этого, как чувствовали бы мы. И несмотря на то, что графиня Марья толковала Наташе, что эти слова Евангелия надо понимать иначе, - глядя на Соню, она соглашалась с объяснением, данным Наташей. Действительно, казалось, что Соня не тяготится своим положением и совершенно примирилась с своим назначением пустоцвета... Она, как кошка, прижилась не к людям, а к дому... Николай жил с своей женой так хорошо, что даже Соня и старая графиня, желавшие из ревности несогласия между ними, не могли найти предлога для упрека». «Наташа вышла замуж ранней весной 1813 года, и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын, которого она страстно желала и теперь сама кормила. Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка... Наташа не любила общества вообще, но она тем более дорожила обществом родных - графини Марьи, брата, матери и Сони. Она дорожила обществом тех людей, к которым она, растрепанная, в халате, могла выйти большими шагами из детской с радостным лицом и показать пеленку с желтым вместо зеленого пятна, и выслушать утешения о том, что теперь ребенку гораздо лучше. Наташа до такой степени опустила, что ее костюмы, прическа, ее невпопад сказанные слова, ее ревность... были обычным предметом шуток ее близких. Общее мнение было то, что Пьер был под башмаком своей жены, и действительно это было так. С самых первых дней их супружества Наташа заявила свои требования. Пьер удивился очень этому совершенно новому для него воззрению жены, состоящему в том, что каждая минута его жизни принадлежит ей и семье; Пьер удивился требованиям своей жены, но был польщен ими и подчинился им... Взамен этого Пьер имел полное право у себя в доме располагать не только самим собой, как он хотел, но и всей семьей... Весь дом руководился только мнимыми повелениями мужа, то есть желаниями Пьера, которые Наташа старалась угадывать. Образ, место жизни, знакомства, связи, занятия Наташи, воспитание детей - не только все делалось по выраженной воле Пьера, но Наташа стремилась угадать то, что могло вытекать из высказанных в разговорах мыслей Пьера... После семи лет супружества Пьер чувствовал радостное, твердое сознание того, что он не дурной человек, и чувствовал он это потому, что он видел себя отраженным в своей жене... В 1820 году с начала осени Наташа с мужем и детьми гостила у брата. На некоторое время Пьер уезжал по делам в Петербург, и, когда он вернулся, все встретили его с нескрываемой радостью. «Николенька, который был теперь пятнадцатилетний худой, с вьющимися русыми волосами и прекрасными глазами, болезненный, умный мальчик, радовался потому, что дядя Пьер, как он называл его, был предметом его восхищения и страстной любви... Он

не хотел быть ни гусаром, ни георгиевским кавалером, как дядя Николай, он хотел быть ученым, умным и добрым, как Пьер. В присутствии Пьера на его лице было всегда радостное сияние, и он краснел и задыхался, когда Пьер обращался к нему. Он не проранивал ни одного слова из того, что говорил Пьер, и потом с Десалем и сам с собою вспоминал и соображал значение каждого слова Пьера. Прошедшая жизнь Пьера, его несчастья до 12-го года (о которых он из слышанных слов составил себе смутное поэтическое представление), его приключения в Москве, плен, Платон Каратаев (о котором он слышал от Пьера), его любовь к Наташе (которую тоже особенно любовью любил мальчик) и, главное, его дружба к отцу, которого не помнил Николенька, - все это делало для него из Пьера героя и святыню». Пьеру страстно хотелось поведать о том, зачем он ездил в Петербург. Уединившись с мужчинами в кабинете (туда же проник не замеченный дядей Николенька Болконский), он высказал «свою душевную мысль». «- Все гибнет. В судах воровство, в армии одна палка: шагистика, поселения,- мучат народ, просвещение душат. Что молодо, честно, то губят! Все видят, что это не может так идти... Когда вы стоите и ждете, что вот-вот лопнет эта натянутая струна; когда все ждут неминуемого переворота, - надо как можно теснее и больше народа взяться рука с рукой, чтобы противостоять общей катастрофе... Независимых, свободных людей, как вы и я, совсем не остается. Я говорю: расширьте круг общества; mot d'ordre [лозунг (франц.)] пусть будет не одна добродетель, но независимость и деятельность... Общество может быть не тайное, ежели правительство его допустит. Оно не только не враждебное правительству, но это общество настоящих консерваторов. Общество джентльменов в полном значении этого слова. Мы только для того, чтобы завтра Пугачев не пришел зарезать и моих и твоих детей и чтобы Аракчеев не послал меня в военное поселение, - мы только для этого беремся рука с рукой, с одной целью общего блага и общей безопасности... Наташа, вошедшая в середине разговора в комнату, радостно смотрела на мужа. Она не радовалась тому, что он говорил... Но она радовалась, глядя на его оживленную, восторженную фигуру. Еще более радостно-восторженно смотрел на Пьера забытый всеми мальчик с тонкой шеей, выходявший из отложных воротничков. Всякое слово Пьера жгло его сердце, и он нервным движением пальцев ломал - сам не замечая этого - попадавшие ему в руки сургучи и перья на столе дяди... Николай чувствовал себя поставленным в тупик... - Я вот что тебе скажу,- проговорил он, вставая и нервным движением уставляя в угол трубку и, наконец, бросив ее.- Доказать я тебе не могу. Ты говоришь, что у нас все скверно и что будет переворот; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дело, и на это я тебе скажу: что ты мой лучший друг, ты это знаешь, но составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадроном и рубить - ни на секунду не задумаюсь и пойду. А там суди как хочешь... Когда все поднялись к ужину, Николенька Болконский подошел к Пьеру, бледный, с блестящими, лучистыми глазами. - Дядя Пьер... вы... нет... Ежели бы папа был жив... он бы был согласен с вами?- спросил он. Пьер вдруг понял, какая особенная, независимая, сложная работа чувства и мысли должна была происходить в этом мальчике во время его разговора и, вспомнив все, что он говорил, ему стало досадно, что мальчик слышал его.

Однако надо было ответить ему. - Я думаю, что да, - сказал он неохотно и вышел из кабинета... Когда после ужина Николай... пришел в халате в спальню, он застал жену еще за письменным столом: она что-то писала». Марья вела дневник. «В дневнике записывалось все то из детской жизни, что для матери казалось замечательным, выражая характеры детей или наводя на общие мысли о приемах воспитания... Николай оставил книжечку и посмотрел на жену. Лучистые глаза вопросительно (одобрял или не одобрял он дневник) смотрели на него. Не могло быть сомнения не только в одобрении, но в восхищении Николая своей женой... Он гордился тем, что она так умна и хороша, сознавая свое ничтожество перед нею в мире духовном, и тем более радовался тому, что она с своей душой не только принадлежала ему, но составляла часть его самого... Душа графини Марьи всегда стремилась к бесконечному, вечному и совершенному и потому никогда не могла быть покойна. На лице ее выступило строгое выражение затаенного высокого страдания души, тяготящейся телом. Николай посмотрел на нее. «Боже мой! что с нами будет, если она умрет, как это мне кажется, когда у нее такое лицо», - подумал он, и став перед образом, он стал читать вечерние молитвы». Оставшись вдвоем, Пьер заговорил с Наташей о своих петербургских впечатлениях. «- Мне удалось всех соединить, и потом моя мысль так проста и ясна. Ведь я не говорю, что мы должны противудействовать тому-то и тому-то. Мы можем ошибаться. А я говорю: возьмемтесь рука с рукою те, которые любят добро, и пусть будет одно знамя - деятельная добродетель». Наташа находилась в смущении. «Неужели такой важный и нужный человек для общества - вместе с тем мой муж? Отчего это так случилось?»... - Ты знаешь, о чем я думаю? - сказала она, - о Платоне Каратаеве. Как он? Одобрил бы тебя теперь?.. - Нет, не одобрил бы, - сказал Пьер, подумав. - Что он одобрил бы, это нашу семейную жизнь. Он желал видеть во всем благообразие, счастье, спокойствие, и я с гордостью показал бы ему нас... В это же время внизу, в отделении Николеньки Болконского, в его спальне, как всегда, горела лампадка... Николенька, только что проснувшись, в холодном поту, с широко раскрытыми глазами, сидел на своей постели и смотрел перед собой. Страшный сон разбудил его. Он видел во сне себя и Пьера в касках... Они с дядей Пьером шли впереди огромного войска... Они - он и Пьер - неслись легко и радостно ближе и ближе к цели... И дядя Николай Ильич остановился перед ними в грозной и строгой позе... Николенька оглянулся на Пьера; но Пьера уже не было. Пьер был отец - князь Андрей, и отец не имел образа и формы, но он был, и, видя его, Николенька почувствовал слабость любви: он почувствовал себя бессильным, бескостным и жидким. Отец ласкал и жалел его... «Отец, - думал он. - Отец... был со мною и ласкал меня. Он одобрял меня, он одобрял дядю Пьера. Чтобы он ни говорил - я сделаю это... Все узнают, все полюбят меня, все восхитятся мною». Часть вторая «Предмет истории есть жизнь народов и человечества. Непосредственно уловить и обнять словом - описать жизнь не только человечества, но и одного народа, представляется невозможным... Если цель истории есть описание движения человечества и народов, то первый вопрос, без ответа на который все остальное непонятно, - следующий: какая сила движет народами?.. Если сила, двигающая народами, лежит не в исторических лицах, а в самих народах, то в чем же состоит значение этих исторических лиц? Исторические лица... выражают собою волю масс; деятельность исторических лиц служит

представительницею деятельности масс... Какая причина исторических событий? - Власть. Что есть власть? - Власть есть совокупность воли, перенесенных на одно лицо. При каких условиях переносятся воли масс на одно лицо? - При условиях выражения лицом воли всех людей. То есть власть есть власть. То есть власть есть слово, значение которого нам непонятно... Не допуская божественного участия в делах человечества, мы не можем принимать власть за причину событий... Только выражение воли божества, не зависящее от времени, может относиться к целому ряду событий, имеющему совершиться через несколько лет или столетий, и только божество, ничем не вызванное, по одной своей воле может определить направление движения человечества; человек же действует во времени и сам участвует в событии... Мы можем прямо и положительно ответить на два существенных вопроса истории: 1) Что есть власть? 2) Какая сила производит движение народов? 1) Власть есть такое отношение известного лица к другим лицам, в котором лицо это тем менее принимает участие в действии, чем более оно выражает мнения, предположения и оправдания совершающегося совокупного действия. 2) Движения народов производят не власть, не умственная деятельность, даже не соединение того и другого, как то думали историки, но деятельность всех людей, принимающих участие в событии и соединяющихся всегда так, что те, которые принимают наибольшее прямое участие в событии, принимают на себя наименьшую ответственность; и наоборот...»